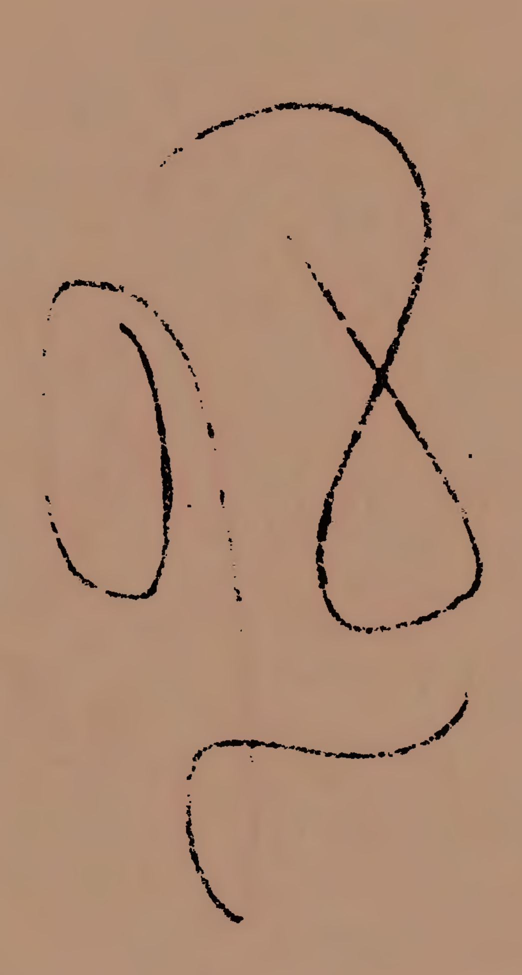
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

12

1939

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

Художественная литература, наука, искусство, публицистика, критика

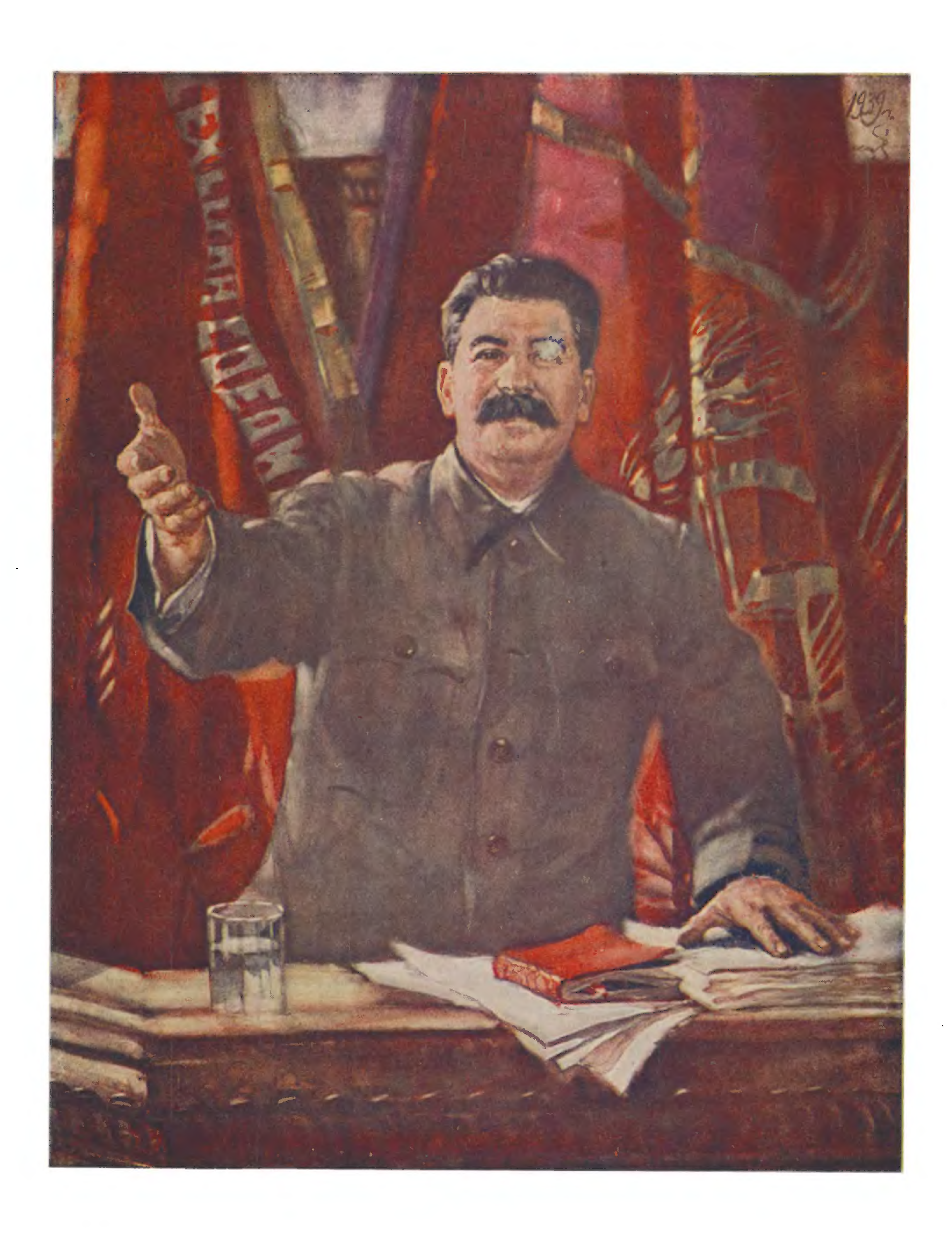
ГОД ИЗДАНИЯ XVIII

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. ЛАПИНА, В. ЛУГОВСКОГО,
, И. ПАПАНИНА, Л. СЛАВИНА,
Б. ЧИРКОВА.

1939

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

На отдельном листе—репродукция картины А. Герасимова «Выступление товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б)».

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О ПРИСВОЕНИИ ТОВАРИЩУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

За исключительные заслуги в деле организации Большевистской партии, создания Советского государства, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза — присвоить товарищу Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ, в день его шестидесятилетия, — звание ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА со вручением высшей награды СССР — ОРДЕНА ЛЕНИНА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

Москва, Кремль. 20 декабря 1939 г.

ВЕЛИКОМУ ПРОДОЛЖАТЕЛЮ ДЕЛА ЛЕНИНА—ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Дорогой друг и боевой товарищ!

Центральный Комитет большевистской партии горячо приветствует тебя, друга Ленина и великого продолжателя его дела, вождя партии и советского народа — в день твоего шестидесятилетия.

Более сорока лет ты служишь делу пролетарской революции, делу рабочего класса и всего трудового народа. Ты был вернейшим соратником Ленина в его борьбе за партию, за диктатуру пролетариата. Вместе с Лениным многие годы ты строил и выковывал могучую большевистскую партию. Вместе с Лениным ты вел партию и рабочий класс на вооруженное восстание в Октябре 1917 года. Как ближайший помощник Ленина, ты непосредственно руководил всем делом подготовки Октябрьского восстания и успешным завоеванием власти рабочим классом.

В годы отечественной гражданской войны против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины ты, товарищ Сталин, под руководством Ленина был непосредственным вдохновителем и организатором побед Красной армии на всех фронтах, где решалась судьба революции.

После смерти Ленина партия большевиков под твоим мудрым руководством, преодолев огромные трудности на своем пути, привела нашу страну к победе социализма.

Презренные враги народа троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы хотели отнять у рабочего класса, у советского народа веру в возможность победы социализма в нашей стране, неоднократно пытались подорвать партию изнутри, разбить единство большевистской партии, погубить советскую власть и социалистическую революцию. В упорной принципиальной борьбе с врагами социализма, врагами партии, под твоим руководством в борьбе за ленинизм сплотился Центральный Комитет и вся наша партия. Ты отстоял ленинскую теорию возможности победы социализма

в одной стране, развил эту великую теорию дальше, вооружил ею партию и миллионные массы трудящихся Советского Союза — это обеспечило разоблачение и разгром врагов революции.

Под твоим руководством партия большевиков осуществила социалистическую индустриализацию страны, создала новые индустриальные очаги и районы, первоклассные заводы тяжелой и легкой индустрии, мощные заводы машиностроения, что обеспечило техническую реконструкцию всего народного хозяйства и вооружение новейшими средствами обороны СССР. Под твоим руководством партия совершила такой глубочайший революционный переворот в деревне, как сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса, обеспечив на основе победы колхозного строя культурную и зажиточную жизнь многомиллионного крестьянства. Наша страна стала могучей индустриальной державой, страной крупного коллективного земледелия, страной победившего социализма.

На основе этих успехов идет быстрый подъем культуры народов Советского Союза. Создана советская интеллигенция, преданная Советской власти, делу социализма.

Партия и Советская власть под твоим руководством создали вооруженную первоклассной техникой могучую и непобедимую Красную Армию, являющуюся надежной защитой нашей родины от всех внешних врагов.

Рабочий класс в союзе с крестьянством, под руководством большевистской партии, уничтожил навсегда эксплуатацию человека человеком и утвердил новый, социалистический строй в СССР, не знающий ни кризисов, ни безработицы, обеспечивающий неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Этот главный итог нашей борьбы имеет всемирно-историческое значение, он укрепляет у трудящихся всего мира веру в торжество социализма.

Наша партия под твоим исключительно активным и непосредственным руководством создала могучее многонациональное советское государство, укрепила великую и нерушимую дружбу народов СССР — залог их процветания и непобедимости. Новая Конституция СССР, Конституция победившего социализма и развернутой социалистической демократии, по справедливости, названа народом Сталинской Конституцией.

Также, как и Ленин, ты, товарищ Сталин, всегда придавал и придаешь величайшее значение развитию и пропаганде революционной теории. Твои классические теоретические работы, ставшие достоянием миллионов людей в нашей стране и во всем мире, являются дальнейшим развитием марксизма-ленинизма в новых условиях эпохи империализма и пролетарской революции, эпохи победы социализма на одной шестой части земли. Ты развил марксистско-ленинскую теорию государства,

разработав учение о социалистическом государстве в условиях капиталистического окружения. Вооружая партию марксизмом-ленинизмом, ты неустанно сплачивал ее организационно. На этой основе осуществлено сталинское единство нашей партии.

Одним из замечательных успехов большевистской партии, достигнутых благодаря твоей заботе и руководству, является быстрый рост кадров, выдвижение многих тысяч новых работников социалистического строительства и обороны страны социализма.

Отдавая все свои силы великому служению народу, — ты, товарищ Сталин, также как и Ленин, любишь свой народ и неотделим от народа. Также как Ленин, ты окружен горячей любовью трудящихся Советского Союза и всего мира.

Сегодня наша партия и народы Советского Союза, приветствуя тебя в день шестидесятилетия, сплочены как никогда вокруг своего Центрального Комитета под знаменем Ленина — Сталина и готовы к дальнейшей борьбе за полную победу коммунизма.

Да здравствует непобедимая партия большевиков, партия Ленина — Сталина!

Живи долгие годы, наш родной Сталин, на радость партии, рабочего класса, народов советской земли и всего мира!

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

20 декабря 1939 года.

ТОВАРИЩУ И. В. СТАЛИНУ ОТ ЦК ВЛКСМ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, вся счастливая советская молодежь в день Вашего шестидесятилетия — в великий день радости советского народа и всего прогрессивного человечества, шлет Вам, отцу, другу и учителю горячий, от всего сердца комсомольский привет!

Вы — великий продолжатель дел бессмертного Ленина. Под Вашим руководством народы Советского Союза построили бесклассовое социалистическое общество и победоносно идут к коммунизму, указывая всему трудящемуся человечеству путь освобождения от оков капиталистического рабства, угнетения и эксплоатации.

Свободно и радостно живет советская молодежь. Нас не пугает завтрашний день. Перед нами открыты все пути, нам обеспечено право на труд, право на отдых, право на образование. Всем этим мы обязаны Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) — Вам, товарищ Сталин!

Все думы и чаяния советской молодежи направлены к Вам, наш вождь, отец и учитель. С гордостью и радостью советская молодежь носит в своих сердцах дорогое имя Сталин!

Ваше имя — символ беззаветной преданности всепобеждающей партии большевиков, безграничной веры в советский народ, неисчерпаемой любви к трудящимся, испепеляющей ненависти к их врагам.

Юноши и девушки, все молодое поколение страны социализма учатся у Вас, товарищ Сталин, мужеству и бесстрашию, большевистской простоте и скромности, умению бороться и побеждать.

Вместе с Лениным Вы создали Коммунистический союз молодежи, Вы стояли у колыбели комсомола, выпестовали и закалили его в боях за социализм. Вы превратили комсомол в могучую десятимиллионную армию строителей нового мира, воодушевили его идеями борьбы за коммунизм, сплотили вокруг нашей родной матери — Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Радостно нам жить и трудиться под Вашим руководством на благо всех трудящихся, во имя великих идей коммунизма. Мы заверяем Вас, любимый товарищ Сталин, что комсомол в любом деле, в любом бою с честью оправдает высокое звание могучего резерва и боевого помощника большевистской партии.

Миллионы советской молодежи, преисполненные чувством беспредельной любви к своему великому другу, отцу, учителю и вождю, провозглашают — живите долгие, долгие годы наш родной, любимый товарищ Сталин!

В. Молотов

СТАЛИН, КАК ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА ЛЕНИНА

Тов. Сталин — признанный и достойный продолжатель дела великого Ленина. Таким тов. Сталин является в глазах не только нашей коммунистической партии и народов СССР, но и в глазах борцов всего международного коммунистического движения и трудящихся всего мира. Этим сказано главное о тов. Сталине, как о вожде ВКП(б) и Советского Союза.

Теперь, спустя шестнадцать лет после смерти Ленина, не трудно понять, почему так позорно обанкротились известные претенденты на роль вождей в нашей партии и как были опасны для трудящихся нашей страны их претензии. Но в свое время, они — все эти Троцкие, Зиновьевы, Бухарины, рекламировавшие себя в качестве «соратников» Ленина, хотя в решающие моменты всегда выступавшие против Ленина и ленинской политики — доводили дело, как известно, до больших затруднений в партии и в стране, угрожали расколом большевистской партии, потрясениями в советском государстве, походом капиталистических государств против СССР. Дать должный отпор, разоблачить враждебный партии и интересам трудящихся характер их политики, разбить до конца все эти группки и фракции замаскированных врагов социализма, а вместе с ними разгромить и созданные ими впоследствии шпионско-вредительские организации, выполнявшие антисоветские задания иностранных разведок, — все это — наша партия сумела сделать с полным успехом под руководством тов. Сталина, организатора и идейного вождя большевистской партии. В этой борьбе с теми, кто проявил немалую изворотливость в прикрывании своей преступной антисоветской деятельности фальшивым флагом лже-ленинизма, наша партия не только не расстроила своих рядов, но еще больше укрепила их, выросла количественно и сплотила свои силы, увеличила свою большевистскую боеспособность, размах работы и авторитет в массах трудящихся. Благодаря этому, большевистская партия, которая осуществляет руководство всем социалистическим строительством в нашем государстве, обеспечила громадные успехи в построении социалистического общества в Советском Союзе и высоко подняла авторитет СССР в международных делах нашего времени.

Во всем этом главная и решающая заслуга принадлежит тов. Сталину, продолжателю дела Ленина, вождю ВКП(б) и Советского Союза.

1. СТАЛИН, КАК ВОЖДЬ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

С самого возникновения большевизма тов. Сталин — соратник Ленина в строительстве партии, а позже и главный соратник в руководстве партией.

До революции тов. Сталин был известен больше, как большевик-практик, как большевистский организатор. Это не значит, что тогда он не занимался вопросами марксистской теории. Напротив, и в своих ранних публицистических работах в Закавказьи он показывал основательное знание марксизма и глубокое понимание новых тогда идей Ленина об организации марксистской партии нового, боевого типа и о борьбе с оппортунизмом — меньшевизмом, а также о революционной тактике русских марксистов и о характере русской революции в свете этих ленинских идей. Последующее показало, каким крупнейшим теоретиком марксизма-ленинизма является тов. Сталин, — тем не менее, важнейшее значение имеет как раз тот факт, что тов. Сталин всегда стоял в центре кипучей практической революционной работы. И до Октября и после — тов. Сталин соединял в себе «теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения», как он сам выразился, когда характеризовал Ленина, как вождя пролетарской революции и пролетарской партии, как организатора и вождя Всесоюзной Коммунистической партии.

Соединением громадного революционного опыта с глубоким пониманием марксизма следует объяснить, что тов. Сталин, как никто другой, глубоко понял проникновенные ленинские идеи о марксистской партии нового типа, которой, как показали события, суждено было из подпольной организации профессиональных революционеров превратиться в большевистскую партию, победоносно осуществившую социалистическую революцию в нашей стране. Это видно уже по статье тов. Сталина «Вскользь о партийных разногласиях», напечатанной в 1905 году.

В знаменитой книге «Об основах ленинизма» тов. Сталин развернул этот вопрос в полной мере. Здесь он дал убийственно меткую характеристику «социалистическим» партиям II Интернационала, показав, что «партии II Интернационала непригодны для революционной борьбы пролетариата, что они являются не боевыми партиями пролетариата, ведущими рабочих к власти, а избирательным аппаратом, приспособленным к парламентским выборам и парламентской борьбе». Эти партии являются на деле «придатком и обслуживающим элементом» парламентских фракций. Такие партии сложились «в период более или менее мирного развития» и под их руководством «не могло быть и речи о подготовке пролетариата к революции».

Когда наступил новый период, а именно современный период — «период открытых столкновений классов, период революционных выступлений пролетариата, период пролетарской революции, период прямой подготовки сил к свержению империализма, к захвату власти пролетариатом» — тогда вопрос о партии рабочего класса встал по-другому. Тогда с неизбежностью должен был встать перед рабочим классом вопрос о «новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы

обойти все и всякие подводные камни на пути к цели. Без такой партии нечего и думать о свержении империализма, о завоевании диктатуры пролетариата. Эта новая партия есть партия ленинизма».

Эти взгляды на современную партию рабочего класса, как партию нового, боевого типа, образцом которой и стала партия большевиков, раскрывают существо дела, поскольку имеется в виду организация подготовки и осуществление социалистической революции. Ленин создал и выпестовал такую партию. Вместе с Лениным десятки лет строил эту партию тов. Сталин, который не только глубоко понимал значение такой организующей силы для победы над капитализмом и для строительства коммунизма после социалистической революции, но который всегда, можно сказать, вкладывал душу в дело строительства и укрепления большевистской партии, в дело ее очищения от всякой скверны оппортунизма, в дело боевой закалки партии в революционных боях со всеми и всякими врагами большевизма.

В «Истории ВКП(б)» дан, как известно, весь путь развития большевистской партии, на изучении которого должны воспитываться не только коммунисты всех стран, но и все трудящиеся, которые стремятся к освобождению от гнета капитализма, к победе коммунизма. Для этого совершенно необходимо понять значение великой организующей силы — партии ленинизма, чему учит нас тов. Сталин, чему он отдает столько сил и своего исключительного организаторского мастерства или, вернее сказать, организаторского искусства.

Припомним указание Ленина, что с точки зрения коммунизма организаторская роль пролетариата — «это его главная роль», имея в виду, что рабочий класс, как руководящая сила в построении социалистического общества, должен иметь не только крепко спаянное дисциплиной, монолитно выкованное революционное ядро — партию, но и иметь крепчайшие, живые и всесторонние связи со всей массой трудящихся, чтобы выполнить решающую задачу — переделать, перевоспитать всю массу трудящихся, в том числе и огромную непролетарскую массу, «очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой».

На примере осуществления коллективизации многомиллионной массы крестьянских хозяйств наша партия полностью показала не просто понимание этих ленинских положений, но также и умение практически претворить их в жизнь. Все знают величайшие заслуги тов. Сталина в этом деле. Все знают тов. Сталина, как лучшего организатора партии и советского государства, включая и дело организации Красной Армии, как продолжателя дела Ленина во всем нашем растущем партийном и государственном строительстве, как вождя-строителя, опирающегося на свой громадный и разносторонний практический опыт, являющегося знатоком наших кадров и жизненных условий народов СССР.

Всегда близкий к практике — в тяжелые годы большевистского подполья, в боевые дни организации Октябрьского восстания, на главных фронтах гражданской войны, в многочисленных схватках с оппортунистами и капитулянтами в партии, в делах строительства советского государства во всех его решающих областях, включая все вопросы обороны страны — тов. Сталин всегда чуток к массам, к настроениям рабочих, крестьян и интеллигенции и всегда активен, последователен и смел

в крупнейших решениях, руководствуясь одним компасом — компасом марксизма-ленинизма. Тов. Сталину принадлежат слова: «Практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией». И, действительно, во всей огромной и разносторонней практической работе тов. Сталин выступает, как последовательный марксист, как непримиримый ленинец.

Тов. Сталин не раз говорил о том, что есть марксизм и «марксизм». Есть настоящий марксизм — марксизм творческий, большевистски-революционный, каким в наше время является ленинизм. И есть марксизм другого типа — «марксизм» в кавычках, марксизм догматический, меньшевистско-антиреволюционный, только по внешней форме относимый к марксизму, а по сути дела чуждый революционно-коммунистическому учению Маркса — Ленина.

Тов. Сталин — крупнейший представитель творческого марксизма. Больше того. Тов. Сталин является блестящим продолжателем Ленина в деле дальнейшего развития идей марксизма, имя которому в наше время — в эпоху империализма и пролетарской революции — ленинизм.

Как в свое время буржуазия и ее идейные подголоски из всяких оппортунистических и антиреволюционных групп в рабочем классе стремились, да еще и в наши дни делают потуги, приспособить марксизм на свой лад, вышелушив из него наукообразными приемами революционно-коммунистическое ядро, и тем сделав его безопасным для капитализма, — так в наше время троцкистами, бухаринцами и всякими прочими фальсификаторами делались и делаются попытки выпотрошить из современного марксизма существо его всепобеждающих революционно-творческих идей — идей ленинизма. Весь период после смерти Ленина заполнен в нашей партии борьбой против оппортунистических и капитулянтских извращений ленинизма. Партия, под руководством тов. Сталина, победоносно отстояла ленинизм от этих покушений.

Сама эта борьба за идеи ленинизма была отражением вставших перед нашей революцией, а, значит, и перед нашей партией, новых вопросов, новых задач. Нельзя было дать должного идейного отпора всем этим «левым» и правым, в конечном счете одинаково антибольшевистским и антиреволюционным, шатаниям, не дав ясного марксистско-ленинского ответа на поставленные подъемом социалистической революции в СССР новые вопросы.

В статьях и выступлениях тов. Сталина партия дала эти ответы. Ответы тов. Сталина означали идейный разгром врагов ленинизма. В них, вместе с тем, идеи ленинизма получили свое дальнейшее развитие.

Ограничусь здесь лишь несколькими замечаниями о самом важном.

Коренным вопросом в наше время, естественно, стал вопрос о возможности победы социализма в одной стране, в окружении капиталистических стран. Ленин дал основы положительного ответа на этот вопрос, научно обосновав свой знаменитый тезис о возможности победы социализма в одной стране, прежде всего, неравномерностью развития капиталистических стран в эпоху империализма, то-есть в условиях достигнутой уже высшей стадии развития капитализма.

Ввиду многочисленных оппортунистически-капитулянтских попыток извратить этот ленинский тезис, тов. Сталин развернул в полной мере ленинское учение о возможности победы социализма в одной, отдельно

взятой стране и, вместе с тем, о возможности построения полного социалистического общества в СССР. При этом тов. Сталин показал, каким крупнейшим шагом вперед в развитии марксизма, применительно к современному периоду капитализма, является это ленинское учение и вооружил нашу партию ясной перспективой в борьбе за коммунизм, без чего нет и не может быть победоносной борьбы за построение социалистического общества в СССР. Тов. Сталину принадлежит историческая заслуга всестороннего обоснования и развития этих великих идей ленинизма, осветивших немеркнущим маяком весь исторический путь борьбы коммунизма за полную победу над капитализмом.

Не буду останавливаться на других вопросах теоретического развития ленинизма в работах тов. Сталина. Упомяну лишь, что сюда относятся такие крупнейшие из них: индустриализация СССР, как основа победы социализма; коллективизация многомиллионной массы крестьянских хозяйств, причем, на первой стадии, на основе артели; подъем культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда, как предпосылка уничтожения при коммунизме противоположности между трудом умственным и трудом физическим; всемерное укрепление социалистического государства, находящегося в окружении капиталистических стран, для обеспечения окончательной победы коммунизма над капитализмом; обеспечение руководства коммунистической партии в советском государстве с установлением соответствующих форм в их взаимоотношениях. Не приходится уже повторять, что тов. Сталин не только лучше всех других понял, но и развил ленинские идеи о том, что наше время требует для успешной борьбы рабочего класса за коммунизм создания революционной партии нового типа — типа большевистской партии.

Созданная под руководством тов. Сталина всем известная «История ВКП(б)» является не просто историей крупных событий и славных дел нашей партии, — она является теоретическим обобщением важнейшего исторического периода и ценнейшим вкладом в науку марксизма-ленинизма, без овладения которым нельзя по-настоящему идейно вооружиться для дальнейшей борьбы за дело коммунизма в СССР, за дело коммунизма в целом.

История большевистской партии, вместе с тем, показывает, что только такая партия могла родить и выковать таких великих вождей, как В. И. Ленин, как И. В. Сталин.

2. СТАЛИН, КАК ВОЖДЬ СССР

Как вождь ВКП(б), тов. Сталин, вместе с тем, и вождь Союза Советских Социалистических Республик. Это вполне естественно, так как нашей партии принадлежит руководящая роль в советском государстве, осуществляющем диктатуру рабочего класса на основе союза с трудящимся крестьянством.

Роль тов. Сталина, как вождя СССР, заслуживает специального внимания. Особенно потому, что в отличие от партии, которая является добровольной организацией авангарда трудящихся и потому по выражению Ленина — «партия есть высшая форма классового объединения пролетариев», государство диктатуры рабочего класса — организация,

охватывающая всю массу населения с его существующими еще классовыми различиями и притом в порядке обязательного подчинения всех граждан страны воле государственной власти, представляющей, в лице стоящего у власти рабочего класса, интересы и волю большинства народа. Из этого видно, во-первых, насколько важное и прямо решающее значение имеет руководство партии государственной организацией и, во-вторых, необходимость особых форм этого руководства, в соответствии с периодом и с самим характером отдельных отраслей государственной работы. Давая сокрушительный теоретический отпор троцкистско-зиновьевско-бухаринской фальсификации ленинизма, по которой диктатура рабочего класса упрощенчески отождествлялась с «диктатурой партии», тов. Сталин дал классически-марксистскую разработку вопроса о партии и рабочем классе в системе диктатуры пролетариата. В особенности, здесь следует сказать о знаменитой статье «К вопросам ленинизма».

Однако, даже всё написанное тов. Сталиным лишь небольшая часть того, что сделано им для партии и трудящихся в беседах, встречах и совещаниях для идейного освещения коренного вопроса революции, вопроса о задачах социалистического государства. К этому надо добавить, что его, с внешней стороны не всегда заметное, а на деле активнейшее участие во всех государственных делах сказывается во всем на каждом шагу.

Известна исключительная роль тов. Сталина в самом образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Больше всех тов. Сталин поработал над созданием из недостаточно объединенных советских республик крепкого своим политическим единством Советского Союза и над составлением его первой конституции. Этим был заложен фундамент мощного советского государства, основанного на великой дружбе советских народов.

Нынешняя конституция СССР получила в народе имя «сталинской конституции». Этим отмечено не только имя творца ее проекта, но и подчеркнуто, под каким знаменем Советский Союз пришел к тем великим победам, которые записаны в нашей конституции. Эта конституция закрепила широкие демократические права национальностей, входящих в многонациональный Советский Союз, и вместе с тем, упрочила СССР, как единое социалистическое государство, являющееся прообразом братского сотрудничества народов всего мира.

Не случайно и то, что после победы Октябрьской Революции тов. Сталин стал народным комиссаром по национальным делам. Наладить сотрудничество, а, значит, и доверие между народами, среди которых русские были в течение веков господствующей нацией, а все другие национальности находились в угнетении, а то и прямо на положении колоний, — было нелегким делом. Тов. Сталин блестяще справился со своей задачей, — справился непреклонной борьбой с пережитками великодержавного шовинизма и настойчивой работой в среде представителей угнетавшихся в старой России национальностей над созданием доверия и дружеских отношений между всеми народами СССР.

Это стало возможным потому, что тов. Сталин и в этом деле, и в разрешении национального вопроса, шел по ленинскому пути. Еще задолго до революции им, наряду с Лениным, были теоретически разра-

ботаны принципиальные основы национального вопроса с точки зрения марксизма. Его брошюра «Марксизм и национальный вопрос» (1913 год) по праву относится к числу основных работ по марксистской теории. По этой работе видно, что уже тогда ее автор сложился, как крупнейший теоретик марксизма. Понятно поэтому, что наша политика по национальному вопросу уже давно известна, как «ленинско-сталинская национальная политика».

После этого понятно, что не только партия, но и народы всей нашей страны видят в тов. Сталине своего вождя — вождя СССР.

Под руководством Ленина тов. Сталин был главным организатором октябрьского восстания, положившего начало власти советов. После победы Октября тов. Сталин был основным строителем Красной Армии, отстоявшей на основных фронтах гражданской войны под его непосредственным руководством существование Советского государства от интервенции со стороны империалистических держав. За все истекшие годы он был вдохновителем всей работы по укреплению мощи Красной Армии, как решающей гарантии государственной независимости СССР. Благодаря всему этому наше государство окончательно окрепло и ему не страшны никакие покушения извне.

Под руководством тов. Сталина партия в основном уже построила социалистическое общество, чего еще не смог осуществить Ленин — основоположник СССР. Создана мощная, неуклонно растущая индустрия, оснащенная богатой и передовой техникой, и выросли кадры людей, овладевших техникой, которых раньше было так мало и которые, в лице стахановцев и продолжателей стахановского дела, составляют теперь огромную силу и показывают все новые чудеса социалистическо-сознательного труда. Перестроена деревня с ее прежним океаном мелких хозяйств на новых началах — создано колхозное хозяйство с его огромными возможностями и дан путь к мощному подъему всех отраслей сельского хозяйства. Коренным образом улучшены материальные и культурные условия жизни рабочих, крестьян и широких слоев интеллигенции. Культура народов, наука, литература, искусство, освобожденные от материальных пут и отвратительного прислужничества богатым, впервые в мировой истории получили возможность своим творчеством служить в полной мере народу, служить расцвету его свободной, счастливой жизни.

Кто не знает, какую вдохновляющую и организующую роль во всем этом сыграли «сталинские пятилетки» и личная инициатива тов. Сталина, как в крупнейших делах хозяйственного и культурного строительства, так и в «текущих» повседневных делах и заботах об улучшении работы наших организаций, вплоть до самых малых. С инициативой и активнейшим участием тов. Сталина связано все сколько-нибудь существенное, что за эти годы партия и правительство построили и строят в СССР, в первой стране социализма.

Тов. Сталин сделал исключительно много в деле создания и роста СССР, как многонационального государства с его расцветом национальных культур, — крепкого братским сотрудничеством и дружбой народов. Один факт существования такого государства, как неуклонно растущий хозяйственно, культурно и политически Советский Союз, — один этот факт предрешает недолговечную судьбу капиталистического

мира с его политикой разжигания национальной вражды и невыносимым колониальным гнетом для многих народов, с его преступными империалистическими войнами, терзающими народы ради корыстных интересов правящих кругов буржуазии.

Под руководством тов. Сталина мы победоносно громили врагов народа, чистили и будем чистить государственный аппарат от вражеских, шпионских и вредительских элементов. Известно, что этого рода меры во многом улучшают работу наших органов, расчищают путь к выдвижению свежих, честных и сознательных кадров работников, укрепляют наше государство. Большевистскую бдительность в отношении врагов, проводимую не на словах, а на деле, мы считаем лучшим показателем боеспособности и зрелости наших сил, нашей партии и государства.

С инициативой и руководящим участием тов. Сталина связаны и все наши решения в области внутренней и внешней политики, обеспечившие народам Советского Союза спокойствие, длительный мир и международный авторитет СССР.

В Советском Союзе установилась замечательная близость между коммунистами и «беспартийными большевиками», число которых быстро растет, как среди рабочих и крестьян, так и среди интеллигенции. Таков один из величайших успехов нашей партии за последние годы.

Произошло большое сближение также и между народами СССР. Несмотря на всю разницу в их историческом развитии и в их быту, победа социализма и создание в СССР основ социалистического общества, освобожденного от вековечной эксплоатации человека человеком и дающего правильное сочетание интересов народов в деле их общего экономического и культурного подъема, обеспечивают растущее у всех на глазах братское сближение между советскими народами и неограниченные возможности для дальнейших успехов СССР.

Морально-политическое единство нашего общества, в котором каждый народ свободен в устройстве своей жизни и все народы вместе помогают друг другу в неуклонном движении вперед, к счастливой жизни народов СССР, — таков славный итог роста и преобразования нашей страны под руководством партии Ленина — Сталина. Вождем и знаменем этого единства народов, вождем народов СССР, как это знают трудящиеся всего мира, является великий продолжатель дела Ленина — наш Сталин, вокруг которого сплочена наша партия, советские народы, все лучшее в мировом освободительном движении.

В вожде большевизма, в вожде народов СССР рабочие всех стран видят, естественно, и вождя мирового коммунизма. И в этом тов. Сталин— достойный продолжатель Ленина.

Советский Союз воплотил в жизнь учение о коммунизме. СССР самым фактом своего существования, успехами своей борьбы за полную победу нового общества, сделал бесконечно много для дела коммунизма. Это лучше всех понимает тов. Сталин, который не знает устали там, где дело идет об обеспечении новых и новых успехов СССР.

Коммунистам приходится нередко преодолевать большие трудности, чтобы найти разгадку и объяснить массам тот или иной новый поворот в происходящих событиях, так как капиталистическое общество поставило себе на службу все и всех, чтобы скрыть или по крайней мере извра-

тить смысл «неприятных» для него и все нарастающих событий. С большим трудом, наперекор неисчислимым трудностям, прокладывает себе путь вперед, путь к полной победе, учение коммунизма.

Так было до тех пор, пока наш народ не пробил себе выход к новой жизни и пока он, как передовой отряд среди современных народов, не совершил Октябрьской революции и не построил социалистического общества на славу и на радость трудящихся и угнетенных всего мира. С этих пор положение в корне изменилось. С этого времени быстро растет надежная база всего дела коммунизма и, главное, в рабочем классе и среди всей массы трудящихся и угнетенных капиталом неуклонно зреет вера в свою близкую победу.

Советский Союз показывает всем своим развитием, ростом сил и своими неограниченными возможностями в устройстве светлой жизни для трудящихся, в чем сила коммунизма, в чем путь трудящихся к полной победе. Советский Союз наглядно показывает все великое значение организующей социалистическое общество силы — большевистской партии и значение творческой работы ее великих вождей — В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Ленин был вождем большевистской партии, социалистической революции, Советского Союза. Тов. Сталин — достойный продолжатель великих дел В. И. Ленина. Вот почему тов. Сталин окружен таким доверием и любовью трудящихся.

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ от крестьян села Криницы, бывшего Львовского воеводства

В Западной Украине, освобожденной нашей славной Красной армией от панского гнета, шла работа по выборам в Народное Собрание.

На одном из предвыборных митингов в селе Криницы, бывшего Львовского воеводства, крестьяне обратились с просьбой к присутствовавшим на митинге сотрудникам фронтовой газеты «Красная армия»:

— Мы хотим,— сказали они,— послать письмо товарищу Сталину, хотим рассказать ему, как мы жили под панами и как рады теперь своему освобождению. Мы хотим передать ему привет, поклон и спасибо.

— Так пишите,— ответили военные журналисты.— Пишите письмо, а мы перешлем его по адресу и даже напечатаем в газете!

— Только мы не очень сильны в грамоте, — замялись крестьяне.—А нам хотелось бы, чтобы наше письмо было написано хорошо и красиво... и, если можно, обязательно в стихах!

— О чем же вы хотите написать товарищу Сталину?— спросили сотрудники газеты тт. Мельник и Фрумгарц.

И, слушая речи крестьян, они тут же записывали все их мысли и пожелания. Таким образом, письмо вчерне было составлено.

Черновик этого письма тут же был передан поэту В. И. Лебедеву-Кумачу с просьбой обработать его и переложить в стихи.

21 октября, в самый канун выборов в Народное Собрание, в селе Криницы происходил последний предвыборный митинг.

На этом митинге было впервые зачитано «Письмо товарищу Сталину от крестьян села Криницы, бывшего Львовского воеводства», переложенное в стихи В. И. Лебедевым-Кумачом.

Под общие аплодисменты письмо дважды прочитали на русском языке и один раз в украинском переводе, сделанном тов. Мельником, после чего под текстом письма поставили свои подписи все грамотные присутствовавшие — свыше трехсот человек.

На другой день — 22 октября — письмо было опубликовано во фронтовой газете «Красная армия».

Друг трудовых людей всего света,
Отец батраков и рабочих всех стран,
Мудрый учитель Страны советов —
Прими привет от криницких селян!
Лишь месяц назад нам вслух не давали
Великое имя твое называть,
За слово «Советы» нас избивали,
За слово «Сталин» могли расстрелять!
Но чем сильней нас пугали и били,
Чем больше видали мы панских бичей, —
Тем крепче мы втайне тебя любили
И сердцем стремились к правде твоей.
Мы знали, что есть страна за кордоном,
Где братья наши, как в сказке, живут —
Там нет панов и нет угнетенных,
И все там равны и радостен труд.
Там нет безземельных и нет там нищих,
И каждый работу по сердцу найдет,
Там всем обеспечены кров и пища,
Там счастлива старость и юность цветет!
И мы, отделенные крепкой стеною
От братьев советских, от нашей родни,
Друг с другом делились думой одною:
— Если б и нам зажить, как они!
Свои мечты мы друг другу шептали,
И в шопоте слышалось имя твое,
Мы говорили: — Если бы Сталин
Пришел посмотреть на наше житье!..
Жизнью голодной и невеселой
Жили тысячи здешних сел,
Паны заставляли строить костелы —
И не давали нам строить школ.
Помещик имел земли сотни моргов.
А мы — по полморга на всю семью,
Наших коров продавали с торга, —
Мы жили в аду, а помещик — в раю.
С детства до смерти — на пана работай!
Хлопу — солома, а пану — рожь,
Пан — проживает тысячи злотых,
Хлоп — с семьею живет на грош.
Панским детям — всюду дорога,
Нашим детям — везде отказ.
Паны не пускали нас до порога,
Как на скотов, смотрели на нас...
Смотришь, — труд и лишенья вынес,
Выучил сына, вывел на шлях. —
Опять не на радость! Сын — украинец,

А панской науке нужен поляк!
Жизнь тянулась, как ночь, без просвета,
Как долгий, тяжелый, мучительный сон...
И вдруг мы слышим: войска Советов,
Братья наши, идут за кордон!
Идут, чтобы нам принести свободу,
Которую ждали мы столько лет,
Идут, и несут трудовому народу
Счастье и радость, солнце и свет.
Исполнилось все, о чем мы мечтали,
И в наших сердцах батраков и селян
Имя твое, товарищ Сталин,
Зажглось, как радостный талисман.
Сталин — это земля народу!
Сталин — это счастливая жизнь!
Сталин — наука! Сталин — свобода,
Братство народов и коммунизм!
Нынче мы песни поем и ликуем
В освобожденном родном краю,
Мы за советскую власть голосуем,
Мы голосуем за правду твою!
Наших сел, городов и пашен
Панам не видать во веки веков,
И с гордостью мы называем нашей
Красную армию большевиков!
Друг трудовых людей всего света,
Отец батраков и рабочих всех стран —
Привет тебе от криницких селян,
От новых граждан Страны советов!

Письмо подписали М. Криницкий, К. Гнатишина, В. Ельницин, С. Костяк, С. Стефанович, М. Баконрод, В. Ядихин, М. Дувина, Я. Бакинрод, А. Комарина, С. Шумин, А. Шумина; М. Вдовегин, А. Вдовегина, П. Шумин, М. Криницкая, Н. Дукельский, О. Погозян, Я. Городецкий, Ф. Кулич, Н. Мочейко, Г. Цукернберг, И. Фетаус, В. Гриць, Н. Поросинская, В. Федошин, М. Коваль, Д. Сидор, Н. Петрасин. О. Оришевский... Всего следует 300 подписей.

Письмо переложил в стихах В. Лебедев-Кумач.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ВОЖДЯ[1]

Документы, записи, рассказы

ЧАСТЬ I. В ГОРИ

1. В ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ ГОРИ

На запад от Уплис-цихе[2] — город Гори. Он получил название от горы, которая вздымается там на берегу реки Большой Лиахвы и к этой же горе примыкают: с востока — Квернаки, с севера — Руисисмта, что на западной стороне Лиахвы, и называется Квернаки же, с юга между Гори и горой протекает река Кура. А мимо города Гори, с западной стороны, протекает река Лиахва и впадает в реку Куру с северной стороны. Но неизвестно, кем он впервые основан.

(Грузинский царевич Вахушти. География Грузии. Записки Кавк. отд. русск. географ. о-ва, т. XXIV, выпуск 5-й, стр. 85. Тифлис, 1904 г.)

Город важный как по своей древности, так и по местоположению, в центре живописной долины Карталинской. Время основания города в точности неизвестно, но глубокая древность его неоспорима. Название Гори произошло от слова «гори», означающего по-грузински «холм». В самом деле, крепость города, неприступная до изобретения огнестрельного оружия, находится на вершине высокого и утесистого холма. Город расположен внизу, на берегу Кура, принимающего тут же слившиеся два значительных притока, Лиахву и Меджуду. Таким образом, с трех сторон окруженный реками, он открыт только с одной северной стороны, где расстилаются обширные долины, покрытые нивами и виноградниками.

Грузинские летописи в первый раз упоминают о Гори в начале VII века. Крепость на высокой горе служила запасным местом военных приготовлений во время войны с Персией.

(П. Иосселиани, Туземные города, существовавшие и существующие в Грузии. Журнал министерства внутр. дел, часть 6-я, стр. 398—400. СПБ, 1844 г.)

---

[1] Составлено по материалам, извлеченным из московских, тбилисских и горийских книгохранилищ, по материалам Тбилисского филиала ИМЭЛ и Горийского музея краеведения, а также по подлинным свидетельствам современников и старожилов Гори и Тбилиси. Подстрочные примечания принадлежат составителям.

[2] Уплис-цихе — древнейший пещерный город в 7 километрах от Гори.

Сей город лежит при подошве высоких гор, одеянных природою в чудесное разнообразие, восхищающее и ум и сердце своею красотою: Желательно, чтоб кисть нового Рафаеля изобразила сие райское местоположение. Сама картина говорила бы в чувствах зрителя о красоте природы, веселящейся, так сказать, при Гории... Река Кура, выходящая из Ахалциха и впадающая в Каспийское море... приносит жителям множество рыб и весьма хорошаго вкуса, а особливо лососей удивительной величины. На левом берегу оной населен сей город, и сей самой берег наполнен удивительными источниками, всегда одинаковой чистоты и прохладности сохраняющими и для употребления весьма здоровыми... Сии ручьи, протекая через каналы высокопроведенныя, входят в мельницы и, проходя сквозь оныя, впадают в Лияфи; в них плавают множество гусей, уток, лебедей, а около оных выводятся фазани, рябчики, куропатки и протчия птицы...

Число жителей в оном городе простирается до 5 000 обоего пола; они живут между собою согласно и единодушно, трудолюбивы, поспешны и оборотливы, от лжи и непостоянства крайне убегают, снисходительны без подлости, счастливы без гордости, несчастливы без отчаяния; в обществах обходительны, дружелюбивы и веселы, на поле брани храбры, грубы и буяны, наконец, смелы и неустрашимы, остроумны и красноречивы... Имеют на лице некоторой оттенок гордости, станом крупны и крепки, видом важны и величественны, одеваются по грузинскому обычаю, притом чисто и пристойно.

(А. Туманов, Описание грузинского города Гории, стр. 7—8, 11, 24—25. СПБ, 1816 г.)

С проведением железной дороги Поти — Тифлис (1871 г.) торговое значение города на первых порах упало, так как Гори потерял значение транзитного пункта караванного пути. Но зато Гори превратился в важнейший пункт по вывозу хлебных продуктов и овощей. В результате движения и развития экономической жизни города Гори росло и количество населения города... В 1897 году, по официальным статистическим сведениям, население города равнялось 10 457 человек.

(По данным Горийского архива А. Гарсеванишвили.)

В 1801 году, 13 сентября, Гори определяется уездным городом, и учреждаются уездные правительственные учреждения.

В 1818 году в Гори русское царское правительство основывает первую школу — духовное училище, в котором впоследствии товарищ Сталин получил первоначальное образование.

В 1876 году, 18 октября, в Гори открывается городское самоуправление и совет гласных в составе 30 человек.

В 1879 году, 21 декабря, в Гори, в семье ремесленника Джугашвили родился, вождь мирового пролетариата — великий Сталин.

(Из статьи И. Г. Хуцишвили в № 89 газеты «Сталинели» от 12 мая 1939 г.)

Гори — старинный грузинский городок в долине Куры. Он не велик — с порядочную русскую деревеньку, среди него возвышается высокий холм, на холме — крепость, по скатам холма и у его подножья разбросаны маленькие сакли и домишки, почти все они из известняка. На всем

городе лежит серый колорит какой-то обособленности и дикой оригинальности. Знойное небо над городом, буйные и мутные волны Куры около него, неподалеку горы, в них какие-то правильно расположенные дыры — это пещерный город — и еще дальше, на горизонте, вечно неподвижные белые облака — это горы главного хребта, осыпанные серебряным, никогда не тающим снегом.

(А. М. Горький, Очерк. Газета «Нижегородский Листок» № 327 от 26 ноября 1896 г.)

2. ПРЕДКИ И РОДИТЕЛИ

Предки Джугашвили жили в селении Гери (Горийский уезд, Лиахвисское ущелье). Как и все крестьяне этого ущелья, они были крепостными князей Мачабели.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В 1801 году произошло присоединение Грузии к России. *(Авт.)*... В то время Военно-Грузинская дорога играла исключительную роль. Это был почти единственный путь, который связывал метрополию с вновь покоренной страной. По этой дороге шла почта, везли товары, постоянно двигались войска. Дорога требовала дальнейшей разработки, постройки мостов, расчистки от завалов. Дорожная и подводная повинность, реквизиция провианта и фуража, всякого рода злоупотребления власти совершенно разорили крестьян и довели их до восстания.

(Ф. Махарадзе и Г. Хачапуридзе, Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии, стр. 26. М., 1937 г.)

Одно из крупных крестьянских восстаний произошло в Анануре [1]. Там царское офицерье арестовало 10 повстанцев, среди которых был крестьянин Заза Джугашвили — прадед И. В. Сталина (по линии отца).

Зазе удалось сбежать из-под стражи и скрыться в Горийский уезд, где его взяли в крепостные князья Эристави. Здесь Заза Джугашвили снова поднял среди крестьян восстание. По подавлении восстания Джугашвили бежал в Геристави и некоторое время был там пастухом. Однако местопребывание его было обнаружено, и Зазе пришлось и отсюда скрыться, после чего мы видим его в Диди-Лило [2].

У Вано Джугашвили (дед И. В. Сталина) родились два сына — Бесо (Виссарион) и Георгий. Вано развел в Диди-Лило виноградники и установил деловые связи с городом, куда нередко водил и своего сына.

После смерти Вано одного из сыновей его — Георгия — убили в Кахетии разбойники, а Бесо (отец И. В. Сталина) поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенном заводе Адельханова. Здесь он выдвинулся как прекрасный работник и получил звание мастера.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

[1] Ананур — урочище бывшего Душетского уезда, Тифлисской губернии.
[2] Диди-Лило — селение близ Тифлиса.

В 1875 году Адельханов, в компании с А. С. Матиновым, основал в г. Тифлисе первый кожевенный завод, которым и управлял с тех пор самолично... Завод постепенно разросся в огромное и ныне уже вполне установившееся предприятие, заручившееся прибыльными рынками сбыта своих произведений. В последние годы (с 1886 г.), став поставщиком войск Кавказского военного округа по части обуви и обмундирования, г. Адельханов присоединил к своему заводу обширную паровую войлочную фабрику и механическую мастерскую для шитья обуви.

(Газета «Новое обозрение» № 2423 от 6 января 1891 г.)

Когда Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, он выписал из Тифлиса лучших мастеров, в том числе и Бесо Джугашвили.

Бесо скоро стал известным мастером. Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую... Друзья решили женить его. Они сосватали ему невесту — Кеке Геладзе.

(По воспоминаниям А. М. Цхитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Дед товарища Сталина (по линии матери) был садовником у армянских помещиков Гамбаровых. Работал в их имении Гамбареули, находившемся в восточной части города Гори.

(Записано со слов Г. И. Елисабедашвили и А. Г. Алиханова, сотрудника Тбилисской публичной библиотеки им. К. Маркса.)

Из описаний иностранцев, посещавших Грузию, из различных церковных, государственных, судебных документов, наконец, из отзывов и записок очевидцев прямо видно, что, по крайней мере в начале настоящего столетия (19-го), в прошлом и позапрошлом столетиях, в Грузии существовало помещичье господство, самое необузданное и дикое.

(Г. А. Калантаров. Крепостное право в Грузии («Сборник сведений о Кавказе», т. II, стр. 207. Тифлис, 1872 г.)

Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 году в селении Гамбареули, близ города Гори, в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со всей семьей испытывала крайнюю нужду и тяжкий гнет помещика.

В 1864 году, после отмены крепостного права, семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори.

Отец Екатерины Георгиевны умер рано, и семья осталась на попечении матери. Благодаря заботам матери и братьев Екатерина Георгиевна обучилась грамоте.

В 1874 году 18-летняя Екатерина Георгиевна вышла замуж за Виссариона Ивановича Джугашвили, рабочего фабрики Адельханова в Тбилиси.

(Газета «Заря Востока» № 129 от 8 июня 1937 г.)

Я с детства знала семью Глаха (Георгия) Геладзе: они жили в нашем квартале. У них было трое детей — дочь Кеке и два сына[1]. Мать Кеке — Мелания — рано овдовела. Кеке научилась грамоте дома. Она одева-

[1] Оба брата Кеке работали гончарами в том же горийском квартале Русис-убани (со слов Г. И. Елисабедашвили).

лась чисто и была обаятельной девушкой. Волосы у нее были каштанового цвета, глаза красивые.

(По воспоминаниям Марии Абрамидзе-Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Отец вождя Виссарион (называли его просто Бесо) был выше среднего роста и худощав. Волосы у него были черные, носил он усы и бороду. Как я его помню, у него не было ни одного седого волоса. В молодости наш вождь внешне очень походил на своего отца.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Свадьбу Бесо справил так, как это подобало представителю «карачогели»[1].

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Справили грандиозную свадьбу. Товарищи Бесо (Эгнаташвили, Цихитатришвили и другие) шли впереди, играя на дудуки[2].

(По воспоминаниям Марии Абрамидзе-Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

3. В КВАРТАЛЕ РУСИС-УБАНИ

«Здесь родился 21 декабря 1879 г. и провел свое детство до 1883 года великий Сталин».

(Надпись на мемориальной доске, прибитой к фасаду домика в Гори (бывший квартал Русис-убани), в котором родился И. В. Сталин.)

Я спрашивал у прохожих в верхней части города, где Русис-убани, русский квартал. В этом квартале жила семья Джугашвили. Здесь недалеко были солдатские казармы, поэтому и квартал назывался русским. Никто из прохожих не знает, что такое Русис-убани, — это название исчезло.

От базара петляешь переулочками, и вдруг они расступаются. На широком пространстве стоит домик — такой, каких десятки вокруг, одноэтажный, маленький, кирпичный... В этом домике родился Сталин. Здесь, у входа в подвал дома, в холодке работал отец Сталина — сапожник Виссарион Иванович Джугашвили, прекрасный мастер, чьи сапоги славились по всему Гори. Здесь он работал молодым, статным, пока нужда не сгорбила и преждевременно не состарила его.

(Б. Ивантер, На родине Сталина. Журнал «Пионер» № 1, стр. 12—13, 1938 г.)

Мы идем по фасаду... Внизу забранные решеткой два оконца подвала. Там временами работал отец Сталина. У самой входной двери — прямоугольный обточенный серый камень. Он лежит, как приступочка.

---

[1] Карачогели, или карачохели (см. И. Гришашвили, «Дзвели тпилисис литературули богема». Тбилиси, 1927 г.) означает: «Человек, носящий черную черкеску с соответствующим и весьма оригинальным убранством».

[2] Дудуки (груз.)—музыкальный инструмент, вид длинной дудки.

Теперь мы поворачиваем и подходим к крылечку деревянной терраски. Это был обыденный будничный ход для семьи, для гостей. У самого карниза сохранился до сих пор на небольшом железном листе номер дома — «№ 10». Терраска украшена точеными узкими деревянными балясинами. Слабо сохранилась белая окраска, а на опорных столбах еще видны два голубых пояска. Сделаем три шага по старому, истертому ногами, деревянному крылечку, и мы у входа в квартиру. Крашеный красновато-коричневый пол. Местами непогода, а кое-где древесный червь тронул перила на терраске... Но это было в прошлом. Теперь этого не будет: народ так закрыл домик от холодных кавказских ветров, от дождя, что он сохранится на многие столетия...

Вот прямо перед нами вход в квартиру семьи. Здесь провел раннее детство наш Сталин.

...Это — единственная маленькая комната... в три окошка. На двери висит колечко для висячего замка и маленькая медная, старого фасона ручка... Вот комната. Простой обеденный стол, покрытый полотняной скатертью с серовато-голубой каймой. За столом могут сидеть только четыре человека. Когда приходили гости, хозяйка поднимала добавочную откидную доску. Четыре некрашеных деревянных табуретки. На столе глиняная тарелка и желтовато-коричневый глиняный кувшин для воды. Рядом стоит старая медная керосиновая лампа. Это она светила маленькому ученику Горийского училища — Сосо Джугашвили, который стал теперь для мира Сталиным.

Вот кровать, покрытая двумя крестьянскими рукодельными покрывалами. Одно — красное с черным, узорное, другое — светлое. Лежит ковровая подушка и два ковровых валика. На стене висит бархатная «туфелька». В ней мать Иосифа Виссарионовича держала нитки, иголки, наперсток. Вот стоит небольшой сундук. В нем помещалось почти все имущество семьи. Вот стоит грузинский ящик для хлеба — «кидобани»...

В стену вделаны неглубокие шкафы для посуды, для одежды. На дверцах простая резьба. Вот, наконец, парадный кусочек комнаты: стоит маленький буфетец, покрытый желтовато-серой клеенкой. На буфетике— медный начищенный самовар, небольшой круглый поднос, медная же полоскательница и фаянсовый расписной чайничек. Он стоит, поставленный на камфорку самовара. Рядом, в деревянной черной оправе, круглое зеркальце с двумя подставками для свечей. Тут же, рядом с зеркальцем хозяйки дома, Екатерины Георгиевны, — большой, толстого стекла, отцовский стакан на блюдечке. На гвоздике висит полотенце.

...Вот и вся квартира, все жилище семьи, в которой родился великий Сталин. Стол, четыре некрашеных табуретки, кровать, сундук, ящик для хлеба, буфетик, самовар — вот и вся обстановка, все убранство.

...Нам осталось еще посмотреть нижнее, подвальное помещение. Туда ведут семь ступенек. Спустимся — ступеньки идут винтом, полуповоротом.

Вот совершенно прокопченный темный свод подвала, стены, обмазанные простой глиной. Свет сюда проникает лишь через верхушки окон, находящихся на уровне панели. Простая некрашеная дверь из пяти досок, поцарапанных, со ржавыми гвоздями, висит железная скоба... Вот и подвал, низкий, темный. Здесь стояла колыбель Сталина. В середине, подпирая балки потолка, стоит кривой столб. Вот три ниши, где

хранились материалы: кожи, дратва, шила, инструменты отца, запасы продуктов на зиму и разные домашние вещи. В стене совершенно черный от копоти очаг. Стоит единственная поцарапанная некрашеная табуретка.

Вот так, необычайно просто, до слез волнующе-просто, выглядит исторический домик, где родился, рос, играл и начинал учиться человек, с юношеских лет готовивший себя к борьбе, к великим делам во имя всех народов мира — наш вождь, наш великий Сталин.

(Вс. Вишневский, Домик в Гори. Газета «Заря Востока» № 297 от 27 декабря 1937 г.)

Виссарион Джугашвили был сапожником. Ему приходилось больше чинить старую обувь, чем шить новую.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

С устройством железной дороги Гори потерял значение (торговое. — *Авт.*), и многие местные жители, да и крестьяне соседних деревень ездят теперь часто в Тифлис за покупками.

(Ал. Джавахов, Город Гори. Из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 2-й, стр. 89. Тифлис, 1882 г.)

Сосо было 5 лет, когда его отец уехал в Тифлис и стал работать на обувной фабрике Адельханова. Кеке со своим маленьким сыном осталась в Гори.

(По воспоминаниям Семена Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Мать великого вождя Екатерина (называли ее Кеке) была женщиной работящей и самоотверженной в отношении своей семьи. Кроме работы дома (в качестве домохозяйки), она занималась шитьем, чтобы увеличить доход семьи и сводить концы с концами.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Кто в Гори не знал эту живую и трудолюбивую женщину, которая всю свою жизнь проводила в работе? У этой одаренной от природы женщины все спорилось в руках — кройка и шитье, стирка, выпечка хлеба, расчесывание шерсти, уборка и т. п. Некоторые работы она брала сдельно. Она работала также поденно и брала шитье на дом.

(По воспоминаниям Семена Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В детстве Иосиф был очень способным ребенком. От матери унаследовал он музыкальные способности. У матери был хороший голос, и она часто пела маленькому сыну народные и колыбельные песни. Вообще Екатерина Георгиевна была большой мастерицей рассказывать народные сказки, предания и т. п.

(Записано со слов З. А. Давиташвили и Доремидонта Гогохия, школьного товарища И. В. Сталина.)

Иав-нана, вардо-нана, иав-нанинао,
Нежный, пухленький малышка, — равных сыну мало!
Что тебя так беззаботно, сладко укачало?
На груди родной уют ли ты, дитя, сыскало?

Спи, малютка, иав-нана, вардо-нанинао[1].
Иав-нана, вардо-нана, иав-нанинао.

. . . .

Грудь твою лучом свободы — верю — осияло,
Иав-нана, вардо-нана, иав-нанинао.

Ты расти, мой месяц ясный, полною луною,
Слейся разумом и сердцем со страной родною.
Утешай, где только встретишь, скорбного собрата;
Сын, за вольную отчизну будь хоть кровь расплата.

Так твой предок силу вражью устрашал немало,
Иав-нана, вардо-нана, иав-нанинао.

Ты, соловушка-малютка, роз букетик нежный,
Слушай, слушай песню эту, изучай прилежно.
Зорким оком наблюдай ты мир и в мире схватку,
Чтоб мудреной жизни этой разгадать загадку.
А пока усни, малютка: рано, милый, рано!
Иав-нана, вардо-нана, иав-нанинао.

(Акакий Церетели, Иав-нана (колыбельная песня). 7 сентября 1875 г. Перевод с грузинского Ю. Верховского.)

У грузин погремушки употребляются в ограниченном количестве. Однако над люлькою каждого ребенка с первых же месяцев после его рождения появляются нанизанные на нитке разные ракушки, различного цвета бусы и камушки. В люльке ребенок остается больше года и после каждого пробуждения ухватывается ручонками за упомянутую вязанку, привлекающую его внимание своими цветами, а также и гармоническим звуком.

...Погремушкой-забавой для грузинских детей служит «эжвани» — медный бубенчик, величиной с крупный орех, имеющий снизу длинный и узкий прорез, откуда ребенок может осматривать даже самый секрет погремушки, не разбивая ее, а известно, что этого часто домогается дитя по своей любознательности. Эжвани, имея круглую форму, удобно катится по полу, а вдетым в ушко бубенчика в этих случаях шнуром его легко вертеть, причем он издает довольно мелодичный звук. Эжвани — весьма распространенная детская погремушка у грузин, так как в большинстве семей имеется «дайра» (бубен), круг которой обшит ими в большом количестве, и мать, сорвав отсюда, дает их детям для забавы и игры.

(З. Гулисов, Об игрушках, играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» вып. 5-й, стр. 231—232. Тифлис, 1886 г.)

Как бы стара ни была одежда у Кеке, она всегда одевалась чисто и аккуратно. Так же чисто одевала она и Сосо.

(Мария Абрамидзе-Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

С Сосо росли мы вместе, как близнецы. Когда мы подросли, то и разлучить нас было трудно. Мы вместе ели, вместе пили — то у нас, то

[1] Иав — по-грузински фиалка,варди — роза, нана и нанинао — колыбельный припев.

у них. Когда мы стали уходить из дому с другими ребятами, то первой нашей игрой была «а р и п а н а». Тогда нам было уже по 4 года. Мы брали хлеб, разламывали его на мелкие куски, накладывали сверху кусочки сыру, раскладывали все это на скатерти, сами садились вокруг и ели, запивая водой из маленького стакана. Когда нам исполнилось по 5 лет, наша «а р и п а н а» услужнилась: каждый товарищ детской игры приносил на нее из дому, что мог.

В первых числах мая все мы наряжались в новую одежду, выходили в поле, собирали цветы ромашки, затем садились где-нибудь в тени, побратски делились принесенной провизией, пели песни и до самого вечера играли тут с красивыми венками на головах.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Питалась семья Джугашвили скудно. Это были «блюда», обычные для горийской бедноты: красная лобия (фасоль) — на первое и вареная картошка — на второе, или зелень по-грузински (бадриджани и т. п.), или овощи с фаршем (например, помидоры с рисом или наперченным мясом). Закусывали лавашем (хлебом) с луком.

(Записано со слов Г. И. Елисабедашвили.)

4. ДЕТСКИЕ ИГРЫ И ЗАБАВЫ

Я, Коте (Чуткерашвили) и Сосо очень любили друг друга. В детстве мы с нетерпением ожидали начала и конца каждого времени года. Каждое время года приносило нам своеобразную радость.

Зимой мы делали санки (в этом деле иногда помогали нам отцы). На санках мы катались безустали: в санки впрягались двое, а третий садился на санки. В то время мы уже знали стихотворение Рапиэла Эристави «Зима» и с раскрасневшимися лицами, потирая озябшие руки, летели с горки. Иногда нарочно опрокидывали санки и со смехом кричали:

Эй, катись ты кубарем!

Ну, а если кто-нибудь из нас разбивал себе при этом нос и «зарабатывал» шишку на лбу, то и тут мы не унывали, весело распевая:

Сзади—шишка, на лбу шишка,
Эй, катись ты кубарем!..

Иной раз от боли слезы навертываются на глаза, а ты смеешься, как смеются и все твои товарищи...

Затем мы возвращались в свой квартал и, побегав еще немножко, чтобы согреться, усталые расходились по домам...

Исчезал снег, и наступала масленица с ее качелями и песнями, вроде:

На масленицу ел я сыр,
А на пасху птичек.
Наши мамы вырастили
Чубатых мальчишек...

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

На масленице грузины забавляются игрою «б е р и к а» и качаются на качелях.

«Б е р и к а» — это три наряженных актера, которые переходят из де-

ревни в деревню с зурной или в сопровождении особых музыкантов, наигрывающих на дудочках разные мелодии посредством раздутого бурдюка. Обходя вообще все близлежащие деревни, они всюду острят, дают представления, борются с молодежью другой деревни и за все это получают, как бы в награду, муку, яйца, вино и т. п. На лице у них — маска из войлока.

Качели устраиваются с первых же дней масленицы на громадных ореховых деревьях. Сюда собирается почти вся молодежь обоего пола; здесь поют разные песни, пляшут и качаются с утра до вечера на качелях. Качели состоят из двух деревянных дуг, прикрепленных к какой-либо из удобных веток избранного дерева. В эти дуги вдеваются длинные шесты, к нижним концам которых прикрепляется поперечно палка для сидения или стояния во время качания.

(З. Гулисов. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 5-й, стр. 261—262. Тифлис, 1886 г.)

Весна приносила с собой свои радости: радовали нас цветы, но больше всего то, что мы могли бегать и играть без пальтишек.

Мы очень любили играть в салки и в «чилики» [1] с «циацоба». Последняя игра заключалась в том, что проигравший должен был бегом принести заброшенный далеко чилик, не переводя дыхания и с криком: «цио-цио»!

Любили также играть в мячик, в прятки и т. п.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Сосо был очень живой и смелый мальчик. Летом наши дети любили гулять за городом, они собирались в саду Эристави, ходили в Гориджвари [2] и другие места.

(По воспоминаниям Машо Абрамидзе-Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Кроме того, наши ребята ходили на Лиахву и Куру купаться и удить рыбу. Ходили также в Гориджварский лес и другие места.

Сосо очень любил купаться. На Лиахве мы купались за садами Мирианишвили. Когда мы подросли, то стали купаться в Куре, в том самом месте, где Лиахва сливается с Курой.

Сосо плавал так хорошо, что в этом отношении никто не мог с ним равняться. С ним мог конкурировать лишь торговец овощами Миха Бицадзе (он великолепно плавал), но ведь это был мужчина во цвете лет... Мальчики-сверстники Сосо специально приходили поглядеть, как хорошо плавает Сосо. Он часто без передышки переплывал Куру туда и обратно.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В игре Сосо проявлял большую сноровку. Он не жалел энергии, чтобы победить противную партию игроков. Например, в бросании мяча

---

[1] Чилики — род русской игры в «чижики».

[2] Гориджвари — лес вокруг монастыря на горе близ города Гори. Горийские дети в прежнее время любили ходить в него за ягодами.

рукой или лаптой Сосо не имел себе равного среди сверстников. Своей худенькой, но сильной рукой он забрасывал мяч так далеко, что «противники» не успевали поймать его во-время и терпели поражение.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Конечно, мы не забывали также и игру в «лошадки»: брали палки, украшали их пестрыми лоскутьями и «садились» на своих «коней». Один из товарищей выстраивал всех остальных в ряд, затем подавал знак. и все мы стремглав неслись вперед по большой Артиллерийской площади (теперь — площадь Карла Маркса). Мы били самих себя плетью, всем видом своим выражали беспокойство, чтобы нас не обогнали «лошади» товарищей, кричали, понукали «коней»... Ведь мы были искренно убеждены, что не мы «коней», а «кони» мчат нас! Победитель торжествующе смеялся над отставшими и ласково трепал своего «коня» по «гриве», в то время, как побежденные всячески бранили своих «лошадей».

Мы мастерили лук и стрелы, деревянные мечи и играли в «войну». Сосо выстраивал нас в ряд, сам выступал впереди в роли командира, а мы, по его команде, молодцевато вышагивали по площади.

Солдаты[1] очень любили смотреть на наши игры и дарили нам пустые гильзы от патронов, а также испорченные пистоны артиллерийских снарядов.

Сосо лучше всех владел рогаткой. Никто из сверстников не мог равняться с ним в этом. Удивительно точно умел он целиться!

Упражнялись мы в метании камней из пращи. Пущенный Сосо камень, положительно терялся в небе, да и в цель он умел попадать прекрасно. Много раз выигрывал он пари метанием камня из пращи!

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Пращи употреблялись у грузин как военное оружие. Имеретинские шапки, под названием «папанаки», и ныне имеют при себе пращи. Приготовляют пращи из цветных шелковых или шерстяных ниток. Из этих ниток сплетают небольшой коврик овальной формы с углублением посредине; по обоим концам его приделывают ушки для привязки шнурков.

В такой коврик вкладывают камень или несколько камней, длинный конец шнурка оборачивают вокруг руки настолько, чтобы короткий, другой, конец шнурка, пришелся между большим и указательным пальцами. Затем быстро размахивают пращей вокруг кисти руки и, выбрав тот момент, когда она будет находиться вверху, быстро выпускают короткий конец. Тогда камень полетит из пращи далеко и высоко. Грузинские дети иногда так изловчаются в метании камней из пращей, что сбивают на макушке громадного орехового дерева единственный орех. Эта последняя забава — сбивать орехи пращей — составляет любимый обычай грузинских детей.

(З. Гулисов, Об игрушках, играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 5-й, стр. 234–235. Тифлис, 1886 г.)

[1] На Артиллерийской площади в г. Гори помещались казармы, около которых стояли пушки.

Нас собиралось 12—13 мальчиков. Играли в мяч, в салки, чилики, лахти, лапту и пр. В игре, где ребята делились на две группы, Сосо обычно был у нас «маткой» (руководителем, вождем) одной из групп. Все старались попасть в группу Сосо, так как его группа редко оставалась побежденной.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Мы играли также в разные осмысленные игры. Из этих игр Сосо особенно любил «везирианоба». Когда мы выбирали его «властителем» («царем», «султаном». — *Авт.*), он давал своим «визирям» (министрам, советникам. — *Авт.*) очень остроумные распоряжения. Он обычно требовал, чтобы рассказали ему хорошую сказку или «шаири». Это было для ребят неплохим умственным упражнением.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Среди ребят большой популярностью пользовалась игра «везирианоба». В нее мы играли часто... Суть игры заключалась в следующем: короткая, круглая палочка (длиной в одну треть карандаша) раскалывалась на две равные части. Каждый из участников игры метал их, как кости. Если обе половины падали расколотой стороной вверх (что случалось, конечно, очень редко), то метавший становился «властителем». Если же обе половины падали расколотой плоскостью вниз, то метавший получал звание «визиря». А если одна половина падала расколотой плоскостью вниз, а другая — вверх, метавший должен был выполнять приказания «властителя».

Насколько я помню (а у меня память еще хорошая), «приказы» Сосо никогда не были бессмысленны и необоснованы; они никогда не задевали и не унижали человеческого достоинства товарищей. Выполняющий его «приказ» обычно или декламировал стихи, или же выполнял какое-нибудь физическое упражнение. Таким образом, каждое такое «властительство» Сосо способствовало физическому и умственному развитию ребят.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Играли мы также в «гангала-гангала» (или «цорине». — *Авт.*) И тут Сосо умел давать очень удачные разъяснения. Мы садились вокруг него, он брал свой пояс и начинал: «В длину он весь такой». И показывал длину на поясе, а мы на каждую фразу Сосо отвечали: «гангала-гангала».

— «Вот такие у него ноги»...—«Гангала-гангала»... «Вот такой у него хвост»... — «Гангала-гангала» и т. д. После наружного описания указывалось, умеет ли описываемое животное, птица и т. п. летать, что оно больше всего любит есть, и т. п. Затем Сосо начинал спрашивать, о ком идет речь, и каждый из нас отвечал. Кто отгадывал, тот считался победителем в игре...

Любили играть в «дзера-дзера». Один из нас изображал коршуна, другой — наседку, остальные — цыплят. Коршун бегал вокруг наседки и цыплят, стараясь «похитить» одного из цыплят...

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Среди товарищей Сосо слыл за хорошего стихотворца. Сочиненные им «шаири» [1], помнят по сей день те, кому в свое время довелось их слышать.

(По воспоминаниям Д. Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Вечером мы возвращались домой, пили чай, и перед сном Сосо рассказывал нам сказания или «шаири». Особенно любил он «Караманиани» [2], «Амиран-Дареджаниани» [3], Георгия Саакадзе [4]... Хоть и вместе росли мы, но откуда он брал все это — мы не знали и только удивлялись.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

По соседству с нами жила семья Чарквиани. Их дети — Коте и Петре — учились в духовном училище. Когда они готовили уроки, то зубрили так громко, что было слышно на весь квартал. Сосо прислушивался к их чтению и прекрасно запоминал их уроки, в то время как Петре и Коте с трудом выучивали заданное.

(По воспоминаниям Машо Абрамидзе-Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Мать попросила Коте (Чарквиани. — *Авт.*) выучить Сосо азбуке, и через несколько месяцев Сосо обогнал Петре и был готов к вступлению не в младшее, а среднее подготовительное отделение духовного училища.

Его сверстнику по годам Петре Чарквиани ничего не стоило поступить в духовное училище: оно содержалось за счет духовного ведомства для детей духовенства, но особой милостью считалось принять туда сына крестьянина или ремесленника.

Однако мать добилась и этого: Сосо был принят в училище.

(Б. Ивантер, На родине Сталина, стр. 14.)

Мать Сосо—Кеке—была прачкой. Она зарабатывала мало и с трудом воспитывала своего единственного сына Сосо.

После того как Виссарион Джугашвили уехал из Гори, Сосо остался на попечении своей матери. Мать очень любила Сосо и решила отдать его в школу. Судьба улыбнулась Кеке: Сосо приняли в духовное училище. Ввиду тяжелого положения матери и выдающихся способностей ребенка Сосо назначили стипендию: он получал в месяц три рубля. Мать его обслуживала учителей и школу, зарабатывала до десяти рублей в месяц, и этим они жили.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

---

[1] Шаири — поэтическое произведение, написанное 16-сложным силлаботоническим размером; после Руставели размер этот навсегда узаконился для произведений эпического жанра древнегрузинской литературы; 2) произведение народного творчества; 3) импровизация в стихах.

[2] «Караманиани» — повесть о боевых подвигах персидского царевича Карамана.

[3] «Амиран-Дареджаниани» — роман XIII века, состоящий из 12 глав или новелл, из которых каждая повествует о геройских деяниях витязей. Амиран — главный герой этих новелл.

[4] Георгий Саакадзе (конец XVI—начало XVII века)—храбрый воин и талантливый полководец. Всю свою жизнь отдал борьбе с грузинскими феодалами.

5. ШКОЛА, УЧИТЕЛЯ, ТОВАРИЩИ

«Здесь, в бывшем духовном училище, учился с 1-го сентября 1888 года до 1-го июля 1894 года великий Сталин».

(Надпись на мемориальной доске.)

В старом Гори было около 8 000 человек населения, много церквей, лавок, духанов и на весь тогдашний уезд — четыре учебных заведения: городское 4-классное училище, духовное 4-классное училище, учительская семинария и женская прогимназия.

(Д. Гогохия, На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 34. Тбилиси, 1937 г.)

В то время в Гори, налево от моста, на расстоянии нескольких метров от него, стояло большое двухэтажное здание со множеством окон (теперь, после землетрясения [1], остался только один этаж). Тогда это здание было только что выстроено и обращало на себя внимание своей красотой. Здание это — четырехклассное духовное училище. С западной стороны к зданию прилегал большой двор, рядом с которым протекали Кура и Лиахва. Из училища с утра до вечера доносился на улицу гомон ребят. В этом училище учился Иосиф Джугашвили.

(По воспоминаниям Семена Павловича Гогличидзе, бывшего преподавателя Горийского духовного училища. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

С 80-х годов, в царствование Александра III, по отношению Грузии применялись исключительно полицейско-репрессивные меры: школа стала прямым орудием самой бесцеремонной руссификаторской политики и учреждением, где «верноподданные» учителя должны были внедрять в питомцев «беспредельную веру» и «благонадежность».

(И. Джавахов, Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в., стр. 40—41. СПБ, 1906 г.)

С виду Иосиф Джугашвили был худой, но крепкий мальчик. Жизнерадостный и общительный, он всегда окружен был товарищами. Он особенно любил играть со своими сверстниками в мяч (лапту) и «лахти» [2]. Это были излюбленные игры учеников. Иосиф умел подбирать лучших игроков, и наша группа всегда выигрывала.

(П. Капанадзе, Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 19.)

Я часто видел и хорошо знал Сосо Джугашвили, который окончил духовное училище на два года раньше меня.

В школе каждый из нас имел своего «героя», предмет преклонения. Помню, как мы выстраивались у стены школы и смотрели на старших товарищей во время их игр. Когда побеждали наши «герои», нашей радости не было предела.

---

[1] Землетрясение в г. Гори 20 февраля 1920 г.

[2] «Лахти» — игра, состоящая в защите одной партией своих «лахти» (веревки, пояса, находящиеся в очерченном кругу) от попыток другой партии отбить эти «лахти».

Моим героем был Сосо, и он всегда оправдывал мою уверенность в нем. Сосо был во всех отношениях первым среди товарищей. Среднего роста, худощавый, бойкий и разговорчивый, с живыми глазами, он привлекал к себе общее внимание. Это был очень способный мальчик, неизменно шедший первым учеником в своем классе. Первым он был и во всех играх и развлечениях. Наряду с этим Сосо славился среди школьников как лучший, верный товарищ.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Запомнилась одежда, в которой Иосиф Джугашвили появился зимой в школе. Его заботливая мать, зарабатывавшая на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья, старалась, чтобы сын был одет тепло и опрятно.

На Иосифе было синее пальто, сапоги, войлочная шляпа и серые вязаные рукавицы. Шея обмотана широким красным шарфом. Нравился нам его яркий шарф.

Иосиф был среднего роста, худощав. В школу он ходил, перевесив через плечо сумку из красного ситца. Походка — уверенная, взгляд живой, весь он — подвижной, жизнерадостный.

(Г. Глурджидзе, Памятные годы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 25—26.)

Он оказался чрезвычайно способным ребенком. Его природные дарования постепенно пробуждались. Своими успехами в учебе Сосо обращал на себя общее внимание.

Для Сосо ни один предмет не являлся трудным. Он с одинаковым интересом и успехом усваивал как языки, так и рисование, математику, естествознание, географию, музыку, пение и т. д. К урокам он всегда был готов — лишь бы его спросили... Он всегда показывал свою исключительную подготовленность и аккуратность в выполнении заданий. Не только в своем классе, но и во всем училище считался наилучшим учеником. На уроках все его внимание было обращено на то, чтобы не пропустить ни одного слова, ни одного понятия. Он весь был обращен в слух, — этот в обычное время крайне живой, подвижной и шустрый Сосо. Никто не помнит, чтобы у Сосо по какому-нибудь предмету или поведению была отметка ниже 5[1].

В конце каждого учебного года Сосо переходил из класса в класс по первому разряду, как первый ученик... Его способности поневоле бросались всем в глаза.

У этого очень одаренного мальчика был приятный высокий голос — дискант. За два года он так хорошо усвоил ноты, что свободно пел по ним. Вскоре он стал уже помогать дирижеру и руководил хором...

В тот период, когда пел Сосо, в хоре набрались хорошие голоса. При этом и я, как молодой дирижер, был заинтересован в том, чтобы показать себя хорошим руководителем. И действительно, хор у меня был поставлен хорошо. Мы исполняли вещи таких композиторов, как Бортнянский, Турчанинов, Чайковский и др.

---

1 Отметки в духовном училище (и духовной семинарии) ставились по пятибальной системе: 5—отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно и т. д.

В наших концертах было много сольных мест. Исполнение их поручалось Сосо. Своим приятным, красивым, высоким голосом Сосо приводил слушателей в восхищение.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Сосо хорошо пел в хору учеников духовного училища. Обычно он исполнял дуэты и соло. Часто заменял регента хора.

(Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Как-то раз, 6-го января (в день церковного праздника «крещения». — *Авт.)* на «иордань», возле моста через Куру, пришло множество народу. На главной улице были выстроены войска. После церемонии духовенство возвращалось по своим церквам, причем все улицы были переполнены народом. Столпился народ и в узкой уличке около Оконской церкви. Никто и не заметил, что сверху бешено мчится фаэтон с пассажиром...

Фаэтон врезался в толпу как раз в том месте, где стоял наш хор певчих. Сосо хотел было перебежать через уличку, но не успел: фаэтон налетел на него, ударил дышлом по щеке, сшиб с ног, но... по счастью, колеса переехали лишь по ногам мальчика.

Хор певчих мгновенно окружила толпа. Подняли потерявшего сознание ребенка (Сосо было тогда 10—11 лет) и доставили домой. При виде изувеченного сына мать не смогла сдержать горестного вопля...

Сосо открыл глаза и прошептал: «Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо». Мать сразу успокоилась. Пришел доктор, промыл рану, остановил кровотечение, сделал перевязку и затем объявил:

— Внутренние органы не повреждены...

Сосо пролежал в постели две недели, а затем снова вернулся к занятиям.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Однажды Сосо попал под фаэтон и еле спасся от смерти. Если бы не его крепкое телосложение, мы и все человечество потеряли бы того, кто носит имя великого Сталина.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный правлением училища после годичных испытаний, бывших в конце 1891—92 учебного года.

II класс.

Удостоены перевода в III класс.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, Карухнишвили Мина, Канделаки Александр, Тхинвалели Христесий, 5) Гигиташвили Георгий.

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля 1892 г., стр. 14.)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный после годичных экзаменов, бывших в конце 1892/3 уччебн. года.

III класс

Переводятся в IV класс.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, Гордезиани Дионисий, Тхинвалели Христесий.

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 14 от 15 июля 1893 г., стр. 7.)

Сосо никогда не пропускал уроков и не опаздывал в училище.

Помню, мать его рассказывала о таком случае:

— После обеда Сосо стало плохо, температура повысилась, и я уложила его в постель. От жара он начал бредить: «Мамочка, отпусти меня в школу, а то учитель Илуридзе поставит мне плохую отметку»...

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В 1888 году родители определили меня в Горийское духовное училище. В классе я сидел на одной парте с Иосифом Джугашвили. Учился я слабо, и товарищ мой, Сосо, всегда охотно помогал мне.

В нашем классе учились дети богатых и бедняков. Их отношение к нам постепенно обострялось еще и потому, что Сталин, считавшийся в классе первым учеником, был из нашей среды.

Сталин обладал исключительной памятью. Объяснения преподавателей он усваивал отлично и потом в точности их пересказывал.

Он никогда не отказывался от своих слов, будучи всегда уверен в их правильности. Прекрасно отвечал он, когда его вызывали к доске.

...Преподаватель Илуридзе упорно придирался к Иосифу и всегда на уроке старался «срезать» его, как вожака нашей группы. Он называл нас «детьми нищих и несчастных».

Однажды Илуридзе вызвал Иосифа и спросил:

— Сколько верст от Петербурга до Петергофа?

Сосо ответил правильно. Но преподаватель не согласился с ним. Сосо же настаивал на своем и не уступал.

Упорство его, нежелание отказаться от своих слов, страшно возмутили Илуридзе. Он стал угрожать и требовать извинений, но Иосиф обладал крепким, непримиримым характером и упорством. Он снова несколько раз повторил то же самое, заявляя, что он прав. К нему присоединились некоторые из учеников, и это еще более разозлило преподавателя. Он стал кричать и ругаться. Сталин стоял неподвижно, глаза его так и расширились от гнева...

Он так и не уступил.

(М. Титвинидзе, Страница воспоминаний. Газета «Заря Востока» № 187 от 12 августа 1936 г.)

Мы чуждались их (большинства преподавателей. — *Авт.)* и не чувствовали в них сердечности. Нам было ясно, что школа стремится воспитать из нас рабов, а не свободных людей.

Мы учили уроки, занимались, но от нас не ускользало, что за стенами школы скрывалось «что-то» другое, неясное для нас тогда в своих очертаниях, но привлекательное, требующее разгадки.

(Г. Глурджидзе, Памятные годы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 26.)

Вот инспектор Бутырский. Одутловатое лицо с клочковатой бородой и холодными свинцовым гляделками. Это главный обер-шпион училища и преподаватель греческого языка. Ему было удобно шпионить за учениками старших классов. Его квартира находилась рядом со старшим классом училища, рядом с той комнатой, которая сохранена как музей в плодоовощном техникуме.

Бутырский был черносотенец. Он ненавидел грузин, обзывал их дикарями и не упускал случая, чтобы поиздеваться над учениками-грузинами. Однажды он до того довел одного из учеников, Петре Адамашвили, что тот, не выдержав, швырнул ему в лицо свою сумку с книгами.

(Б. Ивантер, На родине Сталина, стр. 15.)

Надзиратели часто заглядывали на квартиры учащихся, так как последним не разрешалось по вечерам выходить из дому. Приходившие к Джугашвили надзиратели всегда заставали Сосо дома, занятым делом. Мне, как дирижеру, тоже было поручено проверять квартиры певчих. При этом оказывалось, что Сосо или готовил уроки или же беседовал со своими товарищами. У него часто бывали: Цинамдзгваришвили (ныне — профессор), Петр Капанадзе, Сосо Иремашвили и другие.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В духовном училище я застал до 150 взрослых и малых ребят.

В кружок, к которому я с самого начала примкнул, входили серьезные, занимающиеся ученики: Ладо Кецховели (он был в старшем классе), Сосо Джугашвили, Миша Давиташвили, Сосо Иремашвили и другие.

Ладо Кецховели помню отчетливо: его высокий лоб, его грустное, задумчивое лицо, его статную, высокую фигуру. Во время перемен его можно было видеть большей частью одиноко гуляющим. По окончании Горийского духовного училища Ладо поступил в Тифлисскую духовную семинарию, и с тех пор я его не видел вплоть до того времени, когда встретился с ним в Тифлисе, на революционной работе.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В Горийском духовном училище Ладо Кецховели впервые познакомился и сдружился с товарищем Сталиным. Товарищ Сталин был моложе Ладо Кецховели и поступил в средне-подготовительный класс училища в 1888—89 учебном году, когда Ладо был уже в третьем классе.

(Л. Берия, Ладо Кецховели. «Правда» № 189 от 11 июля 1937 г.)

Сосо и Ладо (Кецховели. — *Авт.)* сдружились здесь, несмотря на разницу в годах. Фотография юноши Ладо рядом с портретами Пети Капанадзе и Миши Давиташвили висит теперь в комнате Сталина, в бывшем духовном училище.

Это близкие друзья Сосо — с ними он говорит о своем будущем, с ними обсуждает прочитанные книги. Это его друзья того периода, когда кончалось детство и начиналась юность.

(Б. Ивантер, На родине Сталина, стр. 23—24.)

Владимир (Ладо) Захарьевич Кецховели родился 2 января 1876 года в селении Тквиави, Горийского уезда, Тифлисской губернии. Его отец — Захарий Кецховели — был священником и имел пять сыновей и одну

дочь. Ладо не было еще и восьми лет, когда умерла мать. Нужда и бедность заставили уйти из отцовского дома старших братьев Ладо; они находились в разных уголках Грузии. Старший брат Нико в период 1878—1885 гг. был народником и поддерживал связь с русскими народниками.

В 1883 году семилетнего Ладо отдали в Горийское духовное училище, где он с увлечением читал запрещенные книги грузинских классиков, возбуждавшие в нем жажду знаний.

С малых лет Ладо был очень чутким, ровным, серьезным и спокойным. Если он брался за какое-нибудь дело, то с большим упорством доводил его до конца. Твердость и целеустремленность характера Ладо сохранил до конца своей прекрасной жизни.

Ладо еще в духовном училище стал атеистом. Он не признавал бога, не любил богослужений и среди товарищей слыл безбожником.

Каникулы Ладо проводил у себя в деревне Тквиави. Он живо интересовался жизнью крестьян и был знаком почти со всеми крестьянскими семьями своей деревни. Крестьяне жили в крайней нужде — неимоверно душили их налоги, подати, аренда земли, произвол дворян и помещиков. Полицейские власти грабили крестьян, врывались в дома и в погашение недоимок у крестьян отбирали домашнюю утварь, уводили скот и т. д. При малейшей попытке сопротивления крестьян беспощадно избивали нагайками.

Эти картины дикой расправы производили на Ладо тяжелое впечатление и возбуждали в нем чувство ненависти к поработителям — царю, помещикам и дворянам.

Ладо часто вступал в споры с отцом, осуждая его за собирание с крестьян церковной подати. Он агитировал и убеждал крестьян, что бога нет — его выдумали священники, что не надо платить попам церковные подати. Неоднократные попытки отца направить Ладо «на христианский путь» оканчивались полной неудачей.

Будучи в 4-м классе духовного училища, Ладо стал выпускать рукописный журнал «Гантиади» («Рассвет»), который был обнаружен администрацией. Ладо получил двойку по поведению. Из-за плохой отметки он не был принят в Тифлисскую духовную семинарию, и, после долгих хлопот отца, его оставили на второй год в Горийском духовном училище «для исправления поведения».

(Л. Берия, Ладо Кецховели, «Правда» № 189 от 11 июля 1937 г.)

В 1890 году, поступив в Горийское духовное училище, я впервые встретился с одиннадцатилетним Иосифом Джугашвили.

Предметы у нас проходились на русском языке, и лишь два раза в неделю преподавали грузинский язык.

Я, будучи уроженцем Мегрелии, произносил грузинские слова с акцентом. Это дало повод ученикам смеяться надо мной. Иосиф же, наоборот, пришел мне на помощь.

Скромный и чуткий, он подошел ко мне и сказал:

— Ну, давай я буду учиться у тебя мегрельскому языку, а ты у меня — грузинскому.

Это движение души товарища сильно растрогало меня.

(Д. Гогохия, На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 37.)

Иосиф был тверд, настойчив и энергичен.

Вместе с тем его характер в общении с товарищами отличался чуткостью и заботливостью.

Об этой заботливости говорит хотя бы следующий факт.

Как-то раз, перед самыми экзаменами, я заболел и обратился к смотрителю училища Беляеву с просьбой освободить меня от экзаменов. Беляев отказал. Я был очень удручен отказом. Об этом узнал Сосо и стал настаивать, чтобы я пошел с ним к Беляеву просить вместе. Я отговаривал его, будучи уверен, что ничего из этого не выйдет. Сосо все же уговорил меня пойти к Беляеву и с такой решительностью, смелостью и настойчивостью стал убеждать смотрителя, что тот уступил.

(П. Капанадзе, Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 20—23.)

Сосо был сердечным и очень добрым мальчиком. Несмотря на крайнюю материальную нужду своей семьи, он охотно делился с голодными товарищами завтраком, который обычно приносил в школу. И дома он тоже радушно угощал близких товарищей, часто собиравшихся у него на квартире.

Сосо активно помогал отстающим в учебе товарищам. В конце года, когда начинались экзамены, он прикреплял к тому или иному отстающему сильных учеников, а из тех, кто оставался без помощи, составлял маленький кружок и сам занимался с ним у себя на квартире.

После занятий с Сосо слабые ученики, к удивлению преподавателей, успешно сдавали экзамены.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В духовном училище воспитывались будущие священники и поэтому им всячески старались привить богобоязнь, покорность и страх перед начальством.

Однако на Иосифа Джугашвили такая система «воспитания» не влияла. Ни одной из перечисленных выше «добродетелей» в нем не было заметно. Несмотря на строгий режим, он был и остался смелым и свободолюбивым мальчиком. В то время как другие ребята, в большинстве своем, чуть ли не трепетали перед школьным начальством, Иосиф смело подходил к любому преподавателю, говорил с ним о причинах отставания того или иного ученика, о средствах к его исправлению и т. п. Столь же смело обращался он с просьбами за провинившихся учеников к инспектору, к надзирателям.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В Горийском духовном училище разрешили ввести часы светского пения, и это надо приписать инициативе Сосо. Помню, как-то раз, по окончании спевки, Сосо обратился ко мне с вопросом, почему рядом с нами, в городском училище, наряду с церковными, поют и светские песни, а нам не разрешают.

После некоторого раздумья я ответил, что наша школа — духовное училище, поэтому мы должны хорошо знать церковное пение, для городского же училища это необязательно.

— Я думаю,— возразил Сосо,— что и мы ничего не потеряем, если

хоть иногда будем исполнять народные песни. Попросим, может быть, разрешат...

Спустя некоторое время из Тбилиси для производства ревизии в училище приехал преподаватель духовной семинарии. Результатами ревизии он остался доволен.

Очень понравился ему наш хор, в особенности сольное исполнение Сосо. Последний воспользовался этим и шепнул мне, чтобы я поговорил с ревизором о введении в училище светского пения. Я передал ревизору о нашем общем желании, причем и Сосо принял участие в этой беседе.

Ревизор предложил нам подать соответствующее заявление в правление училища и обещал, что поддержит наше ходатайство перед экзархом. Мы так и сделали. Через некоторое время от экзарха было получено разрешение исполнять светские песни и выделить особые часы для занятий учеников гимнастикой. После этого в стенах училища часто можно было слышать грузинские народные песни, исполняемые хором под руководством Сосо: «Чаухтет да чаухтет Бараташвилса» [1], «Курдгели чамоцанцалда» [2], «Вай шен чемо тетро бато» [3], и другие.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Километров за семь от Гори, по дороге в Тбилиси, находится древний пещерный город Уплис-цихе. Тут собралась как-то экскурсия старших школьников духовного училища, между ними был и Сосо Джугашвили...

Уплис-цихе был уже близко. Перебраться только еще через один овраг — и там. Экскурсанты спустились на дно. Там бежал мутный и довольно широкий ручей. Один из ребят попытался его перепрыгнуть, но не допрыгнул и попал в воду. Школьники стали разуваться.

Надзиратель Тиникашвили топтался на берегу. Он не знал, как ему быть. Прыгать он боялся. Вдруг в воду попадешь. Разуваться надзирателю перед школьниками казалось неудобно.

Сосо, глядя на него, посмеивался. Потом разбежался и перепрыгнул на другой берег.

— Молодец, — похвалил его надзиратель, но прыгнуть все же не решился.

Тогда один из старших учеников, приятель Сосо, руководивший экскурсией, выручил надзирателя. Он стал посреди ручья, нагнулся, и Тиникашвили, ступив ему на спину, перебрался на другой берег.

Школьники засмеялись, а Сосо проворчал:

— Ишак ты, что ли? Я бы самому богу не подставил спину — не то что надзирателю.

Подошли к стене Уплис-цихе — высокая гладкая каменная стена, а наверху, на огромной высоте, то ли окна, то ли бойницы, то ли просто проломы и пробоины в скале. Наверх ведет отлогий подъем рядом со стеной, огороженный сплошными каменными перилами. Подниматься легко: под ногами ступени, настолько сглаженные временем, что они

---

1 «Узнаем и узнаем Бараташвили!»
2 «Зайчик пропрыгал».
3 «Горе тебе, мой белый гусь!»

еле заметны, будто только тени ступеней остались на гладкой каменной дороге с желобком посредине.

Поднявшись наверх, человек вступает в мир вещей, странных и причудливых. Кругом каменные глыбы такой формы, что задумаешься, человек ли их обтесал или ветер. Заходишь в одну пещеру, в другую и видишь, что здесь человек помогал природе, переделывал ее, обтесывал камень, врубался в скалу. Неожиданные выходы ведут из одной пещеры в другую. Продираешься сквозь небольшое круглое окно в темноту, и вдруг видишь себя в прохладном полутемном зале с высоким куполом. И сквозь полумрак проступает часть колонны, обтесанной грубым, но искусным и умелым резцом, резцом настоящего скульптора.

Входишь в пещеру с круглым куполом. Скажешь слово, и не узнаешь своего голоса, так торжественно и гулко разносится он вокруг. Несомненно, это часть храма. Но какая это древность! Сколько веков прошло с тех пор, как люди покинули этот сказочный город?!

Следы изумительного искусства видны на углах пещер, выступающих из темноты. На куполах остались орнаменты, похожие на византийские.

И во всем этом городе нет ни одного уголка, где этот древний человек нарушил бы замечательную связь камня и воздуха, оставленную здесь природой.

В честь Уплис-цихе Сосо Джугашвили написал стихи.

(Б. Ивантер, На родине Сталина, стр. 20—22.)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный правлением училища после экзаменов, бывших в конце 1893/94 учебного года.

Класс IV.

Рекомендуются к переводу в семинарию.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, Лиадзе Самсон, Тхинвалели Христесий, Гордезиани Дионисий, 5) Хурошвили Роман (и другие. — *Авт.)*.

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 14 от 15 июля 1894 г., стр. 14.)

Горийское духовное училище мы окончили в 1894 году. На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками, ему выдали похвальный лист, что для того времени являлось событием, из ряда вон выходящим, потому что отец его был не духовного звания и занимался сапожным ремеслом.

(Д. Гогохия, На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 41.)

6. СРЕДИ НАРОДНЫХ МАСС, ВСТРЕЧИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Сосо был во втором (приготовительном. — *Авт.)* отделении, когда Бесо стал говорить, что он возьмет ребенка из училища и повезет его в Тифлис для обучения своему ремеслу.

Долго разъясняли ему мой муж, Эгнаташвили и другие близкие товарищи Бесо всю несуразность такого решения...

(По воспоминаниям Машо Абрамидзе-Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Между Виссарионом и Кеке возникли неприятности по вопросу о воспитании сына. Отец был того мнения, что сын должен унаследовать профессию своего отца, а мать придерживалась совершенно иного взгляда.

— Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! — Я сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником, да и все равно будет он сапожником! — так часто говорил Виссарион своей жене.

Несмотря на то, что Виссарион жил и работал в Тифлисе, а Кеке с сыном — в Гори, она постоянно беспокоилась:

— А ну, как приедет Виссарион, да увезет сына и окончательно оторвет его от учебы?

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Учился он прекрасно, но его отец—покойный муж мой Виссарион [1]— задумал мальчика взять из школы, чтобы обучать своему сапожному ремеслу. Возражала я, как могла, даже поссорилась с мужем, но не помогло: муж настоял на своем.

— Через некоторое время мне все же удалось его снова определить в школу.

(Газета «Правда» № 297 от 27 октября 1935 г.)

Виссариону не давала покоя мысль, что его сын ходит в училище и не изучает ремесло. И вот в один прекрасный день в Гори приехал Виссарион и отдал Сосо на фабрику Адельханова.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

ОБЪЯВЛЕНИЕ. Склад произведений завода и фабрик Г. Адельханова и К°. Угол Эриванской площади и Армянского базара, дом бывш. генерала Тер Асатурова.

Обувь готовая мужская и дамская, новейших фасонов; продажа производится в розницу по фабричным ценам.

Кожевенный товар, юфть белая и черная, конина всех сортов, опойки, сафьяны, шагрени, юфтовые вытяжки, полувалы; подошвы, седельные и сыромятные кожи.

Войлочные изделия: войлоки всех сортов и лезгинские бурки. Главная контора помещается при кожевенном заводе: Тифлис, Эриванское шоссе, собств. дом.

(Газета «Новое обозрение» № 2171 от 14 апреля 1890 г.)

В училище все были огорчены потерей Сосо, но больше всех сокрушалась мать.

---

[1] Виссарион Иванович Джугашвили умер в 1906 г.

Маленький Сосо работал на фабрике: помогал рабочим, мотал нитки, прислуживал старшим.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Старый кожевенный завод, принадлежавший крупному тифлисскому капиталисту Адельханову, ничем не отличался от других предприятий того времени.

Тут, так же как и везде, была безудержная эксплоатация, тяжелые условия труда, грошевые заработки.

Старый рабочий-кантовщик Николай Мерабович Мерабов, проработавший на заводе свыше сорока лет, прекрасно помнит, каким было это предприятие до революции.

— Цехи, расположенные в сыром и темном подвале, — вспоминает Мерабов, — тускло освещались керосиновыми лампами-коптилками. Вентиляции не было. Запах кожи одурманивал, доводил до тошноты. В зольном цехе приходилось работать, стоя по колено в грязной, холодной воде. Самый квалифицированный труд оплачивался не более, чем по 50 копеек в день. Чернорабочим платили 10—20 копеек. Этих денег едва хватало, чтобы прокормить себя.

— Об улучшении условий труда хозяин не заботился,— рассказывает Г. Х. Гаспаров, старый рабочий отделочного цеха. — У нас в цехе кожа сушилась на крючках, подвешенных к потолку. Тяжелые связки мы поднимали вверх вручную, без всяких приспособлений. Надрываясь, рабочие катали по цеху тяжелый двадцатичетырехпудовый каток. В результате почти 80 процентов рабочих отделочного цеха болели грыжей. В других цехах страдали хроническим ревматизмом, умирали от простуды.

(М. Исаев, Н. Петриашвили, На месте старой «дабаханы». Газета «Заря Востока» № 66 от 22 марта 1938 г.)

Через некоторое время мать в свою очередь поехала в Тифлис и увезла сына с фабрики. Некоторые из преподавателей знали о судьбе Сосо и советовали оставить его в Тифлисе. Служители экзарха Грузии предлагали ей то же самое, обещая, что Сосо будет зачислен в хор экзарха, но Кеке и слышать об этом не хотела. Она спешила увезти сына обратно в Гори...

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Маленький Иосиф с раннего детского возраста воочию видел нужду и горе народное. На грязной окраинной уличке, где жили его родители, в неимоверной грязи и скученности день-деньской ломали спину над тяжелой работой ремесленники. Все они еле-еле сводили концы с концами, зато на их труде обогащались торговцы, перекупщики, ростовщики разного рода...

Он видел, как в воскресные дни по улицам города тянулись на базар жалкие арбы пригородных крестьян, запряженные понурыми, тощими буйволами. Под гнетом жестокой нужды им за дешевку приходилось сбывать перекупщикам свою продукцию — фрукты, сыр «квели», овощи, пшеницу, кукурузу.

Он ходил и на «дахурули-базари» (крытый рынок). Нередко приходилось ему слышать здесь вопли несчастного крестьянина, обманутого, об-

считанного, обвешанного наглыми хищниками-лабазниками, рыбниками, торговцами красным товаром...

(Записано со слов Г. И. Елисабедашвили и З. А. Давиташвили.)

Царская «аграрная реформа» — «освобождение крестьян» — не принесла облегчения крестьянам. Наоборот, в результате этой «реформы» в Горийском уезде осталось без земли большое количество крестьян (хизани). Беднота попрежнему находилась в кабале у помещика. И не раз закабаленное крестьянство подымало восстания против помещиков и царских сатрапов. Революционные выступления крестьян особенно усилились к концу XIX и в начале XX века.

(Г. Бухникашвили, Несколько справок, «Заря Востока» № 97 от 28 апреля 1937 г.)

В закавказской деревне больше, чем в центральных районах России, сохранились крепостнические пережитки. Острое малоземелье, дикая эксплоатация со стороны помещиков и дворян, грабительская налоговая политика и произвол царизма, проникновение ростовщического капитала в деревню поставили крестьянство Закавказья в самое бедственное положение и способствовали их революционизированию.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья, стр. 39. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г.)

За пастьбу крупного рогатого скота взимают (помещики и землевладельцы. — *Авт.)* в год от 20 до 50 копеек; за пастьбу свиней и баранов отдают владельцу пастбищ из каждых 20 голов одну или две головы; за пользование летними пастбищами частные владельцы взыскивают с каждого барана от 5 до 10 копеек... Жители трех селений вносят (землевладельцам. — *Авт.)* за воду плату деньгами, а остальных — отбывают натуральную повинность: общество сел Ахалсопели вносит по 50 рублей, Гареджвари Малое поставляет имеющиеся плуги на один день в году; сел. Зегдулети вносит по 50 рублей, Зерти и Меджврисхеви Малое поставляют плуги и по одному работнику с дыма на один день и сел. Самтависи уплачивает с каждой поливаемой дгиуры (½ десятины) по 50 копеек... Селение Надарбазеви ощущает недостаток в воде для домашних нужд, почему крестьяне этого селения гоняют свой скот на водопой за 5 верст на р. Куру, по землям частных владельцев, которые, по словам крестьян, их весьма стесняют. За право прогона скота общество вносит плату вместе с платой за пользование пастбищами сих владельцев.

(С. В. Мачабели, Эконом. быт крестьян Горийского уезда, Тифл. губ. В сборнике «Материалы для изучения экономического быта государств. крестьян Закавказского края», т. VI, стр. 201. Тифлис, 1887 г.)

Бедственным положением крестьян пользуются местные торгаши, за полцены скупая у них хлеб. Во всех деревнях нашей Карталинии существует так наз. «пурис дакветеба». Состоит она в следующем. Является в деревню какой-нибудь кулак, обыкновенно в критическое время, когда крестьяне больше всего терпят нужду, и ссужает их деньгами, ставя условием: в счет отданных денег заплатить натурой, причем коди[1], на-

[1] Коди — около $3^1/_2$ пуд.

пример, ячменя он оценивает в 1 рубль. И вот сей «благодетель» выжидает, когда цены поднимутся на зерновой хлеб, продает коди ячменя за три рубля. Таким образом, раздавши в селе хотя и с сотню рублей, он получает 200 рублей прибыли. Вот краткая история, каким образом выплывают на божий свет наши доморощенные крезы, в городах устраивая лавки, а в деревне разоряя крестьян.

(Газета «Новое Обозрение» № 2995 от 11 сентября 1892 г.)

Приобретаемый ростовщиками в с. Цхинвали сыр от 3 до 5 рублей за пуд сбывается ими в Тифлисе от 6 до 10 рублей; пуд масла в Цхинвали покупается ими от 6 до 9 рублей, и продается в Тифлисе от 9 до 12 рублей.

(С. В. Мачабели, Эконом. быт крестьян Горийского уезда, Тифл. губ. В сборнике «Материалы для изучения экономического быта государств. крестьян Закавказского края», т. VI, стр. 230. Тифлис, 1887 г.)

Помнится такой случай.

Идя однажды по дороге, мы увидели отдыхающих в поле пахарей.

— Давай, подойдем к ним,— предложил товарищ Сталин.

Мы подошли.

Увидев, с каким большим аппетитом один из крестьян ел хлеб с лобио[1], товарищ Сталин спросил:

— Почему так плохо питаетесь? Ведь вы же сами пашете, сеете, собираете урожай. Значит, можно лучше жить?

На это крестьянин ответил:

— Собираем-то мы сами, но приставу надо дать, священнику надо дать. Что же нам остается?

Так завязалась беседа, в ходе которой товарищ Сталин шаг за шагом стал разъяснять, почему крестьянину плохо живется, кто на нем наживается, кто его друзья и кто враги. Он говорил так понятно и увлекательно, что крестьяне просили его притти еще поговорить с ними.

(Г. И. Елисабедашвили, Годы в училище. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 88—91.)

В грузинских селениях они (священники. — *Авт.)* получают содержание от населения в разных размерах, а именно: в одних селениях им вносят пшеницу, в других — пшеницу и ячмень, в третьих — пшеницу и по одной или по две курицы с дыма, или по тунге вина, поставляют работника летом на один или два дня, а в некоторых селениях взимают на содержание их с дыма денежный сбор[2]... По показанию армян, живущих в с. Али, за проводы и другие обрядности при погребении взрослого они платят священнику от 20 до 25 рублей, причем в пользу священника поступает еще новый костюм покойника или уплачивают стоимость платья.

(С. В. Мачабели, Эконом. быт крестьян Горийского уезда, Тифл. губ. В сборнике «Материалы для изучения эконом. быта государств. крестьян Закавказского края», т. VI, стр. 244. Тифлис, 1887 г.)

---

[1] Лобио — фасоль.

[2] Помимо годового содержания духовенства, крестьяне выплачивали еще и плату за исполнение церковных треб. Как видно из примера крестьян сел. Али, плата эта тоже поглощала весьма значительную часть крестьянских доходов.

К расходам на сельское управление относятся следующие: плата старшинам, их помощникам, рассыльным при старшинах, заведующим хлебными (хлебозапасными. — *Авт.)* магазинами, сборщикам податей и писцам... Этим служащим платят или определенное жалование, или выдают вознаграждение натурой — пшеницей. В некоторых селениях старшинам, сверх платы деньгами, полагается во время летних работ по одному рабочему с каждого дыма и по одному дню пахания с каждого плуга, выходящего из селения на работу.

(С. В. Мачабели, там же, стр. 243.)

В один из февральских дней 1892 года тихая жизнь уездного города Гори была потревожена. Рано утром плоские крыши домов на окраине, крепость и северный склон холма, на котором возвышаются древние руины, были заняты народом.

Перед крепостью, на площади, в четырехстах шагах от тюрьмы, стояли эшафот и три виселицы. Ветер, дующий с долины, раскачивал зловещие петли.

В этот день, 13 февраля 1892 года, предстояла казнь «преступников», приговоренных временным военным судом в Гори к повешению «в присутствии войск местного гарнизона».

В толпе находились и ученики Горийского духовного училища. В той же толпе мелькала высокая фигура молодого, странствовавшего по Грузии, Алексея Максимовича Горького.

Об этом дне помнят старые жители Гори и окрестных сел, об этом дне пишет Горький в очерке о Гори, напечатанном в «Нижегородском Листке».

Солдатам было приказано окружить площадь тесным кольцом. Отношение солдат к казни замечательно передает в своем описании А. М. Горький:

«Загорелые русские солдатики, держа ружья на плече, стоя со скучными лицами точно деревянные или вкопанные в землю, смотрели перед собой ничего не выражавшими глазами».

А за этим кольцом забитых муштровкой людей гудела возбужденная, многотысячная толпа. «У самого помоста,— пишет Горький,— стояли власти в мундирах, с сухими и строгими физиономиями, и среди яркой, говорливой толпы их официальные фигуры были чем-то беспочвенным и чуждым всему, что окружало их».

Теперь, спустя сорок семь лет, один из бывших учеников Горийского духовного училища орденоносец Петр Соломонович Капанадзе рассказывает:

«К месту казни направились и все учащиеся. Преподаватели считали, что это внушит молодежи чувство страха и подчинения. Но картина казни еще более укрепила в нас недовольство тем режимом, который царил в духовном училище. Мы были страшно подавлены сценой казни, глаза застилали слезы. С нами вместе был юный Сосо Джугашвили. Мы горячо обсуждали события этого дня. Проповеди учителей духовного училища, заповедь «не убий» и все подобное никак не увязывалось в нашем представлении с публичной казнью двух крестьян, прозванных разбойниками, с фигурой священника, сопровождавшего осужденных.

Кто были эти «разбойники»? Это — крестьяне, бежавшие от социального гнета в леса и горы, нападавшие только на помещиков и, наоборот,

помогавшие сельчанам. Я помню, например, в каком страхе жили князья, владевшие селом Авлеви. Они не ложились спать в ужасе от одной мысли о «разбойниках».

Самым крепким из осужденных был Тате Джиошвили, плечистый, с черной окладистой бородой. Он считался главарем. Во время казни его товарища Сандро Хубулури оборвалась веревка. Но это не смутило палачей,— в царской России было припасено для народа немало веревок».

О событиях того дня помнит и Д. Е. Гогохия — бывший ученик Горийского духовного училища.

«День выдался солнечный, по-весеннему теплый,— рассказывает он,— все школьники собрались на крепости. По случаю масленицы, занятий в училище не было. Мы не имели до этого дня никакого представления о казни. И большой неожиданностью для нас, учащихся духовного училища, было появление на эшафоте священника с крестом в руках. Один из осужденных, помнится, отказался от его «благословения». О «разбойниках» говорили в толпе сочувственно, как о людях, боровшихся против дворян и помещиков. После казни народ стал медленно расходиться».

(Г. Глебов, Очерк А. М. Горького о Гори. «Заря Востока» № 223 от 28 сентября 1939 г.)

Сандро Хубулури и Тате Джиошвили попросили покурить — им дали по папиросе; затем они изъявили желание напиться воды — желание это тоже было удовлетворено.

Вообще вели они себя (осужденные на казнь. — *Авт.*) очень спокойно. Сандро Хубулури все время молчал, а Тате Джиошвили даже подшучивал.

(Газета «Новое Обозрение» № 2802 от 15 февраля 1892 г.)

Один из них, рыжеватый имеретин, в рваной куртке, обнажавшей жилистую шею и крепкую грудь, облокотясь на перила и улыбаясь, беседовал с людьми, пришедшими посмотреть, как он умрет; другой, весь черный, тоже рваный, похожий на большую головню, стоял под виселицей и покручивал одной рукой усы, а другой оправлял петлю, уже накинутую ему на шею.

(А. М. Горький, Очерк. Газета «Нижегородский Листок» № 327 от 26 ноября 1896 г.)

Вместе со всеми ребятами Сосо бегал за процессией кееноба — карнавальным шествием с представлением о персидском царе.

(Б. Ивантер, На родине Сталина, стр. 12.)

В начале XVII века, в 1617 году, повелитель Персии шах Аббас произвел страшное разорение Грузии, опустошив в ней целые города и деревни, ограбив все церкви и монастыри и уведя с собой в плен в Персию множество грузин, поселенных им затем в персидских провинциях: Мазандаране и Хорасане.

Потомки этих грузин, проживающих и в настоящее время в числе более 25 000 душ в персидской провинции Ферейдан, приняв ислам, сохраняют, однако, и доныне свой язык и народные обычаи.

...Как при грузинском дворе, так и во всех слоях городского и сель-

ского населения Грузии были введены нравы и обычаи персиян. Наконец, угнетение грузинского народа персиянами дошло до крайних пределов, и выведенный из терпения народ, около первой четверти XVII столетия, восстал против одного из представителей шаха — Карчи-хана — и затем вообще против персиян. Это было при грузинском царе Теймуразе I, воцарившемся при содействии храброго карталинского моурава (правителя), Георгия Саакадзе, убившего означенного Карчи-хана. Ожесточенный народ и грузинские войска, собравшиеся со всех местностей Грузии, разбили наголову персиян и выгнали их из пределов Грузии. Победа эта происходила в чистый понедельник 1634 года. По народному преданию, грузины, поймав в этот день шахского представителя, вымазали ему лицо сажей и, посадив его на осла, возили по всему Тифлису. Опозорив таким образом, они бросили его в Куру.

...Со времени вышеописанного события — поражения персиян — у грузин и армян ежегодно устраивается в день чистого понедельника своеобразный азиатский карнавал, называемый keeнобой.

(Газета «Кавказ» № 49 от 22 февраля 1889 г.)

В г. Гори обыкновенно в этот день жители разделяются на две партии, во главе которых стояли царь и кеен (шах). На них надевают колпак, сделанный из бурки, шубу наизнанку, лицо пачкают сажей, а в руки дают меч, конец которого украшен яблоком. Они сидят на ослах и объезжают город, собирая подати — в виде остатков говядины, печений (када), вина и пр. Им оказывают почтение, а провинившихся мажут сажей. К обеду партии сталкиваются и побежденный шах бросается в воду, а вечером начинается кулачный бой.

(Александр Хаханов, Очерки по истории грузинской словесности, вып. 1-й, стр. 15. Москва, 1895 г.)

7. ЗА КНИГОЙ

Если память мне не изменяет, беседа, о которой я хочу рассказать, имела место, когда Иосифу и мне было по 13 лет.

Во время летних каникул, возвратившись в Гори из родного села Бершуети, я навестил Иосифа, и мы вышли гулять на улицу. Прошли мост через Куру, перешли за полотно железной дороги и расположились на зеленой лужайке.

Молодые, еще не искушенные в жизни, мы любили беседовать на отвлеченные темы. Я заговорил о боге. Иосиф слушал меня и после минутного молчания ответил:

— Знаешь, нас обманывают, бога не существует...

Эти слова удивили меня. Ни от кого еще я не слышал таких слов.

— Сосо, что ты говоришь?!

— Я дам тебе прочесть книгу, из которой ты увидишь, что мир и вся жизнь устроены по-иному, и разговоры о боге — пустая болтовня,— сказал Иосиф.

— Какая это книга? — заинтересовался я.

— Дарвин. Обязательно прочти,— наставительно ответил Иосиф.

(Г. Глурджидзе, Памятные годы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 29.)

Иосиф очень любил книги и увлекательно рассказывал нам о прочитанном. Его рассказы были такими интересными и волнующими, что слушать собирались и взрослые. Дядя мой обычно благодарил Сосо и просил почаще заходить к нам.

(М. Титвинидзе, Страница воспоминаний. «Заря Востока» № 187 от 12 августа 1936 г.)

За годы ученичества Сталин перечитал почти все книги, имевшиеся в горийской библиотеке: сочинения Игнатия Ниношвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и др. Лучшие произведения он советовал читать и нам, своим товарищам, и часто пересказывал содержание прочитанного. Помню, какое большое впечатление произвел на него рассказ И. Ниношвили «Гогия Уишвили», в котором описывается угнетенное и бесправное положение крестьян[1]. «Надо учиться и учиться, — говорил Иосиф, — чтобы помочь крестьянам».

(П. Капанадзе, Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 20.)

«Упорный и непрерывный труд (героя повести — крестьянина Гогия Уишвили. — *Авт.)* не обеспечивал его семье ни сносной пищи, ни одежды. Помимо надела у него не было никакой земли. Налоги росли. Жить становилось все труднее. Уездный начальник, священник, помещик, старшина,—все его притесняли. Лес, заготовленный для нового дома, пришлось продать. Приданое Маринэ ушло на долги: и ковер, и медный котел, и даже то кисейное платье, которое Гогия подарил ей к свадьбе. Дети болели, потому что у них не было теплой одежды. В одно тяжелое лето свалилась вся семья. Один из ребят умер, другой онемел, и Гогия стал в конце концов ненавидеть жизнь и призывать смерть. Он проклинал все — и на небе и на земле. А иногда нес такое, что собеседники его говорили:

— Беда, если услышит его тот, кому не надо. Не миновать ему Сибири».

(Из повести Ниношвили «Гогия Уишвили». И. Ниношвили, Избранное, стр. 141—142. Тифлис, Закгосиздат, 1935 г.)

В летние месяцы Сосо часто жил в деревне Црома (около станции Гори, по ту сторону Куры) в доме Миши Давиташвили. Здесь, на лоне природы, он проводил время в чтении и в дружеских развлечениях с товарищами.

Сосо очень любил читать книги. Уже в детском возрасте он читал классиков. Он прекрасно знал произведения многих писателей и сам проявлял литературные способности.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

При школе была библиотека. Когда мы подросли,— пристрастились к чтению. Начальство выдавало нам книги, которые были нам не по вкусу, и мы доставали литературу для чтения у Арсена Каландадзе, имев-

---

1 В этом произведении Игнатия Ниношвили (псевдоним Эгнате Ингороква, род. в 1859 г., ум. в 1894 г) ярко и выразительно изображается безвыходное положение грузинского крестьянина.

шего в Гори книжный магазин. У Каландадзе мы доставали книги Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе, Р. Эристова и других, книги, рассказывавшие нам о том, что на свете происходят какие-то иные события, что школа для нас — мачеха.

(Г. Глурджидзе, Памятные годы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 26.)

В Гори, как только позволили обстоятельства, Арсен Иванович Каландадзе с жаром отдался просветительной деятельности. Состоя бессменным членом Тифлисского общества распространения грамотности среди грузин, он в первую очередь нащупывает возможность создания в городе общедоступной читальни. Однако сделать это ему удается лишь в 1894 году. Помещение под читальню бесплатно предоставил известный грузинский общественный деятель, литературовед и журналист А. С. Ханов.

Несколькими годами раньше при типографии была открыта небольшая книжная лавка.

Организованные Каландадзе культурные центры (читальня и книжная лавка) сейчас же притягивают к себе учащихся, рабочих, всех мыслящих людей города Гори. Среди них был и молодой Сталин.

(Записано со слов дочери Каландадзе—Тамары Ким.)

Ладо Кецховели, встретившись с Сосо в дверях школы, остановил его:

— Ты, кажется, жаловался на отсутствие книг?

— Ну, да! — ответил мальчик и улыбнулся.

— Хочешь — помогу достать?

— Как не хотеть?! Понятно, хочу...

— Тогда приноси завтра пять копеек, остальное — мое дело.

На другой день Сосо достал пять копеек, и Ладо отвел его к Арсену Каландадзе. Пять копеек оставили под залог книги, а взамен получили на дом «Сурамскую крепость» Даниеля Чонкадзе.

В ту ночь Сосо так увлекся чтением, что и про сон забыл. Было уже за полночь, когда мать, проснувшись, увидела сына за книжкой, у лампы.

— Сынок, почему ты до сих пор не ложишься спать? Ложись, отдохни... Видишь — скоро светать начнет?

— Уж очень мне книга понравилась, мама! Никак не мог с ней расстаться...

Мать ему не мешала. Устав за долгий день работы, она утомленно закрыла глаза и опять крепко уснула.

...С того дня он стал частым гостем у Арсена. Иногда целыми днями пропадал у него, внимательно вслушиваясь в споры взрослых, в обмен мнениями по самым разнообразным вопросам.

(Демна Шенгелая, Крмоба. Газета «Литературули Сакартвело» № 16 от 30 июня 1938 г. Перевод с грузинского Тамары Ким-Каландадзе.)

В 1859 году была напечатана повесть «Сурамская крепость» (Д. Чонкадзе, род. 1830, ум. 1860 г. — *Авт.)*. Внешняя канва этой повести держится на известном странствующем сказании, по которому, согласно верованиям наших отдаленных предков, для благополучного окончания

воздвигаемой постройки необходимо было зарыть под ней живое существо.

До сих пор слышится в различных концах Грузии грустная песня о Зурабе, замурованном в стене Сурамской крепости:

Сурамская крепость,
Рад я тебя видеть,
Мой Зураб у тебя,
Береги ты его мне!

Песня эта состоит из воплей матери и стонов сына, которого заделывают на глазах у матери в стену, по указаниям колдуньи. По телу возвышается строящаяся стена, мать же, стоя поодаль и рыдая, постоянно взывает к сыну, осведомляется, как высоко возвели стену:

—Сын мой Зураб, как высоко?
—Горе мне, мать,—по колени.
—Сын мой Зураб, как высоко?
—Горе мне, мать,—по пояс!
- Сын мой Зураб, как высоко?
—Горе мне, мать,—по горло!
—Сын мой Зураб, как высоко?
—Горе мне, мать,—покончено.

При этих словах сына заделали окончательно, и он испустил дух. Мать падает в обморок. Через час она просыпается сумасшедшею, которая потом не спит, не ест, не пьет и лишь раздирающим душу голосом вопрошает Сурамскую крепость, что сталось с ее милым Зурабом.

(Александр Хаханов, Очерки по истории грузинской словесности, вып. 4-й, стр. 98. Москва, 1907 г.)

Ребята в то время зачитывались книгами Ильи Чавчавадзе, Ал. Казбека и других грузинских писателей.

Одной из партийных кличек Сталин впоследствии избрал себе «Коба»— это имя одного из героев Казбека.

Любимой книгой горийских школьников была поэма Ильи Чавчавадзе «Разбойник Како». Ребята непосредственно выражали свои чувства, чуть не плакали, когда помещик избивал старика, отца Како, и шумно восторгались, когда Како убивал помещика.

(Б. Ивантер, На родине Сталина, стр. 24.)

Иосиф научился отлично рисовать, хотя в те годы в училище рисованию нас не обучали. Помню нарисованные им портреты Шота Руставели и других грузинских писателей.

(П. Капанадзе, Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 20.)

Грузинский народ овеял имя Шота богатыми легендами, создал ему поэтическую биографию, нарисовал его портрет и продолжил и многократно пересказывал сюжет поэмы. Народ пронес в своей памяти, в своем сердце руставелиевского «Витязя» через десятилетия и столетия набегов иноземцев, национального полонения, ига внешних поработителей и внутренних угнетателей. Простые дети народа, крестьяне и ремесленники, пересказывали сыновьям поэму Руставели наизусть, и вошло в обычай давать списки поэмы в приданое дочерям. Так эта поэма служила

знаком непрерывной духовной истории народа вплоть до освобождения его Великой Октябрьской социалистической революцией, вливаясь всем своим богатством в семью литератур советских народов.

(И. К. Луппол, Имя, сверкающее из глубины веков. Речь на Руставелиевском пленуме правления Союза писателей СССР. «Заря Востока» № 299 от 29 декабря 1937 г.)

Бесо Джугашвили любил декламировать в кругу друзей и своей семьи отдельные строфы бессмертной поэмы Шота Руставели — «Витязь в тигровой шкуре».

(Записано со слов преподавателя Закавказской учительской семинарии Арчила Гвиниашвили.)

Афоризмы Руставели

Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор.
Что раздашь — твое, что скроешь — то потеряно навек.
Лучше имя возвеличить, чем копить добро в ларях.
Познаем друзей и близких в час, когда грозит беда.
Не дается тем победа, кто от клятвы отступил.
Тот не воин, кто к походу запоздал, скрывая дрожь.
И для каменного сердца есть алмазное копье.
Кто в беде покинул друга, сам узнает горечь бед.
Льву во всем подобен львенок, будь то самка иль самец.
Недруга опасней близкий, оказавшийся врагом.
Клевета для слуха то же, что полынь для языка.
Край, цветя друзьям на радость, жадный взор слепит врагам.

(Перевод Г. Цагарели, «Заря Востока» № 296 от 26 декабря 1937 г.)

8. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГОРИ

С 1876 года царским правительством в г. Гори было введено городское самоуправление. Казалось, что при наличии богатого купечества и значительных торговых оборотов город мог бы уделить больше внимания вопросам благоустройства. На самом деле город влачил жалкое существование. Бюджет городского самоуправления был постоянно дефицитным. Город был лишен элементарных условий благоустройства. Например, в 1910 году, во время холерной эпидемии, оказалось, что город имел лишь одну линейку для перевозки больных и одну палатку для их размещения. Город не имел на постоянной службе медицинского персонала.

Население города после утверждения царского самодержавия составляли военно-чиновнические слои, крупные помещики — князья и дворяне, богатые купцы-монополисты, которые держали в подчинении мелких торговцев, с другой стороны — бедняки-ремесленники, мелкие торговцы и разночинная интеллигенция, ощущавшие всю тяжесть национального и классового гнета господствующих групп.

Горийские помещики скоро нашли общий язык с царскими колонизаторами, продолжая попрежнему грабить, притеснять крестьянство. Свое-

волие помещиков, бесчинства царских чиновников, непомерно тяжелые повинности, вконец разорявшие крестьянство, вызывали беспрерывные крестьянские восстания в Горийском уезде, в особенности в Осетии, на протяжении почти всего XIX века.

(Г. Бухникашвили, Несколько справок. «Заря Востока» № 97 от 28 апреля 1937 г.)

В начале 80-х годов прошлого столетия в городе Гори отчетливо давали себя знать революционные настроения передовой части интеллигенции.

Необходимо отметить, что в то время ни один уездный город Грузии не был так богат интеллигентными силами, как Гори.

Здесь работали лучшие представители революционно-народнической партии. Местные народники были весьма активны и приобрели настолько сильное влияние, что даже уездная администрация вынуждена была прислушиваться к их голосу.

По инициативе группы народников, в Гори были организованы кружки культурной самодеятельности, неплохой кружок любителей театра и музыки, систематически устраивались публичные лекции и т. п.

Эта группа народников активное участие принимала также и в делах городского самоуправления. В частности, по ее инициативе городской управой было возбуждено перед правительством ходатайство об открытии в Гори реального училища с сельскохозяйственным отделением при нем. Царское правительство категорически отказало в этом ходатайстве.

В 1881 году в Гори вернулся из ссылки в далекий Оренбург известный тогда революционный деятель и социалист Мишо Кипиани. С приездом его, деятельность революционной группы горийской интеллигенции еще более оживилась. Заметно усилилась пропаганда революционных идей среди местной учащейся молодежи, особенно среди воспитанников учительской семинарии — будущих деревенских учителей.

С целью замаскировать свои собрания, свою деятельность под вывеской легального учреждения, народники, с разрешения начальства, основали «Общество изучения грузинской истории и литературы».

Далее, под прямым воздействием народников, местное дворянство возбудило ходатайство о введении в Грузии земских учреждений и суда присяжных. Для того времени это было смелым шагом, так как строго было запрещено всякое обсуждение вопроса о земстве и новых судебных установлениях.

Характерно, что, когда умер известный борец за итальянскую независимость Джузеппе Гарибальди, горийские народники коллективно отправили сочувственную телеграмму семье «борца за свободу» (так и было сказано в телеграмме). Это вызвало взрыв бешеного гнева грузинских властей.

Вот что пишет один из представителей поколения 80-х годов [1]:

«В то время был маленький город в Грузии, где происходили события, достойные серьезного внимания. Это был Гори, где обычно все расценивалось по высоте имущественного ценза и преданности царизму. Все так называемое «культурное общество» погрязало в луже «патриотизма»,

[1] По воспоминаниям С. Саларидзе. «Литературули Мемквидреоба», стр. 94—96 Тифлис, 1935 г.

мещанского стяжательства и самодовольства, — все, за исключением небольшой кучки людей, горячо преданных интересам широких народных масс. Люди эти оказывали сильное влияние на всю Грузию не только в годы нарастания общественного движения, но и в годы спада, ослабления его (начиная с 1893 г.).

В городе Гори работало в то время два кружка, имевших различное направление в своей деятельности. Один из них — военно-конспиративная организация, во главе с К. Пурцеладзе и лесничим Меленчуком. Другой, так называемый «кружок семинаристов», объединявший передовую часть грузинской интеллигенции того времени:

1) Кереселидзе, прозванный «энциклопедистом», 2) радикал-социалист Антон Пурцеладзе, теоретик кружка, 3) беллетрист Софроний Мгалоблишвили, кооператор, 4) Нико Хазанишвили, материалист, пропагандист женской эмансипации, 5) беллетрист Нико Ломоури, демократ, 6) Шио Давиташвили, горячий адепт трудовых ассоциаций, 7) Илико Мачавариани, бунтарь-террорист, 8) Ф. Голиев, атеист-коммунист, 9) помещик из села Хидистави Васо Мегвинет-Ухуцеси; на его квартире устраивались конспиративные собрания, 10) содержатель горийской типографии Арсен Каландадзе, печатавший прокламации группы, 11) священник Самадашвили, «грузинский аббат Дюшес» и 12) упомянутый выше — Мишо Кипиани, революционер-организатор.

Влияние этих землевольцев на учащуюся молодежь было так велико, что сохранилось на долгие годы... Мы, как сельские учителя, огромное, абсолютное значение придавали культурно-просветительной работе. Причиной нищеты народа считали его невежество, культурную отсталость, а причиной последней — частную собственность».

По словам автора воспоминаний, землевольцами устраивались в пещерном городе Уплис-цихе конспиративные собрания горийской молодежи, с участием сельских пропагандистов. Здесь обсуждались, например, такие вопросы, как: а) конфискация земель собственников-феодалов, б) основание крестьянского союза и подготовка крестьянских выступлений, в) борьба с капиталом, расхищающим природные богатства Грузии. Так продолжалось до ареста организатора революционной работы Мишо Кипиани в 1883 году (4 марта).

После того началась жестокая реакция. Тем не менее, революционные традиции все же сохранились среди горийских учащихся...

(Материалы Горийского краеведческого музея, фонд № 20.)

Библиотек, кроме школьной, в то время в Гори не было. Был клуб, где собирались и развлекались, как могли, князьки, дворяне и прочая местная знать. Настоящим же культурным центром была маленькая лавчонка Арсена Каландадзе. Здесь встречались все мыслящие, деятельные люди, которых судьба забрасывала в Гори. Здесь встречались Софроний Мгалоблишвили, писатель-народник, Тедо Разикашвили, поэт, здесь был гостем и Симон Гогличидзе, учитель духовного училища, и школьники, а потом семинаристы Ладо Кецховели и Сосо Джугашвили.

Арсен Каландадзе и сам был народником. Человек огромной энергии, он выбрал книжное дело не спроста, у него брали не только Пушкина и Тургенева, но и книги безыменных авторов; читать которые уж во всяком случае запрещалось училищным начальством; вместе с картина-

ми религиозного содержания, которые раскупали уездные попы, были у него и запрещенные в России книги, переведенные на грузинский язык.

У него брал книги и жадно глотал их Сосо Джугашвили.

(Б. Ивантер, На родине Сталина, стр. 24.)

Сосо никогда не был замкнутым, необщительным человеком.

Мы хорошо помним, что, будучи семинаристом и проводя каникулы в городе Гори (примерно до 1896 г.), Иосиф Виссарионович охотно принимал участие в общественных начинаниях молодежи — концертах, любительских спектаклях и т. п. В частности, весьма активно участвовал, например, в постановке ряда грузинских пьес — «Арц акет, арц икет» («Ни туда, ни сюда»), «Рацгинахавс, вегар нахав» («Что видел, не увидишь более») и других.

(Записано со слов А. М. Цихитатришвили и Д. Е. Гогохия.)

ЧАСТЬ II. В ТИФЛИСЕ

1. ТИФЛИС К 90-м ГОДАМ ПРОШЛОГО ВЕКА

Тифлис считается одним из древнейших городов на свете. Древностью он, как город, уступает известным городам Египта, Вавилонии, Ниневии, Персии, Финикии, Греции и Рима. Из городов Грузии он новее Мцхета и Кутаиса. Тифлис видел появление и исчезновение исторических народов: греков, римлян, арабов, монголов и византийцев. Он был поочередно под влиянием этих народов, оставивших свои следы в языке, нравах и учреждениях грузинского народа... Существование Тифлиса, прежде чем он сделался городом и резиденциею царей, теряется в мраке веков. Столицею Грузии он делается в исходе IV столетия н/э, до того же времени роль эта принадлежала Мцхету.

(Дмитрий Бакрадзе и Николай Берзенов, Тифлис в историческом и этнографическом отношениях, стр. 1–2. СПБ, 1870 г.)

Тифлис лежит под 41° 42′ северной широты и 62° 30′ восточной долготы, высота его над уровнем моря у Михайловского моста равняется 1 350 ф., между тем как нагорные улицы достигают до 1 600, а окружающие горы до 2 400 ф. Котловина, в которой расположен город, открыта только к северу, а с прочих сторон замкнута возвышенностями, которые расступаются только там, где входит в нее и из нее выходит р. Кура... На правой стороне Куры находятся: предместье Вера с садами виноградно-фруктовыми, Мтацминда, Гаретубани, Сололаки, Харпухи, и Орточала, также с садами; на левой: бывшая колония Тифлис, вошедшая уже в черту города, Новые Куки, Старые Куки, Чугереты, Авлабар и предместье Навтлуг, занятое учреждениями комиссариатского ведомства и военным госпиталем; население его состоит из офицерв, чиновников и нижних чинов военно-медицинского управления, которые, выстроив дома на отведенных им землях, получили таким образом постоянную оседлость.

(Дмитрий Бакрадзе и Николай Берзенов, Тифлис в историческом и этнографическом отношениях, стр. 129—131. СПБ, 1870 г.)

Это очень большой город, сравнительно с другими кавказскими городами, имеющий до двухсот тысяч жителей. Обыкновенно его называют полуевропейским, полуазиатским, и, действительно, он таков. Но справедливость требует сказать, что с каждым годом он все более и более принимает европейскую физиономию. Такие улицы, как Головинский проспект, Михайловская, Дворцовая и некоторые другие, примыкающие к ним, сделали бы честь своими зданиями, гостиницами, магазинами и проч. любому европейскому городу, но улицы окраин — узкие, извилистые, особенно базар,— вполне азиатские.

(В. Цветова, Спутник туриста по Кавказу, стр. 95. Москва, 1900 г.)

Армянский базар — небольшие улицы и состоит из двух параллельных рядов лавок (большая часть лавок в один ярус) с разными товарами, свежими и сушеными фруктами и припасами, здесь же идет ряд духанов, булочных, цирюлен, кофеен, мастерских скорняков, мастеров туземной одежды и обуви, оружейников, седельников, серебряков. Тут все открыто: на Востоке ремесленник не скрывает своего искусства. Шум, толкотня покупателей и разного народа, проходящий караван верблюдов, вереница ослов, навьюченных дровами или углем, перекинутыми по обе стороны корзинами с зеленью, огурцами и т. п., беспрерывное движение и пешком, и верхом, и в экипажах дополняют картину. За армянским базаром идет майдан — средоточие уже не мелочной, а обширной торговли хлебом, солью, живностью. Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний! — невольно воскликнешь с Пушкиным при взгляде на столпившиеся здесь разные народности.

(П. П. Надеждин, Кавказский край. Природа и люди, 2-е изд., стр. 318—319. Тула, 1895 г.)

В Тифлисе издается несколько газет на русском языке: «Кавказ», «Новое Обозрение», «Тифлисский Листок»; на грузинском языке: «Иверия», «Меурне» и «Джеджили»; на армянском языке: «Мшак», «Нор Дар», «Ахпюр», «Ардзаганк» и «Мурч». Кроме этого, на французском языке,— «Иллюстрированный Кавказ».

(В. С. Кривенко, Очерки Кавказа, стр. 116. СПБ, 1893 г.)

По фабричной деятельности Тифлис, между другими городами края, занимает первое место. В 1890 г. в нем числилось 111 фабрик и заводов с производством на 3 473 698 р. В Тифлисе, впрочем, не столько развита заводская и фабричная промышленность, сколько кустарная ремесленная. Тифлисские ремесленники организовали из себя корпорации, известные под именем амкарств.

(П. П. Надеждин, Кавказский край. Природа и люди, 2-е изд. стр. 324. Тула, 1895 г.)

«В первых числах ноября мы начали работать в районе Авлабара. Точно люди, потеряв всякую надежду на лучшую жизнь, собрались все вместе, чтобы вместе голодать и мыкать горе. Что ни хата — нищета, что ни халупа — страдание. Сыро, холодно и голодно в них...

Население здесь сплошь — рабочие. Плотники, каменщики, сапожники, кожевники и проч., громадное большинство которых сидят без

работы. Женщины заняты ручным трудом, шьют белье и плетут тесьму и галуны из мишуры для торговцев.

Заработная плата неимоверно низкая: за пару рубах получают 5 копеек, шаровары шьются по 3—4 копейки, за моток тесьмы в 45 аршин платят 30—40 копеек.»

(Газета «Тифлисский Листок» № 5 от 8 января 1911 г.)

Я жил в доме, который стоит над Курой, на высокой скале, и из окон моих виден весь Авлабар, раскинувшийся на противоположном берегу реки. Там ломаные линии домов, разделенные узкими, извилистыми и крутыми улицами, стоят чуть не на крышах друг у друга, поднимаясь от реки до вершины горы: и все они так хаотически скучены, так грязны и неуклюжи, что кажутся громоздким мусором, сброшенным с верха горы и при падении вниз, в страхе и без порядка прилипшим к ее каменным ребрам. Черепица их крыш, серый камень стен, деревянные пристройки, балконы и террасы, висящие в воздухе,— вся эта масса камня и дерева, громоздясь друг на друга, заставляет думать, что только землетрясение, могучий толчок подземных сил, мог придать жилищам людей вид такого хаоса.

А Кура, ревущая в узком каменном ложе между сдавивших ее скал, с пеной гнева бьется в берега, как бы грозя разрушить и смыть с них тяжелые и грязные здания,— Кура наполняет воздух сердитым ропотом и еще более усиливает оригинальность картины и странное впечатление, навеянное ею.

(А. М. Горький, Праздник шиитов. Газета «Нижегородский Листок» № 174 от 28 июня 1898 г.)

Муша[1]

В труде проходит жизнь его
И не приносит ничего.

В родимом Тбилиси, со Среднего рынка спеша,
В пылающий полдень тебя я увидел, муша.
Лежал у стены ты, под солнцем жестоким, на зное,
И тихий напев твой мне сердце наполнил тоскою.
В том грустном напеве мне слышалась мука твоя,
В нем повесть лишений звучала, тоски не тая...
Зачем и откуда ты в город пришел на задворки?
Сбежал от владельца, не вынес помещичьей порки,
Расстался с семьею, покинул лачугу и двор,
Родимое поле, и воды, и горный простор?
Иль в городе этом искал ты угла и работы,
И в сердце имелись на чью то подмогу расчеты?
И что потеряла, селенье покинув, душа?
И что ты в Тбилиси нашел, неудачник-муша?

(Илья Чавчавадзе, Стихи и поэмы. стр. 27—28. Изд-во «Заря Востока», Тбилиси, 1937 г. Цитируется 1-я глава произведения.)

Надо ли говорить о том, в каких условиях бесправия и угнетения жили и работали в Тбилиси такие выдающиеся деятели грузинской

[1] Муша—носильщик, чернорабочий.

культуры и искусства, как Илья Чавчавадзе, Церетели, Важа Пшавела, Гогебашвили, Васо Абашидзе, Ладо Алекси-Месхишвили и многие другие. Каких трудов стоило им донести до своего народа слова, будившие в сознании стремление к утверждению родной культуры, к осуществлению идей передовых людей того времени!

(Серго Клдиашвили, Тбилиси — сердце Грузии. Газета «Известия Советов деп. труд. СССР» № 135 от 12 июня 1938 г.)

Тбилиси особенно дорог каждому патриоту нашей родины.

Ведь на этих улицах, на заводах и фабриках, в гуще рабочей массы провел годы своей юности вождь Страны советов.

В Тифлисе великий Сталин создал первые большевистские организации в Грузии и Закавказье.

Из Тифлиса гремело по Грузии, по всему Закавказью сталинское слово, гремели призывы пламенных сталинских прокламаций, листовок, брошюр, газет, учивших трудящихся науке революции, звавших на беспощадный бой с самодержавием и капитализмом.

Каждый уголок Тбилиси хранит горячие воспоминания о неутомимой борьбе большевиков, о годах юности вождя...

(«Вечерний Тбилиси» от 31 декабря 1938 г.)

Конец прошлого и начало нынешнего века — самое знаменательное в истории города время. В эти годы, на заре революционного движения, молодой Сталин закладывал основы ленинско-искровских организаций в Грузии и на Кавказе, сплачивал рабочих на борьбу с самодержавием... Более чем 40 исторических мест в Тбилиси связано с годами возникновения революционного рабочего движения, с работой товарища Сталина.

В окрестностях Сололакской горы и Коджорского шоссе товарищ Сталин проводил нелегальные собрания социал-демократических рабочих кружков. В самом начале шоссе, под откосом, стоит двухэтажный маленький дом. Тридцать лет тому назад под руководством товарища Сталина здесь была создана подпольная большевистская типография и отпечатан «Тифлисский пролетарий».

На другой окраине, в противоположной части города, под небольшим домом в две комнаты было вырыто подземелье. Здесь находилась знаменитая Авлабарская подпольная типография. Она сейчас реставрирована. Недалеко отсюда проходила дорога на кладбище, где товарищ Сталин проводил собрания рабочих. Дальше, за городом, в районе Соленых озер, тифлисские рабочие в 1900 году провели первомайский праздник. Обступив тесными рядами красное знамя, они слушали вдохновенную, пламенную речь товарища Сталина.

На улице Кропоткина сохранился одноэтажный дом, в котором 11 ноября 1901 года собрались делегаты от социал-демократических рабочих кружков. Их собрал товарищ Сталин. В этот день здесь состоялась первая тифлисская конференция социал-демократической организации и был избран первый Тифлисский комитет РСДРП во главе с товарищем Сталиным.

На улице Мясникова вдоль берега Куры вытянулся длинный фабричный корпус. Не случайно, что недалеко от ткацкой фабрики, помещавшейся в этом здании, царское правительство расквартировало казаков.

Сорок лет тому назад здесь не раз прекращалась работа. Под руководством товарища Сталина рабочие предъявляли требования фабриканту, проводили забастовки.

На этой улице несколько старых предприятий: бывшая обувная фабрика Адельханова, основанная в 1875 году, бывший маслобойно-мыловаренный завод Толле, открытый несколькими годами позже, ткацкая фабрика Мирзоева. Их связывает история социал-демократических рабочих кружков, созданных в 1898—1901 годах товарищем Сталиным.

У новых и реконструированных корпусов шелкоткацкой фабрики воздвигнут обелиск с мемориальной доской. Он говорит о датах революционной работы товарища Сталина здесь, «на Вере, у креста», где находилась табачная фабрика Бозарджянца. Рабочие-табачники собирались в те годы в маленьком домике рабочего Литанова на Цавкисской улице под Сололакской горой. Другая табачная фабрика, где в конце девяностых годов товарищ Сталин руководил социал-демократическим кружком, находится на улице Челюскинцев, недалеко от вокзала.

Неподалеку, на нынешней улице Клары Цеткин, в квартире рабочего Вано Стуруа, товарищ Сталин проводил нелегальные собрания рабочих Главных железнодорожных мастерских и депо. Недалеко отсюда здание, в котором помещался парк тифлисской конки. В конце 1899 года здесь вспыхнула забастовка, которой руководили товарищ Сталин и Ладо Кецховели.

Старые рабочие хорошо помнят старую «Нахаловку» — рабочую окраину, где находились Главные железнодорожные мастерские и депо. В 1898 году товарищ Сталин организовал здесь пять социал-демократических кружков и проводил с ними занятия. Они хорошо помнят площадь в Надзаладеви, Лоткинскую и Магистральную улицы, дом, в котором жил рабочий-железнодорожник Закро Чодришвили. В его квартире в 1901 году товарищ Сталин проводил заседания Тифлисского комитета РСДРП.

Немало исторических мест имеется на нынешнем Плехановском проспекте. Здесь есть дома, где печатались «Дро», «Чвени цховреба» и другие большевистские газеты. В подвале, в мастерской Миха Чодришвили, товарищ Сталин проводил совещания Кавказского Союзного комитета РСДРП и Тифлисского бюро большевиков.

(«Тбилиси—столица Советской Грузии». Изд-во «Заря Востока», Тбилиси, 1939 г., стр. 6–8.)

2. В «КАМЕННОМ МЕШКЕ». ОТЦЫ-ИЕЗУИТЫ

«Великий Сталин — вождь ВКП(б) и мирового пролетариата жил и учился здесь, в бывшей духовной семинарии, с 1 сентября 1894 г. по 29 мая 1899 г., руководя нелегальными рабочими кружками гор. Тбилиси».

(Надпись на мраморной мемориальной доске, установленной на фасаде здания быв. Тифлисской духовной семинарии (ныне гостиница «Палас»), на площади имени тов. Берия.)

От площади (имени тов. Берия. — *Авт.*) расходятся семь улиц. В дни всенародной радости и ликования по ним проходят колонны трудящихся Тбилиси.

За маленьким сквером, прилегающим к площади, стоит большое белое здание. Оно имеет вековую историю[1].

В залах этого дома тифлисская буржуазия устраивала балы, духовенство — богослужения, семинарская молодежь — забастовку.

Подошла осень 1894 года.

Начались экзамены. В список новых воспитанников семинарии внесено имя Иосифа Джугашвили, окончившего Горийское училище первым учеником.

(Г. Глебов, Годы в семинарии. «Заря Востока» № 208 от 10 сентября 1938 г.)

Посреди широкой блестящей асфальтовой площади еще не так давно возвышался неуклюжий караван-сарай. Рядом — могучие деревья поныне существующего «Пушкинского сквера» и здание духовной семинарии.

Под сенью этих деревьев собиралась в минуты перерыва семинарская молодежь. В сквере раздавались звонкие молодые голоса, велись горячие споры...

(Г. Глебов, Исторические места. «Заря Востока» № 267 от 17 ноября 1936 г.)

Подрастающая молодежь Грузии в школах знакомилась, благодаря ей (русской народнической литературе. — *Авт.*), с революционным движением и вместе с тем и с социалистическими идеями. Следы влияния этих идей мы наблюдаем среди учащейся молодежи средних учебных заведений того времени. Так, например, общеизвестен следующий факт из жизни училищ: в этих учебных заведениях молодежь стала сознательной, основаны были товарищества и, при взаимной поддержке, молодежь приступила к самообразованию. Читали книги, беседовали, устраивали обмен мнений и т. д. Изголодавшаяся молодежь того времени жадно набросилась на богатую русскую литературу 60—70-х годов. Нельзя допустить, чтобы идеи литературы не нашли себе отклика в повседневной жизни молодежи. В результате, с 1874 года по 1878 год, в течение всего каких-нибудь четырех лет, только из Тифлисской семинарии исключено было 83 наилучших ученика, как неблагонадежных. Почти то же самое произошло и в других учебных заведениях.

Отныне в особенности Тифлисская духовная семинария стала гнездом всех недовольств, имевших место среди грузинской учащейся молодежи. Здесь учащиеся организовали тайные кружки с целью самообразования, читали нелегальную литературу, предъявляли администрации различного рода требования, протесты и т. д. В 1885 году один из исключенных учеников (С. Джибладзе) избил ректора семинарии. В 1886 году тот же ректор (Чудецкий. — *Авт.*) был убит исключенным из семинарии учеником (Лагиашвили).

В 1890 году, в марте, учащиеся Тифлисской семинарии устраивают первую большую забастовку, протянувшуюся почти неделю.

В конце 1893 года имела место вторая забастовка семинаристов.

(Ф. Махарадзе, Очерки революционного движения в Закавказье, стр. 57—58. Госиздат Грузии, 1927 г.)

---

[1] Духовная семинария основана в Тифлисе в 1817 г.

Окончив духовное училище в Гори, Кецховели в сентябре 1891 года поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Проявляя отличные успехи по всем предметам, он с особенным усердием изучает историю и литературу. Вскоре он вступил в семинарский кружок, которым руководил известный грузинский писатель Э. Ниношвили.

По своему характеру кружок был литературно-просветительским — в нем изучались произведения Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Герцена, Писарева, Казбеги, Бараташвили и др. Свирепствовавший в семинарии иезуитский режим вынуждал занятия этого кружка проводить конспиративно. За семинаристами велась слежка.

30 ноября 1893 года молодой Ладо Кецховели организовал на окраине Тифлиса, в Сабуртало, первое собрание учащихся, где было решено объявить забастовку в знак протеста против режима в семинарии. 1 декабря 1893 года забастовка началась и продолжалась четыре дня. Учащиеся предъявили экзарху Грузии свои требования, главными пунктами которых были: прекращение слежки за семинаристами, удаление из семинарии надзирателей Иванова и Покровского, учителя Булгакова— самодура и человеконенавистника — и учреждение кафедры грузинского языка, который царские чиновники объявляли «собачьим языком», жестоко преследуя говорящих на родном языке семинаристов.

Растерявшееся начальство, будучи не в силах ликвидировать забастовку, закрыло семинарию на один месяц.

Начальник Тифлисского губернского жандармского управления Янковский послал в Петербург тревожную телеграмму:

«Петербург. Командиру корпуса жандармов.

Большинство воспитанников православной семинарии, потребовав удаления некоторых наставников и учреждения кафедры грузинской литературы, прекратили занятия, увещания остались без результата. По телеграмме экзарха, распоряжением Синода воспитанники распускаются до 8 января».

За роспуском учащихся последовали репрессии: 87 учеников были исключены из семинарии с «волчьим билетом». Двадцати трем исключенным, в том числе Ладо Кецховели — организатору забастовки, было запрещено проживание в Тифлисе.

(Л. Берия, Ладо Кецховели. «Правда» № 189 от 11 июля 1937 г.)

У нас причиною всего зла ректора-монахи... Или деспот, или дурак, или капризный эгоист, имеющий в виду только себя, свое положение. Нечего отворачивать глаза от этих причин.

(Профессор Моск. дух. академии П. С. Казанский. Журнал «Богослов. вестник», сентябрь 1903 г., стр. 58.)

Нельзя сказать, чтобы бывшие в эти годы в Грузинской семинарии ректора-монахи были дураками (хотя были и большие прорехи в их деятельности), но зато — святая правда! — они были «деспотами, капризными эгоистами, имевшими в виду только себя, свое положение». Они жаждали епископской митры[1] до безумия. Они желали хотя по

[1] Митра — головной убор епископа во время богослужения.

крови и трупам безвинных жертв, взойти на епископские кафедры... И взошли. Но чад, смрад и смерть распространяются вокруг от их епископских, преступно достигнутых ими, светильников [1].

Не воспитание, не любовь, а развращение, ненависть и громадное горе внесли они с собой в стены Грузинской семинарии... Достаточно сказать, что до 1900 года в Грузинской семинарии было более 300 воспитанников... Кончало курс всех (грузин и других) до 50 человек. С 1901 же года Грузинская семинария стала очень и очень быстро таять: без всякого бунта, без всякой вины ректора-монахи исключали массами грузин-воспитанников нещадно. Причина же исключения лежала в страшном честолюбии этих монахов, в желании карьеры и в их пагубном жестоком убеждении: «меньше воспитанников, меньше забот и волнений, меньше каких-либо случайностей, меньше инцидентов, скорее — епископское величие»...

В результате... в два с половиной года исключены две трети грузин-семинаристов (бунта, повторяю, не было, значит, и оправдания какого-либо для монахов-ректоров тоже не было); в 1903 году окончило курс только 11 грузин. В 1905 году Грузинская семинария только по назначению оставалась «Грузинскою». Грузин в ней нет. Да и учеников всего-навсего во всех 6-ти классах было 40 человек. И это 40 человек в семинарии — на 4 губернии и 5-ю область! Больно и горько!

Беспощадно и безвинно исключая грузин, эти монахи-ректора принимали в семинарию изгнанных из разных семинарий разных русских проходимцев, например, проворовавшихся, делавших подлоги, пьяниц, развратников...

Для чего их принимали? — а для того, чтобы через оказание милости им, незаконным приемом приобрести в них «своего человека», т. е., иными словами, приобрести в них шпионов, ябедников, а иногда и клеветников; через это ученики будут разделены, а разделенными легче управлять».

(Из воспоминаний русского учителя Грузинской православной духовной семинарии в Тифлисе. Москва, 1907 г. Типогр. «Русская печатня» стр. 4 - 5.)

Осенью 1894 года Иосиф Джугашвили блестяще сдал приемные экзамены в Тифлисскую духовную семинарию и был принят в пансион при ней.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Список казеннокоштных учеников Тифлисской дух. семинарии в первой половине 1894/95 учебного года.

А. На счет Грузинского церк. казначейства:

1) Полные пансионеры: VI-го класса: 1) Ефимов Симон (и другие, всего 40 чел. — *Авт.)*

2) Полупансионеры: 1 класса: Андриевский Иван, Мхатвришвили Ясон, Николишвили Николай, Касрадзе Антон, Джугашвили Иосиф (и другие, всего 18 чел. — *Авт.*)

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 1 от 1 января 1895 г., стр. 10.)

---

[1] Разумеются так называемые трикирии и дикирии, двойные и тройные свечи епископа.

После поступления в семинарию товарищ Сосо заметно изменился. Он стал задумчив, детские игры перестали его интересовать.

В 1894 году Сосо первый раз приехал в Гори из Тифлиса в конце октября (21—22 были праздничные дни, и семинаристов из ближайших к Тифлису мест отпустили на два дня домой). Хорошо помню, что вскоре же после приезда я встретил его в кондитерской Алимбарашвили. Когда я вошел в кондитерскую, он рассказывал Сико Алимбарашвили о семинарском режиме, о лицемерии и гнусном образе жизни монахов и т. д.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Фасад здания духовной семинарии выглядел с улицы так же, как и теперь, за тем исключением, что на балконе, выходящем на Пушкинский сквер, висели в то время колокола (были подвешены на железной штанге).

К зданию примыкал большой двор с несколькими акациями и скамьями около них. У стены были сложены большие поленницы дров. В глубине двора помещалась начальная школа для приходящих детей. Здесь воспитанники 5-го и 6-го классов давали детям пробные уроки.

Главный вход в семинарию — со стороны Пушкинского сквера. При входе в первый этаж налево помещались инспектор и надзиратели, направо — канцелярия; прямо против входа — больница. В подвальном помещении были расположены гардероб и столовая с кухней при ней.

Во втором этаже: посредине — домовая церковь семинарии, а по сторонам ее (окнами на улицу) классы, учительская и квартира ректора; в квартире была устроена секретная дверь, через которую ректор незаметно мог наблюдать за поведением учеников в церкви.

В третьем этаже помещались спальные комнаты и библиотека.

(Записано со слов Г. И. Елисабедашвили и З. А. Давиташвили.)

Осенью того же 1894 года мы приехали в Тифлис—впервые в нашей жизни очутились в большом городе.

Нас ввели в четырехэтажный дом [1], в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по 20—30 человек. Это здание и было Тифлисской духовной семинарией.

Жизнь в духовной семинарии протекала однообразно и монотонно. Вставали мы в 7 часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс. Дежурный ученик читал молитву «царю небесному», и занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа — обед, в пять часов вечера — перекличка, после которой выходить на улицу строго запрещалось.

Мы чувствовали себя как бы в каменном мешке. Нас снова водили на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам,— готовить уроки, а в десять часов — по койкам спать.

Ученики не имели права обсуждать свои нужды и запросы.

Все, что преподавалось, якобы означало непреложную истину. Горе любопытному и любознательному! Сомнениям не должно было быть места. Критическое суждение о том или ином явлении природы, о страницах священного писания считалось кощунством.

[1] Очевидно, автор включает в счет этажей и подвальное помещение.

Инспектор Абашидзе строго и придирчиво следил за пансионерами, за их образом мыслей, времяпрепровождением и, кроме того, позволял себе производить обыски. Обыскивали нас и наши личные ящики.

(Д. Гогохия, На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 41—42.)

После Горийского училища я снова встретился с Иосифом Джугашвили в стенах Тифлисской духовной семинарии. Тяжелый был режим в этом училище. Нельзя было почитать газету, пойти в театр. После пяти часов вечера запрещалось выходить на улицу. Бесконечные моления: перед уроком, перед завтраком, перед обедом, перед сном. По субботам и воскресеньям — долгие, томительные обедни. Надоедали нам здорово.

За учащимися была установлена слежка преподавателей. Меры взыскания по отношению к учащимся выражались в грубых выговорах, карцере (темная комната), в двойках по поведению и, наконец, в исключении из семинарии.

(Г. Глурджидзе, Памятные годы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 29—30.)

Режим семинарии был совершенно невыносим для молодежи. Безудержно царил во всем руссификаторский дух. Во главе семинарии стояли монахи, преподаватели держали себя по-чиновничьи. Грузинский язык жестоко преследовался. Читать газеты было запрещено. Посещение театра считалось смертельным грехом. Ко всему этому в семинарии широко процветал шпионаж, любовно взращиваемый ректором и инспектором. По ночам администрация тщательно обыскивала столы и личные шкафы учащихся в поисках «запрещенных» книг. А таких книг у нас было немало. Попадали к нам и книги революционного содержания, издаваемые за границей. Но эти книги хранились так умело, что ни разу не попали в руки инспекции. Получали мы их через Сосо Джугашвили.

(По воспоминаниям Вано Кецховели. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Ректором семинарии был монах Серафим[1], инспектором — известный впоследствии черносотенец — монах Гермоген[2].

Все их усилия были направлены к тому, чтобы создать в семинарии монархические порядки и суровый монастырский режим.

(По воспоминаниям Симона Натрошвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Наши воспитатели смотрели на нас, как на зверей. Удивляешься иногда, как мы смогли пройти сквозь строй этих издевательств и страданий. Еще и сейчас, проходя мимо здания семинарии, чувствую какой-то трепет, и дрожь невольно пробегает по спине...

(По воспоминаниям П. Талаквадзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Будучи в семинарии, он (И. В. Сталин. — *Авт.*) часто носил с собой нелегальную литературу. Инспектор семинарии монах Димитрий хотел

---

[1] В 1897 г. назначен епископом. Место его занял инспектор Гермоген.

[2] В 1897 г. ректор семинарии, а впоследствии — епископ, друг и приятель известного черносотенца-монаха и авантюриста Иллиодора. В должности инспектора семинарии был заменен в 1898 г. монахом Димитрием Абашидзе.

во что бы то ни стало поймать на этом Сталина. Но товарищ Сталин так умело берег литературу, что монаху Димитрию долгое время это никак не удавалось. Однажды он все же подкрался к Сосо, когда тот читал нелегальную книгу. Он ловко выхватил ее у Сосо, но Сосо моментально вырвал ее обратно.

Монах Димитрий возмутился:

— Ты разве не видишь, с кем имеешь дело?

Сосо протер глаза, пристально посмотрел на него и ответил:

— Вижу перед собой черное пятно и больше ничего!

(Г. И. Елисабедашвили, Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 91.)

3. НЕЛЕГАЛЬНЫЕ КРУЖКИ В СЕМИНАРИИ

В Тифлисской духовной семинарии издавна существовали кружки самообразования учащихся.

Во второй половине 90-х годов в кружках возникли разногласия по вопросу о программе занятий. Одни из учащихся (С. Девдариани и др.) стояли за академический характер кружков, ограничивая свою программу лишь общеобразовательными предметами.

Против последних повел решительную борьбу товарищ И. Джугашвили, требуя внесения в программу кружков политической экономики, социологии и ряда других дисциплин, строго запрещенных для семинаристов.

В этой борьбе академисты были разбиты товарищем Сталиным, и в 1896 году в Тифлисе организованы были подпольные марксистские кружки из воспитанников Тифлисской духовной семинарии.

Библиотека кружка, составленная по спискам товарища Сталина, насчитывала сотни авторов по всем важнейшим отраслям знания. Кружки собирались за городом (Сололаки, Давыдовская гора и т. д.).

(По экспонату Музея Революции г. Тбилиси.)

В Тифлисской семинарии жизнь протекала в совершенно иных условиях, чем в Гори. Жили мы в здании семинарии, на пансионе. Нас было около 600 учеников, приехавших из разных уголков Грузии. В этот период характер товарища Сосо совершенно изменился: прошла любовь к играм и забавам детства. Он стал задумчивым и, казалось, замкнутым. Отказывался от игр, но зато не расставался с книгами и, найдя какой-нибудь уголок, усердно читал. Какие это были книги? Конечно, не те, которые лежали на полках нашей библиотеки. Он доставал их вне семинарии. Книги разного содержания — по экономическим и историческим вопросам, по естествознанию. Часами просиживал над книгой юный Сталин, прижав руки к вискам.

(Вано Кецховели, На заре создания партии рабочего класса. «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 г.)

Семинарская атмосфера тяготила Иосифа Джугашвили. Он сразу понял, что преподаваемые в семинарии предметы не могут удовлетворить человека развитого.

Он жаждал знать основы всего происходящего в мире, доискивался

до первопричины, добивался ясного понимания вопросов, на которые семинарский курс не давал ответа.

Иосиф перестал уделять внимание урокам, учился на тройки — лишь бы сдать экзамены. Он не терял времени и энергии на усвоение легенд из священного писания и уже с первого класса начал интересоваться светской литературой, общественно-экономическими вопросами. В этом ему помогали ученики старших классов. Узнав о способном и любознательном Иосифе Джугашвили, стали беседовать с ним и снабжать его журналами и книгами.

За год Иосиф настолько политически развился, вырос, что уже со второго класса стал руководить группой товарищей по семинарии.

(Д. Гогохия, На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 42.)

Иосиф увлекался чтением «посторонних» книг. Вокруг него собирались товарищи. Чтобы лучше разобраться в интересовавших нас вопросах, мы читали «Историю культуры» Липперта, «Войну и мир», «Хозяин и работник», «Крейцерову сонату» — Льва Толстого, а также Писарева, Достоевского, Шекспира, Шиллера и др.

Иногда мы читали в церкви, во время службы, притаившись в рядах. Мы прочитывали книги, конечно, с большой осторожностью, чтобы не попасться на глаза надзирателям.

Книга была неразлучным другом Иосифа, и он с нею не расставался даже во время еды.

Обычно Иосиф отвечал на вопросы не торопясь. Если у него был готов ответ всесторонне обоснованный, он отвечал, если же нет — он оттягивал ответ на более или менее короткий срок.

Из предметов, проходившихся в то время, Иосиф любил гражданскую историю и логику. По этим предметам у него всегда были пятерки. По остальным предметам он готовился в конце года, к экзаменам.

(Г. Глурджидзе, Памятные годы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 30—33.)

Разрядный список учеников Тифлисской духовной семинарии, составленный правлением семинарии в конце 1894/95 учебного года.

1 класс, 1-е отделение.

Переводятся во II класс: 1) Новиков Александр, Феохари Константин, Семенов Михаил, Сахтаров Харлампий, 5) Антоненко Иван, Ткешелашвили Константин, Шубладзе Илья, Джугашвили Иосиф, Цагарели Константин (и другие. — *Авт.*).

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля 1895 г., стр. 10.)

Разрядный список воспитанников Тифлисской духовной семинарии, составленный по окончании 1895/96 учебного года.

II класс, 1-е отделение.

Переводятся в III класс: разряд первый: 1) Новиков Александр, Шубладзе Илья, Семенов Михаил, Кубалов Иван, Джугашвили Иосиф (и другие. — *Авт.*).

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля 1896 г., стр. 13.)

Пятнадцатилетний Сталин внимательно присматривался к семинарским порядкам, к новым товарищам. Тогда же он начал посещать нелегальный социал-демократический кружок.

«В революционное движение,— говорит товарищ Сталин,— я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе».

Одной из первых книг, прочитанных в 1894 году, был «Капитал» Маркса.

Юный Иосиф Джугашвили увлекался также научной и художественной литературой и написал несколько стихотворений, которые тогда же были напечатаны в газетах. Стихотворение, посвященное Р. Эристави, перепечатано в 1899 году в юбилейном сборнике Р. Эристави, а стихотворение «Утро» вошло в изданный в 1916 году учебник родного языка «Деда эна».

(Г. Глебов, Годы в семинарии. «Заря Востока» № 208 от 10 сентября 1938 г.)

Товарищ Сталин любил художественную литературу, читал Салтыкова-Щедрина—«Господа Головлевы», Гоголя — «Мертвые души», Эркмана-Шатриана — «История одного крестьянина», роман Теккерея «Базар житейской суеты» в двух томах и много других книг. С детства Сталин хорошо знал грузинских писателей, любил Руставели, Илью Чавчавадзе, Важа Пшавела. Увлекаясь литературой, товарищ Сталин, в период учебы в Тифлисской семинарии, написал несколько стихотворений, которые очень понравились Илье Чавчавадзе, — достаточно отметить, что они помещались в газете[1], которую редактировал Чавчавадзе, на первой странице, на видном месте.

(Г. Паркадзе, Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 г.)

В июне — декабре 1895 года на страницах «Иверии» за подписью И. Дж-швили (И. Джугашвили), а затем — Сосело (уменьшительное от имени Иосиф), было напечатано пять стихотворений товарища Сталина. Из них одно является посвящением писателю Рафаэлу Эристави, другое называется — «Луне», а остальные не озаглавлены.

Шестое стихотворение «Старец Ниника» было напечатано в газете «Квали» в июле 1896 года.

Все эти стихотворения написаны с большим литературным вкусом, народным языком, восхищают своей музыкальностью и образностью. Они выражали оптимизм порабощенного грузинского народа, веру в грядущую свободу.

...И этою надеждою томимый,
Я радуюсь душой и сердце бьется с силой.
Ужель надежда эта исполнима,
Что мне в тот миг, прекрасная, явилась?

(Перевод с грузинского.)

[1] Ежедневная газета «Иверия» (на груз. яз.) №№ 123, 203, 218, 234, 280 за 1895 г. и «Квали» № 32 за 1896 г.)

В другом стихотворении молодой Сталин писал:

И знай, — кто пал, как прах, на землю,
Кто был когда-то угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен.
(Перевод с грузинского.)

Стихотворения молодого Сталина обратили на себя внимание. В 1901 году грузинский общественный деятель М. Келенджеридзе, составивший пособие по теории словесности, поместил в книге среди лучших образцов грузинской классической литературы стихотворение за подписью — Сосело.

В 1907 году тот же М. Келенджеридзе составил и издал «Грузинскую хрестоматию или сборник лучших образцов грузинской словесности» (т. I), в которой на 43-й странице помещено стихотворение Иосифа Сталина, посвященное Р. Эристави.

(Н. Николайшвили, Стихи юного Сталина. «Заря Востока» № 292 от 21 декабря 1939 г.).

Современная наша молодежь вряд ли может представить себе все те трудности, какие надо было преодолевать тогда, чтобы не только получать книги, но и прочитывать их. У товарища Сталина, например, был отобран, или, как говорится в донесении помощника инспектора, «конфискован» роман Виктора Гюго «Труженики моря». Такая же участь постигла другую книгу Гюго — «93 год».

Литературу мы доставали в общедоступной библиотеке на Кирочной улице. Библиотеку эту посещали учителя, интеллигенция. В начале 90-х годов ею пользовался А. М. Горький. Она преследовала просвещенческие цели, и никто не подозревал, какое большое политическое содержание извлекалось нами из самых обычных книг.

Товарищ Сталин объяснял нам, как надо добираться до основного содержания той или иной книги, как обходиться журнальными статьями, рецензиями и даже заметками в тех случаях, когда по какому-либо вопросу нельзя было найти достаточно литературы. Это приучало к конспектированию, к составлению выписок. Намечая литературу, Сталин подбирал для нас популярную, затем более сложную и подробно объяснял, если кто-либо из товарищей не понимал прочитанного.

Однажды я принес химию Менделеева. Как сейчас помню эту книгу. Ею тогда живо заинтересовался Сталин.

(Г. Паркадзе, Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 г.)

Он изучал геологию, затем взялся за химию. Он стал читать Маркса.

(П. Капанадзе, Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 23.)

Товарищ Сталин увлекался исторической литературой, и мы даже удивлялись — откуда он ее достает. Запомнились книги по истории Великой французской революции, революции 1848 года, Парижской Коммуны, истории России.

Первый том «Капитала» Маркса Сталин и его товарищи изучали в конце 90-х годов по рукописи, переписав единственный оказавшийся в библиотеке экземпляр первого русского издания 1872 года.

(Г. Паркадзе, Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 г.)

Во дворе семинарии было сложено несколько саженей дров. Между стеной, со стороны теперешней улицы Кецховели, и дровами оставлено было довольно широкое укрытое место, угол. В этом углу часто сидели Сосо, Миша Давиташвили, Арчил Долидзе и другие и спорили по интересовавшим их вопросам. Часто сидел здесь один Сосо и читал книгу.

(По воспоминаниям Симона Натрошвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Книги были главным, что молодежь старалась уберечь от взоров инспектора Гермогена.

Литературу проносили пряча под рубахой. Толстые книги раздирали на отдельные листы и закладывали в учебники священного писания, в тетради. По листам книга переходила от одного к другому. Нелегальные брошюры прятали за планками карнизов, в дровах во дворе.

(Г. Глебов, Годы в семинарии. «Заря Востока» № 208 от 10 сентября 1938 г.)

«Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из «Дешевой Библиотеки», книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго «Труженики моря», где нашел и названный лист».

«Пом. инсп. С. Мураховский. Инспектор Семинарии Иеромонах Гермоген».

«Наказать продолжительным карцером — мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — «93 г.» В. Гюго».

(Запись (в ноябре 1896 г.) в кондуитном журнале Тифлисской дух. семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина.)

«В 11 ч. в. мною отобрана у Джугашвили Иосифа книга «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «Дешевой Библиотеки»; в книге оказался и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «Дешевой Библиотеки» названный ученик замечается уже в 13-й раз. Книга представлена мною о. Инспектору. Пом. Инспектора С. Мураховский».

«По распоряжению о. Ректора, — продолжительный карцер и строгое предупреждение».

(Запись (в марте 1897 г.) в кондуитном журнале Тифлисской дух. семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Центр. музея им. В. И. Ленина.)

За год Иосиф настолько политически развился, что уже со второго класса стал руководить группой товарищей по семинарии.

Сталин самостоятельно составил план работы кружка и проводил с ним беседы.

(Д. Гогохия, На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 42—43.)

Товарищ Сосо организовал отдельный ученический кружок, в который входили М. Давиташвили, Арчил Долидзе и другие.

До поступления товарища Сосо в семинарию среди нас большой популярностью пользовался Сеид Девдариани. Однако после того, как Сосо стал резко выступать против «академизма» Сеида, большинство кружковцев сплотилось вокруг товарища Сосо. Лично на меня большое впечатление произвел рассказ Арчила Долидзе о дискуссии между Сосо Джугашвили и Сеидом Девдариани (я не присутствовал на этой дискуссии). Арчил Долидзе был восхищен выступлением Сосо, с восторгом рассказывал мне, как он полностью разбил все доводы Девдариани и доказал полное его невежество.

Так долго державшийся авторитет Девдариани был развеян в прах.

(По воспоминаниям П. Талаквадзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Первое время Сеиду Девдариани нравилась активность Сосо, но когда последний собрал вокруг себя лучших людей и придал занятиям кружка революционное направление, Сеид стал косо смотреть на деятельность Сосо. Вскоре произошло решительное столкновение между двумя вожаками передовой молодежи.

Сосо решительно забраковал программу занятий и деятельность кружка Девдариани. Он назвал ее либеральной, не революционной и потребовал внести в нее такие элементы, которые более смело и определенно поставили бы кружковцев на революционный путь. Сосо считал, что в кружке должны воспитаться сознательные борцы-революционеры, стойкие марксисты.

(По воспоминаниям Симона Натрошвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Товарищу Сталину было 17 лет, когда он в 1896 году создал в семинарии первый марксистский нелегальный кружок и выступал пропагандистом марксизма. Позже подобрался второй кружок. Я входил в первый, называвшийся «старшим».

(Г. Паркадзе, Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 г.)

Товарищ Сталин в 1896—1897 гг. в Тифлисской духовной семинарии руководил двумя революционно-марксистскими кружками учащихся-семинаристов.

В первый революционно-марксистский кружок, так называемый «старший», входили семинаристы Тифлисской духовной семинарии: Давиташвили (Давидов) Миша, Долидзе Арчил (Ростом), Паркадзе Гуца, Глурджидзе Григорий, Натрошвили Симон, Размадзе Гиго, Ахметелов Ладо, Иремашвили Иосиф.

Во второй кружок, так называемый «младший», входили: Елисабедашвили Георгий, Сванидзе Александр, Гургенидзе Дмитрий, Сулиашвили Датико, Бердзенишвили Васо, Кецховели Вано, Ониашвили Д. и др.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 14. Партиздат, 1937 г.)

Существование наших кружков не осталось незамеченным. Среди семинаристов были шпионы, и администрация знала, кто из нас чем зани-

мается. Начались репрессии, и жизнь в семинарии стала еще более невыносимой.

(Вано Кецховели, На заре создания партии рабочего класса. «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 г.)

По предложению Иосифа была снята комната за пять рублей в месяц под Давидовской горой. Там мы нелегально собирались один, иногда два раза в неделю, в послеобеденные часы, — до переклички.

Иосиф жил в пансионе, и денег у него не было, мы же получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы. Из этих средств платили за комнату.

Члены кружка были отобраны самим Сталиным по надежности и конспираторским способностям каждого.

Среди семинаристов были доносчики, которые сообщали инспектору Абашидзе о настроениях и занятиях учеников и, в особенности, Иосифа Джугашвили.

В кружке Иосиф читал нам произведения ИгнатияНиношвили, разъяснял теорию Дарвина о происхождении человека, а к концу года мы перешли к чтению политической экономии и отрывков из книг Маркса и Энгельса.

Мы следили также за сообщениями и дискуссиями на страницах газеты «Квали» [1]. Задавали Иосифу вопросы, и он разъяснял нам все просто, ясно, четко.

Сталин не ограничивался устной пропагандой идей Маркса — Энгельса. Он создал и редактировал рукописный ученический журнал на грузинском языке, в котором освещал все спорные вопросы, обсуждавшиеся в кружке и на страницах «Квали».

Наш семинарский журнал представлял собою тетрадь страниц в тридцать. Журнал выходил два раза в месяц и передавался из рук в руки.

В этот период Иосиф был всецело поглощен политической литературой, но на покупку книг у него не было денег. И вот на помощь опять приходит его великолепная память. Он ходил к букинистам, останавливал взгляд свой на интересующей его книге, раскрывал ее, и, пока букинист возился с покупателями, вычитывал и запоминал нужные ему места.

Революционное настроение среди семинаристов росло и крепло. Рукописный журнал, печатная политическая литература и «Квали» заполняли карманы членов кружка.

(Д. Гогохия, На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 43—47.)

---

[1] «Квали» («Борозда»)—еженедельная газета на грузинском языке, орган либерально-националистического направления.

В период 1893—1897 гг. газета издавалась под редакцией Г. Церетели. В конце 1897 г. приобретена группой большинства «Месаме-даси» (Н. Жордания и др.) и с этого времени стала рупором легального марксизма. После появления внутри РСДРП фракций большевиков и меньшевиков газета «Квали» стала органом грузинских меньшевиков. Закрыта царским правительством в 1904 г.

Некоторые вспоминают теперь, как увлекательно и просто объяснял им молодой Сталин вопросы марксизма, политической экономии, общественного развития, как часто он приводил примеры из произведений классической литературы, примеры из политической жизни различных времен и народов. Их поражала его начитанность, увлекала большая сила убеждения.

(Г. Глебов, Годы в семинарии. «Заря Востока» №208 от 10 сентября 1938 г.)

Осенью 1897 г. в Тифлис приехал нелегально, скрывшись из-под надзора полиции, Ладо Кецховели. Семинарские воспитанники помнили Ладо по 1893 году, когда под его руководством была проведена забастовка.

Ладо Кецховели был ближайшим другом товарища Сталина. У него на квартире протекали долгие беседы по вопросам рабочего движения, говорили о Ленине, Плеханове.

Через Ладо Кецховели и русских марксистов, проживавших в те годы в Закавказье, товарищ Сталин доставал нелегальную марксистскую литературу. Он искусно соблюдал конспирацию, и только в 1899 году церковники убедились, что Сталин ведет революционную пропаганду среди семинаристов и тифлисских рабочих.

(Г. Паркадзе, Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 г.)

Это было в 1898 году. Однажды утром, после чая, я вышел из семинарии в Пушкинский сквер. Здесь я увидел Сталина, окруженного группой товарищей. Он горячо дискутировал с ними, критиковал взгляды Жордания. Это всех захватило.

И здесь, в саду, мы впервые услышали о Ленине.

Раздался звонок, мы стали расходиться, спеша на урок. Я подошел к Иосифу, пораженный его резкой критикой взглядов Жордания. Иосиф сообщил мне, что читал статьи Тулина (Ленина), которые ему очень понравились.

— Я во что бы то ни стало должен увидеть его, — сказал он мне тогда.

Эти слова, произнесенные в 1898 году, я напомнил товарищу Сталину при встрече с ним в 1926 году, и он вспомнил этот эпизод.

(П. Капанадзе, Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 23—24.)

4. В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РАБОЧИХ КРУЖКАХ

Руководя сначала двумя семинарскими марксистскими кружками, молодой Сталин в 1898 году начинает руководить нелегальными социал-демократическими кружками Тифлиса.

(Г. Глебов, Годы в семинарии. «Заря Востока» № 208 от 10 сентября 1938 г.)

В сентябре 1897 года Ладо (Кецховели. — *Авт.*) скрылся из-под надзора полиции и переехал в Тифлис, где вступил в «Месаме-даси»[1].

«Месаме-даси» была первой грузинской социал-демократической организацией. В период 1893—1898 гг. она проводила легальную проповедь экономического учения марксизма и играла известную положительную роль в деле распространения идей социал-демократии в Грузии и Закавказье.

В 1898 году в эту группу вступил товарищ Сталин. Со вступлением в «Месаме-даси» товарища Сталина по его инициативе и под его руководством зародилось и оформилось революционно-марксистское крыло грузинских социал-демократов.

(Л. Берия, Ладо Кецховели. В сборнике «Ладо Кецховели», стр. 8. Партиздат, 1938 г.)

О товарище Сталине я узнал впервые в 1898 г. в Тифлисе, где в то время я работал слесарем в токарном цехе железнодорожных мастерских. Здесь я услышал о товарище Сталине, как о молодом социалисте-грузине, желающем вести пропагандистскую работу в кружках рабочей молодежи. По этому случаю нашей партийной железнодорожной организацией был сформирован кружок из учеников-слесарей и других рабочих токарного цеха. В кружок входили, как мне помнится, следующие товарищи: Георгий Телия (ныне покойный), Прокофий Долидзе, Георгий Лелашвили и другие. Все они были очень довольны своим молодым пропагандистом, который, ведя с ними на популярном и понятном для них языке беседы о значении организации рабочих кружков и стачечной борьбы, терпеливо разъяснял все трудные вопросы.

Однажды во время общей беседы с кружковцами молодой пропагандист весьма нелестно отозвался о Ное Жордания, раскритиковал жестоко его политические убеждения. Молодежь встревожилась. Никто в то время еще не позволял себе вслух высказывать такое резко отрицательное мнение о лидерах с.-д. Грузии. На другой день один из кружковцев, Георгий Лелашвили, сообщил о беседе товарища Сталина организатору кружка. Тот передал об этом случае лицу, рекомендовавшему молодого пропагандиста. Постепенно кружковцы свыклись с резкими критическими выступлениями пропагандиста против того или иного лидера местной грузинской с.-д. организации. Впоследствии все члены кружка оказались достойными учениками, преданными последователями своего молодого учителя.

(С. Аллилуев, Встречи с товарищем Сталиным. Журнал «Пролетарская революция» № 8 за 1937 г., стр. 154.)

В начале 1898 г. товарищ Сталин тесно связался с передовыми рабочими, организаторами кружков, — М. Бочоридзе, З. Чодришвили,

---

[1] «Месаме-даси» в переводе с грузинского языка означает «Третья группа». Это была первая социал-демократическая организация в Грузии (1893 г.). Название «Месаме-даси» было дано ей писателем Г. Церетели. Он считал, что новое поколение—марксистская молодежь—является продолжателем дела двух предыдущих политических направлений грузинской интеллигенции второй половины XIX столетия: феодально-прогрессивного, во главе с писателем И. Чавчавадзе, и буржуазно-прогрессивного, во главе с самим Г. Церетели, и, по его мнению, новое течение должно явиться политическим преемником буржуазно-либерального направления.

В. Стуруа, С. Джибладзе, Г. Нинуа и др. — и с января 1898 г. начал руководить социал-демократическими рабочими кружками.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 14.)

Товарищ Сталин отмечал в «Письме с Кавказа» (1909 г.), что «всех промышленных рабочих в Тифлисе около 20 тысяч, т. е. меньше, чем солдат и полицейских. Единственное крупное предприятие — мастерские жел. дорог (около 3.500 раб.). В остальных предприятиях по 200, 100 и, большей частью, по 40—20 чел. [1].

Расширялись основные цехи Главных мастерских: литейный, токарный, вагонный, рессорный, кузнечный, столярный, паровозосборное отделение и котельное. В первые годы на железной дороге обращалось 840 вагонов, «парадных, пассажирских и товарных».

В цехах производили капитальный ремонт, изготовляли запасные части.

Управляющий мастерскими имел в подчинении несколько десятков мастеров, табельщиков, бригадиров, конторщиков. Заказы поступали через цеховых мастеров к бригадирам.

Основная масса рабочих в три с половиной тысячи человек зависела от произвола этой администрации.

С расширением производства в мастерских становилось тесно. Работали четырнадцать, а то и восемнадцать часов в сутки.

Закоптелые цехи тускло освещались керосиновыми лампами, коптилками. В долгие зимние ночи сквозило холодными, пронизывающими ветрами. Обычно нехватало кипятку, черствый кусок хлеба становился еще суше. Заработанные гроши рабочие получали в месяц раз. Самый квалифицированный труд оплачивался не свыше рубля восьмидесяти копеек. За «черный» труд платили пятьдесят копеек, подручным — двадцать семь.

Бригадиры и мастера наживались на заказах, брали взятки, избивали рабочих.

Все невыносимей делались условия труда. Росло недовольство. Вопросы становились острее, насущнее. И все громче, яснее раздавались слова революционной пропаганды. Они произносились, конечно, не в воскресных школах, не в кругу «легальных марксистов». Слова эти шли из глубины рабочих кварталов — из квартир передовых рабочих Главных мастерских, организаторов социал-демократических кружков — Михо Бочоридзе, Закро Чодришвили, Вано Стуруа, С. Джибладзе, Г. Нинуа и других.

...Создавались первые социал-демократические рабочие кружки.

Почти каждый раз собирались в новом месте. Кто-либо из кружка оповещал Сталина об адресе. Собирались в доме по улице Бригадира, в Дидубе, в маленькой комнатушке рабочего Главных мастерских, в доме № 18 по Цавкисской улице...

Первая встреча с передовыми рабочими Главных мастерских состоялась на квартире рабочего Вано Стуруа в доме № 194 по Елизаветин-

[1] Опубликовано в журнале «Большевик» № 4, 1932 г.

ской улице. Дом двухэтажный, по тому времени большой. А рядом — маленькие одноэтажные домики...

(К истории фабрик и заводов Тбилиси. Страницы революционной борьбы рабочих Тбилиси в 1898—1901 гг. Опубликовано в газете «Заря Востока» № 36 от 14 февраля 1938 г.)

С начала 1898 года товарищ Сталин вел широкую пропаганду революционного марксизма среди передовых рабочих тифлисских предприятий.

Из передовых рабочих одних только Главных мастерских и депо Закавказской железной дороги товарищ Сталин организовал 5 нелегальных кружков и сам руководил ими. В кружки товарищ Сталин подбирал наиболее достойных доверия и надежных рабочих. Члены кружков глубоко проникались идеями революционной социал-демократии и уже сами несли эти идеи в широкую массу рабочих.

Пропаганда революционного марксизма сочеталась с руководством забастовочным движением и политической борьбой тифлисского пролетариата.

В том же 1898 году впервые в Главных мастерских началась крупная забастовка.

Поводом послужило расклеенное во всех цехах объявление начальника железнодорожных мастерских от 6 декабря, ссылавшееся на распоряжение правительства, резко ухудшавшее положение рабочих. Это вызвало среди рабочих большое негодование.

Социал-демократические кружки передовых рабочих мастерских и депо под руководством тифлисской центральной партийной группы и лично товарища Сталина стали усиленно готовиться к забастовке. 27 (14) декабря в 11 часов дня рабочие мастерских бросили работу и стали группами выходить из мастерских, заняли железнодорожное полотно и приостановили движение поездов. Они требовали немедленно отменить приказ правительства. Жандармерия в это время вызвала войска и оцепила рабочих «в вооруженный круг».

Рабочие боролись героически. Жандармерия арестовала передовых рабочих, но это еще более усилило возмущение бастующих.

В 3 часа дня, после прибытия дополнительных воинских частей, рабочих атаковали полиция и казаки и к 5 часам вынудили их покинуть железнодорожное полотно. Во время схватки был ранен и искалечен 21 рабочий. Ночью 14 декабря железнодорожные мастерские и депо оцепили казаки, но стачка продолжалась. Массовые аресты передовых рабочих мастерских и депо (был арестован 41 человек) не сломили сопротивления бастующих, рабочие продолжали держаться стойко. Жандармерия пыталась возобновить работу мастерских путем привлечения штрейкбрехеров, но и эта мера провалилась.

Забастовка была прекращена на восьмой день, лишь после отмены приказа царского правительства от 6 декабря и удовлетворения требований рабочих. По окончании забастовки жандармское управление писало департаменту полиции: «Забастовщики действовали так единообразно, по единому плану, что, надо полагать, что забастовкой руководила внешняя сила».

(С. Симонгулов, На заре революционного движения. «Заря Востока» № 89 от 18 апреля 1939 г.)

В начале 1898 года состоялась наша первая памятная встреча с молодым пропагандистом — товарищем Сталиным. Это было на квартире Вано Стуруа, в доме № 194 по Елизаветинской улице. В двух небольших комнатах первого этажа жила группа железнодорожных рабочих. В этот вечер, кроме В. Стуруа, собрались Чодришвили, Бочоридзе, Мачарадзе я и еще несколько рабочих.

В беседе незаметно проходило время. Так состоялось первое занятие первого сталинского кружка. Помнится, с первых же слов нас увлекли ясность и простота речи товарища Сталина.

Комнаты наши имели выход на улицу и во двор, откуда, в случае чего, легко можно было перебраться в сады, которых тогда в этом районе было больше, чем домов.

Занимался товарищ Сталин с нами более двух лет.

Тему, какая бы она ни была, товарищ Сталин всегда подразделял на вопросы. Он хорошо знал историю рабочего движения на Западе, учение революционной социал-демократии, и поэтому его беседы сразу захватывали внимание рабочих. Сталин пользовался научной и художественной литературой, его речь всегда была насыщена примерами. Когда он говорил, перед ним лежала записная книжка или просто листки мелко исписанной бумаги. К каждому своему выступлению он, видимо, тщательно готовился. Собирались мы по вечерам, с наступлением темноты, а по воскресным дням шли за город небольшими группами в пять-десять человек и занимались, не считаясь с временем.

Выступления товарища Сталина походили на беседу. Он, бывало, не перейдет к новому вопросу, пока не убедится, что мы поняли, усвоили его слова. Отвечая на вопросы товарища Сосо, мы приводили факты из своей рабочей жизни, рассказывая, что делается на заводах, как эксплоатируют нас администрация, подрядчики, мастера. Товарищ Сталин особенно оживлялся, когда затрагивалась эта тема. Он задавал рабочим много вопросов, а затем делал выводы. Эти выводы имели решающее, руководящее значение для революционного движения.

Товарищ Сталин был нашим учителем, но он часто говорил, что сам учится у рабочих.

После первой забастовки, организованной в 1898 году в Главных железнодорожных мастерских, товарищ Сталин обсуждал с рабочими в кружках итоги и опыт проведенной борьбы, отдельные организационные недостатки. Это помогло нам притти к крупной августовской стачке 1900 года более подготовленными.

Когда стачка окончилась победой рабочих, товарищ Сталин снова обсуждал в кружках итоги новой ступени борьбы.

Эта характерная особенность пропагандистского метода товарища Сталина нашла выражение и в прокламации, написанной им об итогах августовской стачки [1]. «Мы не раз побеждали на поле брани наших грабителей! — напоминал товарищ Сталин. — Ну-ка, вспомните, какое объявление было расклеено в наших мастерских в 1896 году? Что спасло или кто спас нас от этого унижения — от этого распоряжения, которое приравнивало нас к животным? — Борьба!..»

(Георгий Нинуа, Первые уроки революционной теории. «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 г.)

[1] Забастовка рабочих ж.-д. мастерских и депо в августе 1900 г.

Обычно члены нашего кружка (железнодорожных рабочих. — *Авт.*) — Левас Микитадзе, Бохуа, Тома Джатиев и другие (остальных я не помню), собирались у меня, в маленькой комнатушке, на окраине города, в Дидубе.

Это было в 1899 году. Однажды Левас Микитадзе пришел на обычное собрание кружка не один.

С ним был просто и скромно одетый юноша.

На этот раз занятие кружка шло живо и интересно. То, о чем говорил этот юноша, чему учил он нас, надолго врезалось в память.

Просто, увлекательно, с необычайным огоньком рассказывал нам наш новый руководитель о задачах рабочего класса в борьбе с самодержавием, о прибавочной стоимости, о том, как на каждом шагу капиталисты грабят и обманывают рабочих.

К сожалению, вскоре занятия нашего кружка были прерваны.

Часть из нас, в том числе и я, были снова уволены из мастерских.

Вано Стуруа, Бохуа, Коля Магарадзе и я переехали в Баку. Здесь я работал на механических заводах в Балаханах и в Черном городе.

...Здесь, в Баку, я узнал, что руководителем нашего кружка, собиравшегося у меня в комнате, был товарищ Сталин. Он разъяснял нам основы политической грамоты, он учил нас борьбе с самодержавием. Он воспитывал в нас великое чувство беззаветной преданности делу рабочего класса.

В Баку я несколько раз встречался с товарищем Сталиным.

(Г. П. Гаглоев, Любимый учитель. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 71—72.)

Рабочие табачной фабрики (Бозарджянца. — *Авт.*) собрались на окраине города, на кладбище. С речью на нелегальном собрании выступил товарищ Сосо (Сталин). Он рассказывал, как боролись рабочие на Западе, как борются российские рабочие и что нужно делать нам.

Потом, когда товарищ Сталин организовал социал-демократический кружок из передовых рабочих табачной фабрики, — стали собираться на самом краю города, у подножья горы, в моем домике по Цавкисской улице

Рабочие собирались после захода солнца.

Соблюдали предосторожности, проходили в сумерках, незаметно. В комнате было тесно. Одни сидели, другим приходилось стоять, — где было достать столько табуреток? Наш нелегальный социал-демократический кружок собирался иногда на Мтацминде, или возле Коджорского шоссе.

Товарищ Сталин, руководя кружком передовых рабочих фабрики Бозарджянца, рассказывал о том, как рабочие железнодорожных мастерских, сплотившись, организованно повели борьбу за свои права, борьбу против эксплоататоров.

Глубокие, воодушевляющие речи товарища Сталина знакомили нас с идеями революционной социал-демократии, с задачами забастовочного движения и политической борьбы.

Нарастало возмущение рабочих тяжелыми условиями труда. Когда на фабрике появилась гильзовая машина, нас начали по одному увольнять. Положение рабочих становилось невыносимо тяжелым. Началась заба-

стовка. Ею руководил товарищ Сталин, составляя требования, которые мы предъявляли затем фабриканту.

В борьбе нам очень помогали подпольные сталинские листовки.

Это было в конце прошлого века.

(Артем Литанов, Я выучился читать по большевистским листовкам. «Заря Востока» № 89 от 18 апреля 1939 г.)

Вспомнились те годы, когда «месамедасисты» учили меня «уму-разуму».

В течение нескольких лет я читал журнал «Квали», приблизительно полтора года ходил в организованную «месамедасистами» воскресную школу, слушал там Рамишвили и Чхеидзе.

Чему они учили нас? Они учили нас тому, как движутся звезды, луна, солнце, земля, но никогда не говорили нам о том, как все-таки двигается вперед революционный рабочий класс. Этого мне не удалось от них услышать, не удалось и вычитать в течение нескольких лет общения с ними.

Но явился Сталин.

Он нашел меня, как и других рабочих, собрал нелегально в маленький кружок и на двух-трех собраниях этого кружка снял повязку с моих глаз — тогда еще сравнительно неразвитого рабочего, и показал, как движется пролетарская революционная борьба.

Однажды товарищ Сталин спросил меня: «Чему учат вас в воскресной школе?» И когда я ему ответил, что там учат, как двигается солнце, он с улыбкой сказал:

— Слушай! Солнце, не бойся, не собьется с пути. А вот ты учись, как должно двигаться революционное дело, и устрой мне маленькую нелегальную типографию.

Это поручение Сталина было выполнено.

Так товарищ Сталин собирал и вырывал у «месамедасистов» рабочих, вовлекал их в партию.

(С. Тодрия, Незабываемые дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр 58—61.)

В 1897—1898 гг. я работал на мостостроительном заводе Карапетова в Тифлисе, слесарем в инструментальном цехе.

Однажды разметчик, — к сожалению, я не помню его фамилии, — спросил, не хочу ли я заниматься самообразованием. В те годы в Тифлисе были отдельные кружки, воскресные школы для рабочих, в которых рабочих знакомили с астрономией, географией, литературой и т. д.

Я охотно согласился, и наш разметчик повел меня к себе на квартиру, помещавшуюся по Авчальской (ныне Советской) улице. Здесь были 6 товарищей с различных заводов.

Руководил этим кружком товарищ Сосо.

Сталин знакомил нас с «механикой» капиталистического строя, рассказывал о рабочем движении, о том, что улучшение экономического положения рабочих невозможно без политической борьбы против царского самодержавия.

Эти беседы товарища Сталина в нашем кружке становились все увлекательнее. Он умел говорить так просто, с огромным знанием вопроса;

к тому же товарищ Сосо был очень остроумным собеседником. И еще одно — здесь, на этих занятиях, мы получали от него разъяснения по всем вопросам, возникавшим у нас в повседневной работе, в наших беседах с товарищами на заводе.

Занятия нашего кружка продолжались свыше года, и в течение этого времени мы многому научились, и все, что мы узнали, было совершенно ново для нас и так непохоже на то, что обычно рассказывали нам в воскресных школах.

(Котэ Каландаров, Сталинская школа борьбы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 133—134.)

В период 1898—1900 гг. тифлисская центральная социал-демократическая группа провела огромную революционно-пропагандистскую и организационную работу по созданию нелегальной социал-демократической партийной организации; члены центральной партийной группы вели интенсивную революционную пропаганду, каждый из них руководил рабочими кружками. Только у одного товарища Сталина было более 8 рабочих социал-демократических кружков.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 14. Партиздат, 1937 г.)

Первые маевки тифлисского пролетариата, проведенные под руководством товарища Сталина, были отмечены еще в 1901 году на страницах подпольной «Брдзола» — первой в Закавказье революционной газеты ленинско-искровского направления.

«19 апреля 1899 года, — писала газета, — семьдесят рабочих тайно собрались за городом с красным флагом и поклялись друг другу: соединимся, присоединим к себе всех наших братьев и смело начнем борьбу с нашим общим врагом — с буржуазией и правительством.

Через год, опять-таки 19 апреля, число рабочих увеличилось до четырехсот-пятисот. Они вновь собрались за городом с красным флагом и еще крепче поклялись друг другу в братстве, единстве, поклялись самоотверженно бороться с врагом.

Еще через год, 22 апреля 1901 года, число рабочих с четырехсот-пятисот возросло до двух тысяч. Это была уже целая армия! Они уже не скрываются за городом, они выступают на площади в самом центре города с тем же красным флагом в руках...»

Первые маевки тифлисского пролетариата проходили в обстановке подъема рабочего движения в России, когда рабочее движение превращалось в серьезную силу политической жизни страны.

В 1899 году на первомайский праздник в Тифлисе, проведенный за городом, собрались рабочие — слушатели социал-демократических кружков, руководимых товарищем Сталиным.

Рабочие знакомились с задачами борьбы рабочего класса, проникались идеями революционного марксизма.

«Почему мы бедны?», «Почему мы бесправны?», «Как все это изменить?» — на такие темы проводил товарищ Сталин первые беседы в рабочих кружках. Товарищ Сталин объяснял рабочим, что общество разделено на два непримиримых лагеря, что существуют классы эксплоататоров и эксплоатируемых, говорил о ведущей роли рабочего класса в

революционной борьбе, разъяснял задачи партии, ее тактику, методы борьбы.

«Давайте обсудим этот вопрос», говорил, обращаясь к рабочим, товарищ Сталин и вовлекал их в обсуждение важнейших задач рабочего движения. Самые сложные вопросы, изложенные популярно, просто и образно, становились доступными и понятными каждому.

Газета «Брдзола» отмечала, что пропаганда в кружках прививает рабочим социал-демократические принципы и что «доброе семя упало на плодотворную почву». В знаменательный день первомайского праздника 1899 года тифлисские рабочие дали клятву еще теснее сплотиться на борьбу против царского самодержавия, против капитализма.

«На маевке, — говорится в «Брдзола», — присутствовали рабочие всех национальностей и различных промышленных предприятий (главным образом, из железнодорожных депо — мастерских, где раньше всего зародилось движение)»... И уже в следующем году, опять за городом, нелегально собрались не семьдесят человек, а четыреста-пятьсот. Рабочие вышли с красными знаменами, с портретами Маркса и Энгельса, с лозунгами революционной социал-демократии. Рабочими руководил, их вдохновлял своими пламенными словами товарищ Сталин.

(П. Алексеев, От нелегальных маевок—к первой политической демонстрации. К сорокалетию тифлисской маевки 1899 года. «Заря Востока» № 99 от 30 апреля—1 мая 1939 г.)

Громадную роль в оформлении взглядов товарищей Сталина, Саши Цулукидзе и Ладо Кецховели сыграл петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Имя Ленина все чаще повторяется на дискуссионных собраниях, в кружках. Отголоски организованного рабочего движения, которым руководил петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», всколыхнули рабочие массы и в других промышленных центрах. Всколыхнулось и Закавказье. Вторая половина и в особенности конец 90-х годов в Закавказье — начало организованного рабочего движения.

(Ем. Ярославский, О товарище Сталине, стр. 17. Госполитиздат, М. 1939 г.)

Внутри «Месаме-даси» в 1898 г. зародилась и оформилась революционная марксистская группа — С. Цулукидзе, Ладо Кецховели и И. Сталин. Эта группа представляла меньшинство «Месаме-даси», которое по целому ряду основных вопросов расходилось с большинством «Месаме-даси».

Первое острое разногласие возникло по вопросу о нелегальной печати в 1898 году.

Меньшинство «Месаме-даси», придавая огромное значение нелегальной печати в деле пропаганды и распространения революционного марксизма, политической агитации против самодержавия и капитализма, организации политической борьбы рабочего класса и строительства подлинной пролетарской революционной партии, выдвигало задачу создания нелегальной газеты.

Большинство «Месаме-даси», во главе с Н. Жордания, отрицало необходимость нелегальной печати.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 11. Партиздат, 1937 г.)

Вопрос об организации нелегальной печати послужил в 1898 году предметом острых разногласий между революционным меньшинством и оппортунистическим большинством «Месаме-даси».

В то время как большинство «Месаме-даси», вульгаризовавшее марксизм и приспособлявшее его к интересам буржуазного национализма, продолжало свою деятельность в органах легальной печати, товарищи Сталин, Кецховели и Цулукидзе повели решительную борьбу за создание боевой революционной нелегальной газеты.

В этой борьбе Ладо сыграл исключительную роль. Он поступил в Тифлисе на службу в типографию Хеладзе и стал там настойчиво изучать типографское дело. Вскоре Ладо отпечатал там переведенную на грузинский язык брошюру Дикштейна «История куска хлеба». Это была первая грузинская нелегальная книжка. Ладо удалось отпечатать также несколько прокламаций и брошюр.

Ладо Кецховели был ближайшим другом товарища Сталина. На квартире Кецховели, часто засиживаясь до поздней ночи, товарищи Сталин и Ладо вели беседы о рабочем движении, о Ленине, о Плеханове...

(Л. Берия, Ладо Кецховели. Сборник «Ладо Кецховели», стр. 9. Партиздат, 1938 г.)

Выдающуюся роль в деле создания ленинско-искровской социал-демократической организации Закавказья играл тов. А. (Саша) Цулукидзе. Тов. Цулукидзе раньше других товарищей из меньшинства начал работу и вместе с тем борьбу с большинством «Месаме-даси». Тов. Цулукидзе вступил в «Месаме-даси» в 1895 году и всю свою сознательную жизнь отдал революционной борьбе рабочего класса. Однако, тов. Цулукидзе не суждено было полностью развернуться ввиду его тяжелой болезни — туберкулеза, что нередко отрывало его от практической революционной работы.

Тов. Цулукидзе был одним из образованных марксистов того времени, талантливым пропагандистом и публицистом, революционером, до конца преданным делу рабочего класса, ближайшим другом товарища Сталина и Л. Кецховели[1].

(Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 21—22. Партиздат, 1937 г.)

---

[1] Тов. Цулукидзе после длительной болезни (туберкулез) скончался 8 июня 1905 г. в возрасте 29 лет. Похороны тов. Цулукидзе состоялись в Хони 12 июня 1905 г. Похороны тов. Цулукидзе, на которых присутствовало, по рассказу очевидцев, свыше 10 000 человек, превратились в грандиозную политическую демонстрацию против самодержавия. На похоронах тов. Цулукидзе товарищ Сталин выступил с блестящей речью, в которой, наряду с оценкой работы Саши Цулукидзе, развернул задачи и картину революционной борьбы рабочих и крестьян против самодержавия. Речь товарища Сталина имела огромное большевистское революционизирующее значение.

5. «УВОЛЬНЯЕТСЯ... ЗА НЕЯВКУ»

Инспектор Абашидзе усилил слежку, и нам стало труднее ускользать от наблюдения его прислужников.

Однажды вечером, когда мы готовили уроки, в классе неожиданно появился Абашидзе. Не найдя ничего предосудительного в ящиках, он стал обыскивать учеников.

На той же неделе после тщательного обыска инспектор нашел у Иосифа исписанную тетрадь со статьей для нашего рукописного журнала.

Абашидзе не замедлил выступить с материалом на заседании правления семинарии. В результате мы получили двойки по поведению и последнее предупреждение.

Беседы в кружке и постоянные дискуссии отражались на наших семинарских занятиях. Однако Иосиф, не затрачивая особых усилий, с легкостью перешел в следующий класс. Но успех этот был обманчив. Свирепый монах Абашидзе догадывался, почему талантливый, развитой, обладавший невероятно богатой памятью Джугашвили учится на «тройки».

Он снова поднял этот вопрос на заседании правления семинарии, обрисовал наше увлечение политическими вопросами, охарактеризовал главенствующую роль Джугашвили во всем этом и добился постановления об исключении его из семинарии.

(Д. Гогохия, На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 47.)

«Джугашвили Иосиф (V, I,) во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников 5-го класса, несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в своих заявлениях недовольство производящимися время от времени обысками среди учеников семинарии, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще не почтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции.

Помощник инспектора А. Ржавенский».

«Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. Ректора, на пять часов. И. Д». (Иеромонах Димитрий Абашидзе. — *Авт.)*

(Запись в кондуитном журнале Тифлисской духовной семинарии за 1898—1899 гг. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина.)

Вспоминается 1898 год. Как-то раз, после обеда, мы, ученики, сидели в Пушкинском сквере, около семинарии. Вдруг кто-то закричал: «Инспектор Абашидзе производит обыск у Джугашвили!» Я бросился в семинарию, подбежал к гардеробу, находившемуся в нижнем этаже, где хранились наши вещи в закрываемых нами на замок ящиках.

Войдя в гардероб, я увидел, что инспектор Абашидзе уже закончил обыск. Он взломал ящик товарища Сосо, достал оттуда нелегальные книги и, забрав их подмышку, поднимался на второй этаж здания. Рядом с ним шел Сосо...

Вдруг в это время к инспектору неожиданно подбежал ученик шестого класса Василий Келбакиани и толкнул монаха, чтобы выбить из его рук книги. Это оказалось безуспешным. Тогда Келбакиани набросился на инспектора спереди, и книги тут же посыпались на пол. Товарищ Сосо и Келбакиани быстро подхватили книги и бросились бежать... Опешивший инспектор Абашидзе так и остался ни с чем.

(По воспоминаниям П. Талаквадзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Монах Димитрий (князь Абашидзе) был назначен инспектором в Тифлисскую духовную семинарию вместо бывшего инспектора Гермогена (тоже монах), выдвинутого в ректора семинарии. Это был явный дегенерат, фанатик, настоящий церковный раб. Как-то раз в церкви его остановил один из прежних знакомых:

— Господин Абашидзе? Давид [1], где вы, что с вами?

На это Абашидзе тут же ответил:

— Я — не Давид и не Абашидзе. Он умер. Я — смиренный и недостойный раб божий и слуга царя — Димитрий.

(По воспоминаниям Симона Натрошвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Что же касается обрусевшего дегенерата, коварного иеромонаха Димитрия Абашидзе, то этот кахетинский князь, будучи еще совсем молодым, принял монашество и надел рясу. Ректор семинарии и другие лица видели в монахе Абашидзе будущего экзарха Грузии и открыто об этом говорили.

Инспектор Абашидзе старался делом доказать, что он вполне достоин занять высокий пост экзарха, являвшегося одной из важнейших опор русского самодержавия в Грузии.

Димитрий Абашидзе имел в семинарии своих шпиков, которые тщательно следили, кто из учащихся и чем именно занимается, о чем говорит, что читает. Благодаря своей осведомленности, Абашидзе внезапно появлялся там, где его совсем не ожидали.

Помню такой случай. Как-то раз товарищ мой Гриша Махатадзе, взобравшись на кафедру, стал вслух читать нам разные юмористические стихи, переписанные им в толстую тетрадь. Шпионы немедленно сообщили об этом Абашидзе.

Последний тихо подкрался к двери снаружи, все выслушал, а затем ворвался в комнату и вырвал тетрадь из рук Махатадзе.

Насколько мне помнится, товарищ Сосо, в свою очередь, попытался было отнять тетрадь у инспектора. Однако это не удалось, и Димитрий повел обоих — Сосо и Махатадзе — в свою квартиру, затащил на кухню, сам принес сюда керосин и заставил «нечестивцев» самих сжечь «крамольную» тетрадь...

В особенности тщательную слежку Димитрий установил за товарищем Сосо Джугашвили. Все учащиеся знали, что смелый, всегда откровенно высказывавший правду в глаза Сосо, положительно не давал покоя Димитрию. Мне, лично, Абашидзе неоднократно говорил, что стыдно мне, имеющему родного брата в духовной академии, быть «неверующим», вроде Иосифа Джугашвили; что оба мы зря едим казенный

[1] Как известно, при пострижении в монашество прежнее, «светское», имя менялось на новое. «Светское» имя Абашидзе было Давид, а монашеское—Димитрий.

хлеб, и что совершенно нежелательно, чтобы Талаквадзе и Джугашвили окончили курс семинарии...

И в самом деле, когда я вернулся в Тифлис после отпуска на родину, по семейным обстоятельствам, товарища Джугашвили я уже не застал в стенах семинарии.

Оказалось, что за время моего отсутствия у Сосо произошло большое столкновение с инспектором Абашидзе, заставшим его за чтением нелегальных книг. Сосо за это исключили из семинарии. Зато Димитрий Абашидзе тут же получил повышение по службе: его назначили ректором Ардонской семинарии.

(По воспоминаниям П. Талаквадзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Разрядный список

воспитанников Тифлисской духовной семинарии
за 1898/99 учебный год.

V класс I отделение.

Увольняется из семинарии за неявку на экзамены по неизвестной причине Джугашвили Иосиф.

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 12—13 от 15 июня—1 июля 1899 г., стр. 8.)

«Уволив ректора Александровской миссионерской семинарии, архимандрита Андроника, по болезненному состоянию его, от занимаемой им должности, назначить на таковую инспектора Тифлисской духовной семинарии иеромонаха Димитрия, с возведением его в сан архимандрита»[1].

(«Церковные Ведомости, издаваемые при Свят. правит. синоде», № 4 от 22 января 1900 г.)

В 1899 году Сосо провел в семинарии всего лишь несколько месяцев. Он ушел из этого училища и целиком перешел на нелегальную работу среди рабочих.

Необходимо было выявить, воспитать и вовлечь в практическую работу лучших, передовых рабочих, а через них приблизить к партии и остальную рабочую массу. И товарищ Сосо крепко взялся за пропагандистскую и организационную работу.

Он о всех помнил: о рабочих железнодорожного депо, механических заводов (Лука и Яралова), обувной фабрики Адельханова, табачных фабрик Бозарджянца и Энфианджянца, типографских рабочих и т. д. Он стремился побывать везде, старался в один день обойти всех, дать каждому конкретные указания и задания.

Не раз приходилось мне видеть товарища Сосо пробирающимся в толпе с такой быстротой, что просто невозможно было догнать его. Можно было только удивляться, как ловко и быстро Сосо, в своей кепке, в легком пальто и в синей сатинетовой блузе, опоясанной поясом с кистью, пробирается по улице сквозь шумливые массы людей.

---

[1] Дальнейшее «продвижение по службе» монаха Абашидзе тоже пошло с необычайной быстротой: 16 марта 1902 г. «высочайше повелено» «ректору Александровской миссионерской семинарии (в с. Ардоне), архимандриту Димитрию» быть «вторым викарием Грузинской епархии, с тем чтобы наречение и посвящение его в епископский сан произведено было в г. Тифлисе». («Церковные ведомости» № 12 от 23 марта 1902 г., стр. 61.)

Так как он шагал всегда прямо, — мы, близкие товарищи, — прозвали его «Геза» [1]. Вообще же он был известен под конспиративной кличкой «Коба» [2].

Необычайно живой, подвижной и энергичный, он, казалось, никогда не знал, что такое усталость.

Сосо обладал редкой способностью быстро и ловко скрываться от преследований шпиков. Ни один охранник не ускользал от внимания Сосо. Много остроумия и находчивости проявлял наш «Коба», спасаясь от слежки и ареста. А потом, бывало, сам же весело смеется над обманутыми шпиками, как те, ошарашенные, стоят с разинутыми ртами...

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Шпики гонялись за товарищем Сосо, но он был большим конспиратором.

(По воспоминаниям Сандро Баджиашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В 1899—1900 гг. на бывшем Михайловском проспекте, в доме № 102, я занимал три комнаты. В одной из лучших комнат у меня жил (в 1899 году. — *Авт.)* товарищ Сосо Джугашвили со своим товарищем Мишей Давиташвили. Сильвестр Джибладзе привел его к нам, как в надежную семью.

У товарища Сосо все время было загружено: он проводил занятия в кружках и постоянно спешил на собрания; кроме того, он и его товарищи много читали и занимались. Ввиду этого мне редко приходилось с ним встречаться.

(По воспоминаниям Д. Е. Каландарашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

К тому времени, когда товарищ Сталин был исключен из семинарии, он обладал уже знанием «Капитала» Маркса и ряда других марксистских работ, имел уже 4-летний опыт работы в подпольных марксистских кружках, первый опыт издания нелегального ученического журнала. Он имел уже большой запас знаний в различных отраслях общественных и естественных наук. Эти познания товарищ Сталин неустанно умножал, и он поражает даже специалистов своей глубокой осведомленностью по самым разнообразным вопросам.

У товарища Сталина по выходе его из духовной семинарии было уже вполне сложившееся марксистское мировоззрение. У него было и знание жизни низов, из которых он сам вышел. Его ненависть к царскому самодержавию и к социальной опоре царизма с тех пор все более углублялась, в нем росла и крепла глубокая любовь к народу.

(Ем. Ярославский, О товарище Сталине, стр. 14. Госполитиздат, М. 1939 г.)

Некоторое время Сталин перебивается уроками, а затем поступает на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию в качестве вычислителя-наблюдателя, ни на минуту не прекращая революционной деятельности.

---

[1] «Геза»—человек, идущий прямо.

[2] «Коба»—имя героя повести А. Казбека.

Уже в то время Сталин — один из самых энергичных и видных работников тифлисской социал-демократической организации...

(«Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография)». Журнал «Большевик» № 23—24, 1939 г. стр. 13).

Осенью 1899 года 40—45 человек (учеников духовной семинарии, а в числе их сам Вано Кецховели. — *Авт.*) были вынуждены «по собственному прошению» навсегда покинуть семинарию.

В 1899 году начинается наша самостоятельная жизнь. В средних числах ноября я получил должность наблюдателя в Тифлисской физической обсерватории. Здесь требовалась предварительная трех-четырехнедельная практика, после чего новый работник зачислялся в штат. Мне предоставили в обсерватории жилую комнату, которая вскоре стала служить пристанищем для революционеров. Сюда часто приходили товарищ Сталин и Ладо Кецховели, нелегально проживавший в Тифлисе.

В конце декабря 1899 года освободилось в обсерватории место наблюдателя, и на эту должность, по совету Ладо, поступил товарищ Сталин. Нам приходилось бодрствовать всю ночь и в определенные часы и минуты производить наблюдения с помощью замысловатых приборов. Такая работа требовала напряжения нервов, терпения. Должность наблюдателя часто освобождалась, и этим объясняется та легкость, с какой устроились в обсерватории сначала я, потом товарищ Сталин, М. Давиташвили и последним — Васо Бердзенишвили, который в начале 1900 года тоже покинул семинарию.

(Вано Кецховели, На заре создания партии рабочего класса. «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 г.)

«Великий Сталин — вождь ВКП(б) и мирового пролетариата жил и работал здесь, в Тбилисской Геофизической обсерватории, с 28 декабря 1899 г. по 21 марта 1901 г., руководя нелегальными социал-демократическими рабочими кружками города Тбилиси».

(Надпись на мраморной мемориальной доске, установленной на фасаде здания Тбилисской геофизической обсерватории.)

На исходе XIX века, 28 декабря 1899 года, товарищ Сталин поселился в Тбилисской физической обсерватории, где он с этого же дня начинает работать в качестве наблюдателя-метеоролога.

Обсерватория помещалась на Михайловской улице, вблизи Муштаида. Невзрачного вида двухэтажный, покрытый черепицей, неоштукатуренный дом. Выделялся деревянный балкончик с тесно насаженными балясинами. Под ним — входная дверь. Налево от входа — комната, где производилась обработка метеорологических наблюдений.

На дворе густо растут деревья. Лесистый кустарник тянется до самой Куры. В глубине двора помещается обсерватория. Она окружена рвом, через который перекинут мостик.

К круглому зданию пристроены досчатые флигеля. В «северном» работал двадцатилетний Иосиф Виссарионович Джугашвили.

Обстановка здесь почти не изменилась. Перед окном растет коренастое ветвистое дерево. В те годы оно было незаметным, не затемняло комнату. В комнате перед большим решетчатым окном все так же стоит столик. Вот здесь составлял товарищ Сталин сводки метеорологических

наблюдений. Без единой помарки заполнялись листы бюллетеней, под ними ставилась подпись: Джугашвили.

Жил товарищ Сталин в небольшой комнатке, выходившей во двор.

Тишина, царившая в этом глухом укромном месте, наиболее благоприятствовала конспиративному образу жизни молодого Сталина. Кончалось дежурство, — запись научных наблюдений, — и Сталин выходил на улицу. Тихой и мало застроенной была эта часть города. Ее оживляло движение вагонов конки.

Выходя в город, Сталин направлялся в рабочие кварталы, туда, где в назначенный час собирались пролетарии...

(К истории фабрик и заводов Тбилиси. Страницы революционной борьбы рабочих Тбилиси в 1898—1901 гг. Опубликовано в газ. «Заря Востока» № 36 от 14 февраля 1938 г.)

Мне исполнилось тогда 19 лет. В феврале 1900 года поступил я в физическую обсерваторию в качестве вычислителя-наблюдателя.

Работал, как и остальные, в канцелярии над вычислениями. В неделю два раза нам приходилось дежурить. Дежурство дневное начиналось рано утром, в половине седьмого, и длилось до десяти часов вечера. Ежечасно мы обходили все приборы, имевшиеся на территории метеорологической площадки, отсчитывали температуру, наблюдали за облачностью, ветром, давлением и результаты наблюдения заносили в специально на то предназначенные тетради.

Ночное дежурство начиналось вечером, в половине девятого, и продолжалось до восьми утра. Тут уже никаких перерывов на отдых не полагалось. Работа та же, что и дневная, с той лишь разницей, что днем помогал в работе сторож, а ночью приходилось работать одному.

После бессонной ночи, проведенной у метеорологических приборов, дежурный имел свободный день.

Тбилисская обсерватория обрабатывала также результаты наблюдений всех маленьких станций, разбросанных по всему Кавказу.

Заработная плата вычислителя-наблюдателя не превышала двадцати рублей в месяц. И только прослужившему полгода надбавляли рублей пять, не больше.

Наблюдатели занимали четыре жилые комнаты при самой обсерватории, во флигеле, выходившем окнами во двор, но две комнаты были сырые, негодные для жилья. Над нами, во втором этаже, находилась квартира директора обсерватории.

В последующие годы этот флигель снесли, и на его месте теперь — новая постройка.

В конце ограды была калитка, ключи от которой находились у нас. Почти всегда пользовались калиткой, потому что парадный ход после окончания занятий обычно запирался.

Во дворе был замечательный сад. Фруктовые деревья перемежались с лиственными. Дорожки были посыпаны битым кирпичом. Ров, окружающий обсерваторию, изолировал сейсмические приборы от городского шума.

Перед самым зданием обсерватории, на Михайловской улице, останавливалась конка. Вагончики тянула пара лошадей, и только на подъемах добавляли пристяжных.

Наблюдателей было шесть, так называемых вольнонаемных, и один

штатный, который в неделю раз замещал каждого из наблюдателей. При поступлении моем в обсерваторию там уже работали: Иосиф Джугашвили (Сталин), Мих. Давиташвили (которого сменил я) и Вано Кецховели — брат Ладо Кецховели.

(В. Бердзенишвили, Из воспоминаний. «Заря Востока» № 46 от 25 февраля 1938 г.)

6. ПРОПАГАНДИСТ, АГИТАТОР, ОРГАНИЗАТОР

Второе острое разногласие (между большинством «Месаме-даси» и революционной марксистской группой — Ал. Цулукидзе, Ладо Кецховели и И. Сталин. — *Авт.)* возникло с приездом в 1900 году русского социал-демократа, искровца В. Курнатовского, по вопросу о том, нужно ли ограничиться кружковой работой или назрело время перейти на массовую агитацию, к открытой борьбе с самодержавием.

(Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 11. Партиздат, 1937 г.)

Виктор Курнатовский являлся подготовленным, образованным марксистом, крепким и последовательным сторонником ленинской «Искры».

Виктор Курнатовский начал свою революционную деятельность еще в партии «Народная воля». За принадлежность к этой организации он отбыл 3-летнюю ссылку в Архангельской губернии и в октябре 1892 года выехал за границу. В Цюрихе окончил политехнический институт и получил звание инженера-химика. В 1893 г. он вступил в плехановскую группу «Освобождение труда». В августе 1893 г. В. Курнатовский принимал участие в работах конгресса II Интернационала в Цюрихе. В 1896 г. В. Курнатовский отправился на работу в Россию, но при переходе границы был арестован и выслан в административном порядке на три года в Минусинский уезд. Здесь, в ссылке, В. Курнатовский впервые знакомится с В. И. Лениным, находившимся в ссылке с 20 мая 1897 г. до 11 февраля 1900 г. в селе Шушенском, Минусинского уезда. В. Курнатовский навсегда становится пролетарским революционером, выдержанным сторонником Ленина. В. Курнатовский был в числе 17 социал-демократов, подписавших ленинский «Протест русских социал-демократов», направленный против «Кредо» экономистов. После окончания срока ссылки В. Курнатовский летом 1900 г., по заданию партии, переселился для революционной деятельности в Тифлис.

По приезде в Тифлис В. Курнатовский устанавливает крепкую связь с товарищем Сталиным и становится его ближайшим другом и соратником.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 11.)

Громадную помощь, как уже было отмечено, в деле пропаганды революционного марксизма и создания социал-демократической организации тт. Сталину, Цулукидзе, Кецховели и др. оказали находившиеся в Тифлисе высланные из России революционные социал-демократы: Виктор Курнатовский, Иван Лузин, Г. Франчески, О. Коган, Родзевич, М. Калинин, С. Аллилуев, И. Левашкевич, Н. Казаренко, Анна Краснова и др.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 13—14.)

Меньшинство («Месаме-даси», т. е. товарищ Сталин и его друзья. — *Авт.)* требовало перехода от занятий с рабочими в кружках к руководству массовой борьбой рабочего класса и от пропаганды — к открытым формам политической борьбы против самодержавия, выдвинув задачи перевода экономических стачек на политические рельсы, организации и проведения демонстраций рабочих, более широкого использования улицы для политической борьбы за свержение самодержавия.

Большинство «Месаме даси», во главе с Н. Жордания, отрицало необходимость перехода на массовую агитацию и открытую борьбу с самодержавием.

Меньшинству (тт. Сталину, Кецховели, Цулукидзе) в решительной борьбе с большинством «Месаме-даси», расширяя свое влияние в рабочих социал-демократических кружках в 1899—1900 гг., удается перевести тифлисскую социал-демократическую организацию от узкой кружковой пропаганды к массовой агитации и политической борьбе против самодержавия.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 12.)

Назрела необходимость широкой агитации в массах, организации открытой политической борьбы. За городом стали проводиться нелегальные рабочие массовки, в которых принимало участие до 50 человек. Некоторые пропагандисты боялись выступать на этих массовках, боялись арестов, предпочитали нелегальные собрания численностью в пять или десять человек. Но товарищ Сталин не соглашался с этим.

(Георгий Нинуа, Первые уроки революционной теории. «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 г.)

Михо Бочоридзе сообщил о задании, которое дал ему товарищ Сталин: найти подходящую комнату — организовать подпольную типографию. Это было в начале 1900 года. Меня познакомили с товарищами. Мы раздобыли шрифты и все самое необходимое для печатания. Комнату подыскали в доме по Лоткинской улице.

Надо было войти во двор, пройти по балкону на кухню, а оттуда, через специальный люк, попасть в подвальное помещение, где установлен станок.

В подвале темно — площадь три на четыре аршина.

Свет падает сверху через решетчатое окошко, но мы работаем при лампе.

Шрифты — на грузинском и русском языках — разложены в порядке.

Станок представлял собою квадратную доску, на которую мы переносили готовый набор, а затем накладывали сверху влажный лист бумаги и прибивали его к шрифту щеткой. Так получались оттиски. За сутки успевали отпечатать 600—700 листовок.

Материалы для печатания я приносил от Михо Бочоридзе с Андреевской улицы и там иногда встречался с товарищем Сталиным, который каждый раз подробно расспрашивал о нашей работе, учил строжайшей конспирации и говорил, что надо печатать как можно больше, потому что нужда в печатной пропаганде революционного марксизма огромна.

Прокламации, как нам рассказывал Бочоридзе, писал товарищ Сталин.

Корректуру выправлял в 1900 году Саша Цулукидзе. Мы приносили ему утром пробные оттиски и забирали их обратно часам к трем. Повседневную связь с товарищем Сталиным поддерживали через Михо Бочоридзе.

(Г. Лелашвили, У станка в большевистском подполье. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 149—153.)

В конце 1899 года, по решению Тифлисской руководящей социал-демократической группы, Ладо (Кецховели. — *Авт.*) организовал забастовку рабочих конной железной дороги. Она началась 1 января 1900 года. Ладо был выдан провокатором и уже не мог оставаться в Тифлисе. Помимо этого, жандармское управление давно его разыскивало.

В средних числах января 1900 года, по решению Тифлисской руководящей партийной группы, возглавлявшейся товарищем Сталиным, Ладо уехал в Баку для организации там нелегальной типографии и оживления работы бакинской социал-демократии.

(Вано Кецховели, Из воспоминаний о Ладо Кецховели. «Заря Востока» № 198 от 29 августа 1939 г.)

Это та типография, где с осени 1901 года стала печататься первая грузинская нелегальная газета «Брдзола» («Борьба») — орган тифлисской революционной социал-демократии ленинско-искровского направления, основанная товарищем Сталиным и Кецховели. В этой же типографии печаталась ленинская «Искра».

(Ладо Кецховели, К 35-летию со дня смерти. «Заря Востока» № 188 от 17 августа 1938 г.)

Перед отъездом, — это было в средних числах января 1900 года, — Ладо, не постучавшись, открыл дверь в нашу комнату. Я вначале не узнал брата, — настолько преобразилось его лицо. Он остриг усы и бороду.

Ладо осведомился о Сталине, присел к столу. Перед ним лежала раскрытая Сталиным книга Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Ладо начал читать с раскрытой страницы. Через некоторое время он спросил меня:

— Эту книгу Сосо читает? Хорошо, если бы и ты прочел.

— Я тоже читаю.

— Да, но недостаточно прочесть один раз, ее надо изучить.

Затем Ладо опять стал говорить о молодом Сталине:

— Сосо отличается проницательным, глубоким умом и подготовлен хорошо. Он сыграет большую роль в революционном движении...

Ладо произнес эти слова так убедительно и с таким чувством, что они навсегда запечатлелись в моей памяти.

(Вано Кецховели, На заре создания партии рабочего класса. «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 г.)

Всю свою многогранную революционную работу в Баку Кецховели проводил по указаниям Тифлисской руководящей группы РСДРП и товарища Сталина. Ладо систематически поддерживал с товарищем Сталиным письменную связь, а за указаниями и советом по важнейшим вопросам приезжал к товарищу Сталину в Тифлис и в Батум.

(Л. Берия, Ладо Кецховели. Сборник «Ладо Кецховели», стр. 12—13. Партиздат, 1938 г.)

Жизненность сталинской тактики полностью подтвердилась на нелегальной маевке 1900 года, проведенной в районе Соленого озера. Собралось человек до пятисот с революционными лозунгами, с портретами Маркса и Энгельса.

Среди собравшихся было человек триста хорошо подготовленных, передовых рабочих.

— Мы сейчас настолько уже окрепли, — сказал товарищ Сталин, — что в будущем году сможем провести маевку не в горных ложбинах, а в самом городе, на главных улицах.

(Георгий Нинуа, Первые уроки революционной теории. «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 г.)

Товарищ Сталин объяснил рабочим великое международное значение первомайского праздника и поручил каждому подобрать человек десять товарищей, поработать с ними, чтобы в следующем году привести их на первомайскую демонстрацию, которую тут же решено было провести в самом городе. «Наше красное знамя, — говорил товарищ Сталин, — должно развеваться в центре города, чтобы самодержавие почувствовало нашу силу». Эти слова, как вспоминают рабочие, вызвали безграничный восторг, и на маленькой поляне загремело «ура».

(П. Алексеев, От нелегальных маевок — к первой политической демонстрации. «Заря Востока» № 99 от 30 апреля—1 мая 1939 г.)

С мая по июль 1900 года проходит волна забастовок на тифлисских предприятиях. В августе 1900 г. рабочие железнодорожных мастерских и депо под руководством товарища Сталина, при активном участии М. И. Калинина, проводят грандиозную забастовку, в которой приняло участие до 4 тысяч рабочих.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 15.)

В железнодорожных мастерских началась забастовка. Мы, конечно, приняли в ней участие. И как мы обрадовались, когда товарищ Сталин поручил нам борьбу с штрейкбрехерами!

Он распределил между нами посты на всех улицах, ведущих к заводу. Здесь мы должны были принимать все меры к тому, чтобы не допускать штрейкбрехеров в мастерские.

(П. Д. Хурцилава, Нашим кружком руководил товарищ Сталин. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», стр. 80—83.)

— Августовская забастовка 1900 г. усилила наши ряды многими преданными товарищами,— вспоминает старый рабочий Главных мастерских. — Кружки вырастали, как грибы. Товарищ Сталин установил тесную связь со многими кружками рабочих, и рабочие очень его любили.

Стачка продолжалась пятнадцать дней. Полиция и жандармерия свирепствовали. «Но им пришлось скоро убедиться, — писала позднее ленинская «Искра», — что рабочее движение в Тифлисе «развивается вглубь и вширь», как заявили они шефу своему, министру внутренних дел, испрашивая у него новый кредит на усиление корпуса шпионов.

(К истории фабрик и заводов в Тбилиси. Страницы революционной борьбы рабочих Тбилиси в 1898—1901 гг. Опубликовано в газ. «Заря Востока» № 36 от 14 февраля 1938 г.)

Товарищ Сталин вел огромную работу по подготовке майской демонстрации тифлисского пролетариата.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 16. Партиздат, 1937 г.)

Будущую маевку решено было провести не за городом, а в самом городе. Тщательно и задолго готовились мы к этому дню.

(По воспоминаниям Н. Мачарадзе, героя труда, орденоносца. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Тбилисский пролетариат, руководимый центральной социал-демократической группой во главе с товарищем Сталиным, усиленно готовился к общепролетарскому дню.

Чем более приближался этот день, тем свирепее и растеряннее становилась жандармерия и полиция.

«Жандармы теряли головы, не знали, чем предотвратить надвигающуюся бурю», писала «Искра».

Обстановка требовала строжайшей конспирации.

В то время как в одной из рабочих квартир Сталин обсуждал с товарищами план первомайской политической демонстрации, в другой рабочей квартире готовили знамя для этой демонстрации.

Товарищ Сталин попрежнему жил в обсерватории. Но уединенность этого места уже не могла служить прикрытием.

Полиция проведала, что скромный, исполнительный наблюдатель физической обсерватории это и есть тот самый человек, с именем которого рабочие связывают все свои победы над предпринимателями-капиталистами.

В жандармском обзоре наблюдения за одним из социал-демократических кружков, руководимых товарищем Сталиным, приводится следующая информация:

«Иосиф Джугашвили, наблюдатель в физической обсерватории, где и квартирует. По агентурным сведениям, Джугашвили—социал-демократ и ведет сношения с рабочими. Наблюдение показало, что он держит себя весьма осторожно...»

(К истории фабрик и заводов Тбилиси. Страницы революционной борьбы рабочих в Тбилиси 1898—1901 гг. Опубликовано в газ. «Заря Востока» № 36 от 14 февраля 1938 г.)

В ночь на 22 марта 1901 г. был арестован Виктор Курнатовский. В эту же ночь был произведен обыск в физической обсерватории, где работал товарищ Сталин. Обыск происходил в отсутствие товарища Сталина.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 15. Партиздат, 1937 г.)

Сталин всегда соблюдал строгую конспирацию. Выходя на улицу, он шел не туда, куда ему надо было, а в противоположную сторону, и приходил к нужному месту окольными путями.

Я предполагаю, что полицейская слежка за ним началась не от обсерватории, а с какого-либо другого места и потом привела к нашей квартире.

21 марта 1901 года, когда жандармерия производила обыск в наших комнатах, товарища Сталина дома не было.

Я в тот день после дневного дежурства пришел к себе в комнату и, усталый, не раздеваясь, прилег на кушетку.

Это было уже после десяти часов вечера. Во сне слышу сильный стук в дверь. Проснулся, спрашиваю:

— Кто там?

Грубо отвечают:

— Отворите немедленно!

Я повторяю вопрос и слышу — говорят: «Из жандармского управления». Отворив дверь, вижу, стоит целая свора полицейских и жандармов. А перед ними подавленная фигура нашего сторожа, дежурившего в тот день вместе со мной.

Ворвались, спросили, кто я такой, кто еще тут живет, приступили к обыску. Обыскали сперва мою комнату, забрали и опечатали кое-какие легальные книги марксистского направления, составили протокол и дали подписаться. Потом вошли в комнатку товарища Сталина. Перевернули все вверх дном, шарили по углам, перетряхнули постель, но ничего не нашли. Книги товарищ Сталин после прочтения всегда возвращал, не держал дома, а нелегальные брошюры мы прятали между черепицами, у самого берега Куры. В этом отношении товарищ Сталин был очень осторожен.

После обыска второй комнаты снова составили протокол. Ушли ни с чем.

Я страшно волновался после их ухода — не знал, как предупредить, как дать знать товарищу Сталину об обыске.

Оказывается, во время обыска, как потом рассказывал товарищ Сталин, обсерватория была окружена снаружи полицейскими агентами. Агенты были в штатском, но узнать в них филеров наблюдательному глазу было нетрудно.

Все это бросилось товарищу Сталину в глаза, когда он проезжал на конке. Заметив на остановке такую необычайную картину, товарищ Сталин не сошел, конечно, и, как ни в чем не бывало, поехал дальше.

Сойдя у вокзала, он долго ходил по улицам в разных направлениях, чтобы только убить время и потом уже узнать, в чем дело.

Наконец, пройдя на Михайловскую улицу, товарищ Сталин заметил, что агенты попрежнему наблюдают за обсерваторией. Пришлось снова уйти от места оцепления.

Долго ходил товарищ Сталин по городу, и, когда вторично подошел к зданию, никого вокруг уже не было. Но все же он не поверил внешним признакам и прошел во двор не как обычно — через калитку, с улицы, — а окружным путем, по берегу Куры. Войдя в комнату, товарищ Сталин расспросил меня о случившемся. Я ответил, что были незваные гости.

Товарищ Сталин перешел потом на нелегальное положение.

(В. Бердзенишвили, Из воспоминаний. «Заря Востока» № 46 от 25 февраля 1938 г.)

С тех пор товарищ Сталин был всецело поглощен нелегальной партийной работой.

(Вано Кецховели, На заре создания партии рабочего класса. «Заря Востока» № 162 от 17 июля 1939 г.)

На другой же день после обыска жандармское управление вынесло постановление, в котором говорилось:

«... привлечь названного Иосифа Джугашвили и допросить обвиняемым по производимому мною в порядке положения о государственной охране исследованию степени политической неблагонадежности лиц, составивших социал-демократический кружок интеллигентов в г. Тифлисе». (Архив. Тбил. филиала ИМЭЛ, ф. 31, д. № 23, т. III, л. 2.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 15. Партиздат, 1937 г.)

«№ 1264. 28 марта 901. С января месяца сего года в г. Тифлисе вверенным мне Управлением наблюдалась группа лиц из интелегенции, как туземной, так и русской, которая, по агентурным сведениям, образовала социал-демократический кружок, имеющий целью систематической пропагандой возбудить среди местных рабочих недовольство своим положением, внушить им революционные идеи и тем способствовать подготовлению общего революционного движения рабочего класса.

По агентурным сведениям в состав Тифлисского социал-демократического кружка входят следующие лица:

Служащий в Тифлисской физической обсерватории Иосиф Джугашвили — интелегент, ведущий сношения с железнодорожными рабочими.

Инженер-химик Виктор Курнатовский — интелегент, читающий как в тайном кружке железно-дорожных рабочих, так и в таком же кружке наборщиков».

(«Отпуск» донесения Тифл. жанд. управл. в Департамент полиции от 28 марта 1901 г. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина, Выделения в тексте и орфография подлинника соблюдены.—*Авт.*)

7. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ. ОТЪЕЗД В БАТУМ

«Рабочие всей России решили праздновать Первое мая открыто на лучших улицах города. Они гордо заявили власти, что они не боятся казацких нагаек и шашек, пыток жандармов и полицейских!

Объединимся же и мы, друзья, с российскими товарищами! Подадим друг другу руки, грузины, русские, армяне, соберемся вместе, подымем красное знамя и отпразднуем единственный наш праздник — Первое Мая!».

(Из прокламации Тифлисской центральной партийной группы. Центроархив Грузинской ССР, ф. 158, д. № 355, 1901 г., л. 47.)

22 апреля 1901 г. на Солдатском базаре, в районе бывш. Александровского сада, в центре города, состоялась демонстрация, в которой приняло участие около двух тысяч рабочих заводов и фабрик Тифлиса. Демонстрантов атаковали полиция и казаки. Во время столкновения были ранены 14 рабочих и арестовано свыше 50 демонстрантов.

Товарищ Сталин участвовал в этой демонстрации и лично руководил ею.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 16. Партиздат, 1937 г.)

Избегнув ареста 21 марта 1901 года, товарищ Сталин перешел на нелегальное положение. Еще шире развернулась под его руководством подготовка к первомайской демонстрации.

Полиция пользовалась сведениями, которые доставляли ей провокаторы, предатели и изменники, затесавшиеся в рабочую среду.

Губернатору Свечину становится известен план рабочей демонстрации, и он 11 апреля 1901 года сообщает об этом главноначальствующему гражданской частью на Кавказе.

Первомайская политическая демонстрация тбилисского пролетариата была назначена на 18 апреля по старому стилю.

К 5 часам утра по первым фабричным гудкам рабочие, как обычно, собираются у себя в мастерских. Затем после третьего гудка, приблизительно в 5½ часов утра, вместо того, чтобы приступить к работе, рабочие всех фабрик и заводов должны были выйти на улицы и, соединившись в крупные колонны, с развернутыми знаменами двинуться в центральные части города—на Головинский проспект и Эриванскую площадь.

Полиция готовилась к разгону демонстрантов. О полицейском режиме можно судить по тогдашней статистике: городские расходы, например, в 1898 году составляли 1 147 тысяч рублей. Из этой суммы на содержание полиции тратилось 90 тысяч рублей, больше чем на содержание всех тифлисских учебных заведений. К этой сумме добавлялось на содержание полиции еще сто тысяч из казначейства.

Губернатор, находя полицейские силы малочисленными для подавления рабочей демонстрации, счел нужным подготовить казаков и затем уже пехотные части. Эти силы он предполагал вывести, якобы, для тренировки, с тем чтобы в нужный момент двинуть на толпу. Считая нежелательным преждевременное появление войск в большом количестве на улицах города, губернатор делает оговорку: «Я признавал бы необходимым сделать исключение для 10-го полицейского участка, где на юнкерский плац, кроме казаков, надлежало бы привести для военных упражнений роту 3-го Кавказского стрелкового баталиона, а на Артиллерийскую площадь — роту 2-го саперного баталиона и роту 1-го стрелкового баталиона для производства, будто бы, ротных учений. Своевременное сосредоточение в этой местности достаточной военной силы крайне важно, так как наибольшая партия рабочих может появиться из железнодорожных мастерских...»

В ночь на 18 апреля начались аресты. Полиция и войска наводнили рабочие районы. И тогда демонстрация переносится на 22-е число.

— О демонстрации 1901 года мы узнали накануне, в субботу 21 апреля, через десятских, хотя готовились задолго до этого дня, — вспоминают старые тбилисские рабочие.

В тот же день, 21 апреля, жандармский ротмистр Лавров сообщал по своему ведомству о том, что рабочие предполагают «отправиться к 9½ часам утра на Солдатский базар под предлогом покупок, с корзинками и другими подобными предметами, а там соединиться и поднять флаг».

Демонстрация развернулась на другой день, в воскресенье, по намеченному плану. В ней приняло участие около двух тысяч человек. Здесь были и железнодорожные рабочие из Главных мастерских и рабочие с завода Адельханова, с табачных фабрик и других предприятий Тбилиси.

Товарищ Сталин принимал непосредственное участие в этой демонстрации и лично руководил ее ходом.

Когда рабочие скопились возле Александровского сада на Солдатском базаре, был подан сигнал, и на заранее приготовленном древке взвилось красное знамя. Полиция и казаки, выжидавшие в смежных улицах, подъездах домов и казначейства, бросились в атаку на безоружные колонны демонстрантов.

Завязалась борьба вокруг знамени. Рабочие помнили клятву, данную на маевке 1900 года, и отстояли свое знамя. При столкновении было ранено 14 рабочих и свыше 50 демонстрантов арестовано. Это еще более укрепило революционную решимость пролетарских масс.

(К истории фабрик и заводов Тбилиси. Страницы революционной борьбы рабочих Тбилиси в 1898—1901 гг. Опубликовано в газете «Заря Востока» № 36 от 14 февраля 1938 г.)

Демонстрация рабочих на улицах Тифлиса — кавказской цитадели русского самодержавия — явилась крупнейшим политическим событием и оказала огромное революционное воздействие на весь Кавказ.

По поводу тифлисской демонстрации ленинская «Искра» в 1901 г. писала:

«Событие, бывшее в воскресенье 22 апреля (ст. стиля) в Тифлисе, является исторически-знаменательным для всего Кавказа: с этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение» («Искра» № 6, июль 1901 г.).

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 16. Партиздат, 1937 г.)

Это было в новый период, когда из разрозненных групп и кружков создавалась единая Российская социал-демократическая партия.

Газета «Брдзола»[1] пропагандировала идеи Ленина об открытой политической борьбе против самодержавия, о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, о руководящей роли пролетарской партии. «Необходима, — писала «Брдзола», — организация партии, которая будет сплочена не только по названию, но и по своим основным мыслям и взглядам на тактические вопросы. Наш долг—работать над созданием такой сильной партии, которая будет вооружена твердыми принципами и несокрушимой конспирацией».

Гранитный фундамент такой партии, партии нового типа, закладывали Ленин и Сталин в те исторические годы.

(П. Алексеев, От нелегальных маевок — к первой политической демонстрации. «Заря Востока» № 99 от 30 апреля—1 мая 1939 г.)

Политическая, организаторская работа центральной тифлисской партийной группы в 1901 году завершается организацией Тифлисского комитета РСДРП ленинско-искровского направления.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 16. Партиздат, 1937 г.)

[1] Первая грузинская нелегальная газета «Брдзола» («Борьба») — орган тифлисской револ. социал-демократии. Начала выходить с сентября 1901 года.

Среди старых домов по улице Кропоткина — одноэтажный домик, обозначенный цифрой девять, в три окна по фасаду. Он кажется самым незаметным..

В воскресный день 11 ноября 1901 года с различных концов города здесь собрались делегаты от социал-демократических рабочих кружков.

Их созвал Иосиф Виссарионович Сталин.

В тот далекий день в маленьком домике состоялась первая тифлисская конференция социал-демократической организации и был избран первый Тифлисский комитет РСДРП во главе с товарищем Сталиным.

(«Там, где работал великий Сталин». Опубликовано в газете «Заря Востока» № 94 от 24 апреля 1939 г.)

В 1900—1901 гг. Батум оставался вне влияния тифлисской социал-демократической организации.

(Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 17.)

На фоне значительного оживления революционного движения «отставание» Батуми было недопустимо. Поэтому в конце ноября 1901 г. по поручению Тбилисского комитета РСДРП в Батуми приехал товарищ Сталин.

Немедленно по приезде в Батуми товарищ Сталин установил связи с передовыми рабочими и организовывал социал-демократические кружки на крупных батумских предприятиях.

Товарищ Сталин последовательно отстаивал и пропагандировал среди батумских рабочих идеи революционного марксизма.

За один декабрь месяц 1901 г. товарищу Сталину удалось создать свыше 11 социал-демократических рабочих кружков, работой которых он лично руководил, почти ежедневно проводя занятия в двух-трех кружках.

(Лаврентий Берия, Знаменательная дата (Тридцатипятилетие батумской партийной организации). Газета «Правда» № 12 от 12 января 1937 г.)

До этого в Батуме работали «легальные марксисты» Карло Чхеидзе и другие. Чхеидзе уверял товарища Сталина, что в Батуме нельзя создать никакой революционной организации. Он даже уговаривал товарища Сталина уехать из Батума. Но товарищ Сталин знал лучше Чхеидзе, какие силы таятся в рабочем классе и что надо делать. Он поселился в рабочем районе Чаоба (ныне район имени Сталина) и горячо принялся за партийную работу. Батум был большим рабочим центром, где находились крупные нефтеперегонные заводы Манташева, Сидеридиса, Ротшильда, Нобеля. Товарищ Сталин горячо принимается за организацию на этих заводах кружков передовых рабочих, на которых он мог бы опереться в своей работе на отдельных предприятиях. Он сам ведет среди них пропаганду. В то же время он организует подпольную типографию, в которой сам составляет листовки и печатает их с помощью рабочих.

(Ем. Ярославский, О товарище Сталине, стр. 22. Госполитиздат, М. 1939 г.

«Развитие социал-демократического движения сделало большие успехи, когда осенью 1901 г. Тифлисский Комитет РСДРП командировал в

город Батум для пропаганды между заводскими рабочими одного из своих членов Иосифа Виссарионовича Джугашвили, бывшего воспитанника 6-го класса Тифлисской духовной семинарии. Благодаря деятельности Джугашвили стали возникать на всех батумских заводах социал-демократические организации, вначале имевшие главой Тифлисский Комитет».

(Донесение помощника начальника кутаисского губернского жандармского управления по Батумской области. Центроархив Грузии, дело № 1011.)

В ночь на 1 января 1902 года товарищ Сталин под видом встречи нового года созвал конференцию рабочих кружков, на которой присутствовало около 30 человек. На этой конференции оформилась Батумская социал-демократическая партийная организация — первый искровский Батумский комитет РСДРП.

Очень трогательно вспоминают об этой встрече старые рабочие Закавказья. Товарищ Сталин закончил свое выступление словами: «Вот уже рассвело! Скоро встанет и солнце. Это солнце будет сиять для нас. Верьте в это, товарищи!» («Батумская демонстрация 1902 года». Воспоминания Родиона Коркия.)

(Ем. Ярославский, О товарище Сталине, стр. 22. Госполитиздат, М. 1939 г.)

8. «УЧЕНИК — ПОДМАСТЕРЬЕ — МАСТЕР»...

Людвиг. Разрешите задать Вам несколько вопросов из Вашей биографии. Когда я был у Масарика, то он мне заявил, что осознал себя социалистом уже с 6-летнего возраста. Что и когда сделало Вас социалистом?

Сталин. Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе.

Людвиг. Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?

Сталин. Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо. Другое дело духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения.

Людвиг. Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?

Сталин. Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе. Но основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это

время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики. Что может быть в этом положительного?

(Из беседы товарища Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. Журнал «Большевик» № 8 за 1932 г., стр. 33—42.)

Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Я вспоминаю, как я на квартире у т. Стуруа в присутствии Сильвестра Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Михо Бочоришвили, т. Нинуа и других передовых рабочих Тифлиса получил уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом. Может быть, я был тогда немного больше начитан, чем многие из этих товарищей. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое, революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие. Позвольте принести им теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность. (А п л о д и с м е н т ы).

Я вспоминаю далее 1905 — 1907 гг., когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня, как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец и другие, с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками—с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Здесь я стал подмастерьем от революции. Позвольте принести теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность моим бакинским учителям. (А п л о д и с м е н т ы).

Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — товарищем Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции. Позвольте принести свою искреннюю, товарищескую благодарность моим русским учителям и склонить голову перед памятью моего учителя Ленина. (А п л о д и с м е н т ы).

От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку), к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) — вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества.

Такова, товарищи, подлинная картина того, чем я был и чем я стал, если говорить без преувеличения, по совести. (А п л о д и с м е н т ы, п е р е х о д я щ и е в б у р н у ю о в а ц и ю).

(Из «Ответа товарища Сталина на приветствия». Газета «Заря Востока», Тифлис, 10 июня 1926 года № 1197.)

Составители Вл. Каминский, Ив. Верещагин

Георгий Леонидзе
Перевод с грузинского Н. Тихонова

АРСЕН

(Из поэмы «Детство вождя»)

Грузинский поэт Георгий Леонидзе начал писать большую поэму о детстве и отрочестве товарища Сталина.

Сейчас Леонидзе написал вступление, в котором описывается родина великого вождя — Грузия, город Гори, где он родился, — и первые главы. Детство товарища Сталина проходило в обстановке, мало известной нашим советским детям и юношам. Все было другое: и природа, и люди, непохожие на современных, и старые обычаи и поверья, которые с колыбели окружали мальчика.

Героические сказания о прошлом народа, борьба за свободу, чаянья лучшего будущего отложились в сердце ребенка и, несомненно, явились первыми глубокими впечатлениями, под влиянием которых позже стал формироваться могучий революционный характер величайшего из людей мира.

В печатаемом отрывке речь идет о народном герое Арсене Одзелашвили, одном из любимейших героев грузинского народа. Сейчас о нем созданы одноименные фильм и пьеса. Подвиги Арсена воспевались странствующими музыкантами и певцами со всевозможными подробностями, изукрашенными народной фантазией.

В настоящем отрывке рассказывается, как Сталин, еще будучи ребенком, слушает такого певца и живо переживает песню об Арсене, боровшемся за права угнетенного народа. Арсен Одзелашвили был одним из его любимейших героев в детстве.

Все своеобразие грузинского стиха невозможно передать по-русски, но я, переводя, старался быть как можно точнее и ближе к подлиннику.

Н. Тихонов

И вошел во двор волынщик,
Закрывая шапкой взоры,
И в руке пестрела дудка,
Сверху донизу в узорах.

От небес ли скажет слово,
От земной ли нашей жизни —

Явит дудка золотая
Все, что сердце хочет вызнать.

Наполняй же рог обильный,
Добрословный и свирельный —
Это невод из Арагвы,
Переполненный форелью.

Чем старей вино, тем лучше,
Песня ж та, где слово ново,
Господина не боится,
Ни кнута его лихого.

Тут мальчишки стали кру́гом,
Собрались девчонок пары,
Выльет мех он, полный песен,
Трубокур — волынщик старый.

Дождь сочтет он весь по капле,
До единой капли точно,
Сыщет черную шерстинку
Р Черном море черной ночью.

Как луна рассыпет сахар
Над высокою горою,
Так словами, слов всех краше,
Да осыпет он героя.

Как взметнувший крылья сокол,
Как туренок в горной шири,
Рад Сосо волынке вольной,
Он стоит, глаза расширив.

Как с коня, слезает с палки
И, с толпой смешавшись тесной,
Жадно слушает, как льется
Про его героя песня.

—Ну, Сосо, Сосело, кто же
Целой сотне шел в замену?
— Мать выращивает сына,
Пусть подобного Арсену.

— Я люблю, люблю Арсена,
Я поклялся словом брата,
Мышцы рук его — железо,
Кости крепостью богаты.

— Люльку б золотом отделать,
Где качался этот малый...
Иногда и богу равен
Тот, кого земля избрала...

Он поет, закинув шею,
В соловьином, легком пыле,
Из волынки лётом тигра
Вдруг летит Одзелашвили.

И встает перед Сосо он —
В шапке войлочной и в чохе,
Сын у матери единый,
Знавший тьму и хлеба крохи.

Он встречал его и прежде,
Сердце помнит эти встречи
У Лиахвы, на опушке,
В горной мгле, в нежданный вечер.

Да, Арсен, герой Сосело,
Не ушел на небо с громом,
Не имел златого трона
В небесах или хором он.

Жив! Он жив! И на земле он,
Бьет врагов народа многих,
А в бою народ согнется —
Завтра вновь придет подмогой.

Крепок он, как корни «дзелква»,
Он стоит железностройный,
Ведь Сосо любить не может
В битве дрогнувшего воина.

Светом собственным светяся,
Детским вызванный виденьем,
Смотрит тихо на Сосело,
Став единым сердцезреньем.

— У богатых отнимал я,
Бедняки чтоб сыты были,
Я — надежда безнадежных,
Я — Арсен Одзелашвили.

Видел я раззор, убийства,
И грабеж родного края,
Шла трава обратно в землю,
Со стыда за нас сгорая.

Вместо тьмы хотел я солнца
И конца ночам жестоким,
Обсушить хотел земные
Крови реки, слезотоки.

Чтобы выстланная светом
Жизнь красивейшая пела, —
Мне шипы вонзились в тело
Не один, а триста целых.

Не умру, не видев неба
Голубым и беспредельным,
Мы росли с одной надеждой,
С той же песней колыбельной.

И его убили...
Слезы

У Сосо вскипают грустно:
— Кто же в смерть твою поверит,
О прекрасный, черноусый!

И под дубом темноглавым,
У дороги смертью ранен,
На одно он встал колено,
На плече зажглось сиянье.

Просветлевший, яснолобый,
Он глядит, как будто ожил,
Верь, Сосо, что темной жизнью
Сердце жить никак не сможет!

Пусть валяются скотами,
Рабский хлеб ища в заботе,
Пусть лежат стволом ветвистым
Тихо сгнившие в болоте.

Я хочу помчаться к солнцу,
Скакуна огревши плетью —
Мы же солнце отраженье,
Почему ж во тьме гореть нам.

Смерть к нему подходит ближе
Хочет сжать его мгновенно,
Но живой водой бессмертья
Сам народ кропит Арсена.

Сила рук и чуб заветный
Взяты ямою холодной,
Только сердце его стало
Клятвой вечною, народной.

Солнце льется за вершины,
Радо дудке голосистой,
Над Курой блестят павлиньи
Виноградовые листья.

Сердце сад кропит слезами
Наш певец, и задрожали
И осины и крестьяне,
Что серпы к плечу прижали.

Как словам таким разбиться,
Что звенели и рыдали,
Сотни крыльев их подхватят
И умчат куда-то дале.

З. Фазин

КРЕПОСТЬ НА ВОЛГЕ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ[1]

I

В степи и в рыбацких селениях, разбросанных по берегу Волги, от моря до Астрахани, осели тысячи бойцов и беженцев, отступивших с Кавказа. Не у всех хватило сил дойти до города; многие, добредя до первого поселка, тут и оставались, кормились мерзлой рыбой, чилимом и зелеными побегами камыша и ждали полной весны, чтобы по Волге добраться до Астрахани.

С конца марта, когда сошел лед и Волга широко разлилась, бойцы со всего края начали стекаться в Астрахань. Сплошными потоками двигались через город пешие и конные, таща за собой пулеметы и пушки. С обозами шли женщины и дети...

Еще совсем недавно, как только на улице появлялся исхудалый и оборванный солдат, по внешнему виду которого нетрудно было заключить, что он пришел из степи, во дворах тотчас же запирались на цепь калитки, в домах захлопывались двери, на окнах опускались шторы. Бойцы шли по безлюдной, молчащей улице, и им казалось, что они вступили в опустевший, вымерший город.

Теперь горожане перестали их бояться. Проходивших солдат встречали без страха, даже приветливо; женщины выносили им воду, впускали озябших погреться, поили их морковным чаем. В Астрахани попрежнему было голодно, хлеба выдавали в обрез, но с каждым днем становилось все заметнее, что в городе водворяется порядок. Тиф шел на убыль, хлебные лавки открывались во-время, прекратились ночные грабежи, самовольные аресты и реквизиции, спекулянты и белогвардейцы попрятались или удрали после мятежа.

На Черепахе — небольшом острове в предместье Астрахани — формировалась новая дивизия из остатков отступившей армии. Киров проводил там дни и ночи. Отбирал командиров, подолгу беседовал с ними, назначал в части. Переполненный войсками город походил на военный лагерь. В кинотеатрах, освобожденных от тифозных, в облупившихся особняках сбежавших генералов и рыбопромышленников, в церквах и школах — везде стояли войска.

---

[1] См. «Молодую гвардию» № 10—11 за 1939 год. Повесть печатается с сокращениями; полностью повесть выходит отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия».

С весны на город надвинулась новая угроза.

С востока к Волге шел Колчак. Разведка доносила, что скопившиеся под Гурьевом уральские и астраханские белоказаки готовят удар на Астрахань. На Каспии свободно разгуливали английские и деникинские корабли. Частенько они заходили даже на двенадцатифутовый рейд, у самого устья Волги.

Дорога к нефти и хлебу, в которых так остро нуждалась страна, была закрыта. Рыбаки не могли выйти на путину — сторожевые суда противника гнали их обратно в устье. На острове Чечень, близ Петровска, англичане спешно сооружали аэродромы. Было ясно, что англичане намерены в ближайшее время высадить большой десант в устье и начать продвижение вверх по Волге.

В эти дни к Кирову пришли два гонца из Дагестана. По их изодранным черкескам и обветренным, изможденным лицам было видно, что они совершили далекий и опасный путь. Одного из них — крепкого жилистого старика с седой бородкой — звали Темир. Второй был моложе и, когда Темир заводил речь, тотчас умолкал и почтительно отодвигался в сторону, оправляя висевший на плече какой-то странный продолговатый ящик. Оказалось, что в этом ящике лежит динда. Пробираясь через деникинские заставы, Темир выдавал себя за слепого ашуга, а спутника своего — за поводыря. Шли они берегом моря, устьем Волги, часть дороги ехали на верблюдах, переправлялись по льду через замерзшие протоки и озера, а там, где была чистая вода, передвигались на лодках. В подкладке черной черкески Темира было зашито письмо дагестанского подпольного ревкома. Отдав его Кирову, Темир сказал:

— Большой привет тебе от Дагестан и всей Кавказ. Горячий привет!

— От всего Кавказа, — рассмеялся Мироныч. — Ну, спасибо...

Он развернул письмо — небольшой листок, пахнувший потом, содержал в себе секретное сообщение о положении в Дагестане.

Пока Мироныч читал письмо, дагестанцы молчали. Каждый шаг его, каждое движение казалось им важным и значительным. Читая письмо, Мироныч время от времени бросал взгляд на карту Каспия. Темир покачал головой и шепнул своему спутнику по-дагестански.

— Мать, родившая этого человека, действительно сына родила.

Дагестанцы заметили, что Мироныч все время стоит и тоже поднялись.

— Сидите, пожалуйста, — сказал им Мироныч, — вы старше...

— Нет, ты старше, сын мой, — ответил Темир.

Наконец, Мироныч и горцы уселись. Рассказ Темира о положении Дагестана Киров слушал молча, изредка делая пометки в своем блокноте: «Дагестан», «Помощь оружием и деньгами», «Зреет восстание». Над этими пометками очертилась волнистая линия гор. Рука Кирова машинально вырисовала двугорбую вершину Эльбруса.

Темир умолк и посмотрел на Кирова.

— Будет помощь?

— Будет... — ответил Мироныч.

Он снял трубку и позвонил к себе домой. К телефону подошел Лещинский.

— Сейчас же приезжай в ревком.

— Еду...

Три дня спустя на совещании в штабе флотилии, по плану Кирова, было решено дать бой англичанам и белым, не дожидаясь их наступления. План намечал комбинированный удар по Петровску: с моря силами Волжско-каспийской флотилии и с суши — отрядами горских повстанцев и партизан. В случае успеха это открывало дорогу к бакинской нефти. Кроме того, флотилии ставилась задача уничтожить английские аэродромы на острове Чечень и захватить форт Александровск, где у белых была крупная радиостанция, служившая основным пунктом связи между войсками Деникина и Колчака.

Подготовка удара с суши была поручена Лещинскому, и вскоре он вместе с горцами уехал в Дагестан. Пароход должен был довезти их до устья, а там им предстояло совершить остальной путь пешком и на рыбацких лодках. Ранним утром Киров провожал Оскара. В порту, у берега, стоял громадный серый ледокол. Густой черный дым валил из труб и таял в светлеющем небе.

— Значит, едешь, — тихо говорил Киров, крепко сжимая руку Оскара. — Ну, что ж...

Оскар был возбужден, уши у него горели.

— Еду, Мироныч...

Он взялся за холодный поручень бортовой ограды, поковырял свежую масляную окраску и посмотрел искоса на Кирова.

— Что тебя беспокоит?..

— Да нет, я просто думаю... — улыбнулся Мироныч и озабоченно вздохнул. — Затеяли мы дело большое. Тут надо учесть все...

— Надеюсь, все будет в порядке... Вы только не задерживайте выход флотилии.

— Мы-то не задержимся... А вот будете ли вы готовы к тому дню, когда наши корабли появятся на море?

— Мы тоже не задержим, уверяю тебя, — решительно ответил Лещинский. — В тот день, когда вы придете на рейд, я протелеграфирую вам из Петровска: «Добро пожаловать!..»

Они рассмеялись, обняли друг друга, поцеловались...

Над Волгой прокатился зычный гудок. Первые лучи солнца озарили верхушку астраханского собора. На берегу — в затонах, у кораблей — суетились матросы и рабочие. Большими серыми утюгами застыли у берега миноносцы. С их палуб грозно смотрели в сторону Форпоста темные жерла дальнобойных орудий. Эти миноносцы — их было всего четыре — пришли сюда осенью прошлого года из Балтики; через шлюзы Мариинской водной системы их удалось перевести на Волгу. Теперь они были гордостью Астраханской флотилии, насчитывавшей, кроме них, еще десятка три военных судов, — обычных речных пароходов, вооруженных пушками и перекрашенных из белого в стальной цвет — цвет моря. Многие корабли еще стояли в ремонте. По всей гавани раздавался торопливый стук топоров, шуршали рубанки, слышался многоголосый говор и остро пахло смолой и сыростным тлением прошлогодней травы...

Стоя на палубе отходившего от пристани парохода, Оскар долго махал издали рукой Кирову...

2

Ночью корабли вышли из залива на главное русло Волги. Киров стоял на борту миноносца и задумчиво смотрел на бежавшие навстречу изви-

листые камышевые берега. С моря нанесло облака, стал накрапывать дождик. В темноте осталось позади Оранжерейное, промелькнула деревня Оля, мигнувшая на пригорке керосиновыми огоньками окон; за Оля потянулись пустынные места — песчаные отмели, займища, густо поросшие кустарником и высокими, в человеческий рост, камышами. Изредка попадались вышедшие на ночной лов рыбаки. С удивлением смотрели они на корабли, озаренные скупыми редкими огоньками. В стройной кильватерной колонне шли впереди четыре миноносца — «Москвитянин», «Карл Либкнехт», «Прочный» и «Пылкий». Позади тянулась большая армада из разных судов, в большинстве небольших, предназначенных, скорее, для перевозки нефти, угля и соли, нежели для морского боя.

Миновали вскоре и Бирючью косу, где была прежде таможенная застава и карантин для чумных и холерных. Подул встречный ветер, корабли закачались на свежей волне. Впереди блеснули огни маяка.

— Однако! — озабоченно сказал поднявшемуся на мостик Кирову командир флотилии Никитин, седоусый моряк, с трубкою в зубах. — Еще неделю назад, по донесению разведки, маяк не работал...

— Это значит, что мы во-время вышли... — усмехнулся Мироныч.

— Безусловно, — подтвердил командир, расхаживая по мостику. — Теперь совершенно очевидно, что они готовятся итти на Астрахань. Наше появление будет для них весьма неожиданным сюрпризом!..

— Тем лучше!..

Маяк прошли благополучно. Но в третьем часу ночи, когда флотилия уже была в открытом море, справа по борту флагманского миноносца показались огни. Поднялась тревога. Огни приближались и развернулись в темноте искрящейся длинной цепочкой. Потом из мглы по вздыбленным, пенистым просторам Каспия пополз сверкающий луч прожектора. Вспыхнул второй прожектор и заметался по небу, закрытому облаками. Флотилия развернулась и приняла боевой порядок. Моряки застыли у своих мест в беспокойном, томительном ожидании. Прожекторы противника торопливо ощупывали море...

— Придется начать... — сказал Никитин Миронычу. — Ну-с, а теперь вы, надеюсь, уйдете с мостика?..

— Наоборот! — ответил Мироныч. — Теперь-то я и не уйду.

— Как хотите, — пожал плечами командир. — Я открываю огонь...

С миноносца передали на корабли приказ итти на сближение с противником.

Бой был коротким: минут десять потрясали Каспий орудийные выстрелы, в темноте вздымались гигантские всплески воды, на миноносце снесло стеньгу и выбило стекла в штурманской рубке. Потом все стихло. Противник, — повидимому, это были английские сторожевые корабли, — погасил прожекторы и ушел на запад, в ночные дали моря. Едва только исчезли огни неприятельских кораблей, посыльное судно передало с флагманского миноносца по флотилии приказ: итти без огней курсом на восток к форту Александровскому.

3

Далеко на востоке показался мигающий зеленый огонек; он то загорался, то гас, снова загорался... Это был Тюб-Караганский маяк. Мироныч поспешил к штурманской рубке.

— Ну, виден уже маяк, — озабоченно сказал Никитин. — Как только мы его обогнем, откроется бухта...

Небо светлело... На горизонте из голубоватой дымки выглянула снеговая вершина горы Кара-Тау. Флотилия шла теперь вдоль пустынного мертвого берега Мангышлака.

— Приготовить пулеметы! — кричал капитан в рупор. — По местам!

Впереди выросла узкая стрела маяка. Блеснула розовая гладь бухты. Длинная, песчаная коса, загибавшаяся от севера к юго-востоку, совершенно закрывала ее от морских ветров. На косе темнели мазанки рыбачьей слободы. За бухтой, на горе, проступали очертания старой полуразрушенной крепости: невысокие стены спускались зигзагами по крутым скатам горы. Мироныч молча смотрел на этот глухой, заброшенный уголок: так вот он, форт Александровск, — проклятая, гнилая дыра, куда ссылали политических и каторжан, куда сослали Тараса Шевченко... У песчаных отмелей форта покачивались рыбачьи баркасы.

— В форту ни одного корабля! — радостно проговорил Никитин. — А вон, смотрите правей, радиостанция!..

Когда флотилия ворвалась в бухту и застопорила машины у берега, одной из первых подошла к берегу шлюпка, в которой был Мироныч.

В поселке, еще объятом сном, залаяли встревоженные псы. Держа ружья наперевес, моряки рассыпались по песчаному безлюдному берегу форта: часть бросилась в казармы — разоружать гарнизон, часть побежала к крепости, а Мироныч с отрядом в тридцать человек ринулся к радиостанции, небольшому домику, стоявшему недалеко от поселка. В окне радиостанции горел свет. На бегу Киров заметил, как с врезавшейся в песок шлюпки соскочил Губин и помчался в противоположную сторону, к причалам форта.

— За мной! — кричал он, размахивая в воздухе револьвером. — Вперед!

Бежать было тяжело; ноги вязли в песке, усеянном мелкой ракушей; местами из земли выдавался известковый камень, и Мироныч старался бежать, где можно было, по этим твердым островкам, это ускоряло бег... Часто дыша, Мироныч чувствовал какой-то противный запах гнили, разлитый в воздухе. Вот, наконец, и радиостанция. Моряки окружили домик и взяли наизготовку винтовки.

— Спокойно! — сказал им Киров.

Он вытащил револьвер и подошел к низенькой дубовой двери радиостанции...

Постучал. Прошла минута, другая...

— Иду! — послышался изнутри хрипловатый, сонный голос радиста. Глухо лязгнул отодвигаемый засов, дверь открылась, и на пороге показался высокий, растрепанный радист в ночной сорочке. Он не успел и крикнуть, — его связали и посадили в угол комнаты, где стояла рация.

— Эт-то... Эт-то... что? — ошалело бормотал он, оглядывая шарящих по всем углам матросов с красными звездочками на бескозырках. — Что т-та-кое?..

— Ключи к шифрам, живо! — потребовал Киров.

— К-ка-кие ключи? — заикаясь переспросил радист. — К-то вы такие?..

— Говорите правду, если вам дорога жизнь: вы успели что-нибудь передать о нашем захвате форта?

— Когда же я мог успеть? Ведь...

— Спали?

— К-ко-неч-но!..

Моряки складывали на столе перед Кировым найденные в комнате толстые, истрепанные журналы, старые шифровки, папки с копиями проходивших через станцию радиограмм. Мироныч придвинул к себе керосиновую лампу и углубился в чтение...

...— Все! — крикнул с порога Губин, вбегая в комнату радиостанции. — С гарнизоном кончено, форт наш!..

У аппарата сидел Киров и диктовал шифрованную радиограмму в Астрахань о первой победе.

С бастиона старой крепости была видна бесконечная, выжженная солнцем пустыня. По песчаным барханам к форту плелись верблюды, — это съезжались из окрестных аулов населяющие Мангышлак туркмены и киргизы.

— И здесь, среди этого безлесья и безводья, могут жить люди? — спрашивал Никитин и пожимал плечами. — Живут и живут. Не могу понять...

Киров молча улыбнулся.

— Вы теперь убедились, что это за край? — продолжал Никитин.

— Я думаю вот о чем, — отозвался Мироныч. — Надо раздать населению немного свежей пресной воды из наших запасов.

— Немного могу... — кивнул головой Никитин.

— Когда кончим войну, мы решим эту проблему. Мы дадим воду всему полуострову и тогда возьмем у него все, что он хранит в своих недрах. Все: и нефть, и руду, и соль, и медь, и каменный уголь. Все возьмем, как настоящие хозяева. Тогда вы увидите, какой это будет край!

— Посмотрим, что ж, — скептически заметил Никитин. — Не будем сейчас так далеко заглядывать вперед...

— Надо, Афанасий Иваныч...

— Что? — не понял Никитин.

— Заглядывать! — с улыбкой ответил Мироныч.

В заливе кучерявились барашки. Под гафелями кораблей трепетали на ветру алые флаги. На берегу толпились местные жители и выпрашивали у моряков табак, пресную воду, хлеб. Поселок был завален рыбой, тюленьим мясом, но не имел хлеба.

— Население до сих пор не может поверить, что мы пришли из Астрахани, — усмехнулся Мироныч. — Днем на митинге меня все спрашивали: откуда у вас корабли? Как вас пропустили сюда англичане? Ведь они по всему морю шныряют... Мне думается, что о захвате форта не подозревают пока ни в Петровске, ни в Гурьеве...

— В Петровске, пожалуй, уже знают...

— Нет... Радист ничего не успел передать, — возразил Киров. — Мы взяли у него шифры, и станция сейчас в действии...

— Работает? — удивился Никитин.

— Хотите посмотреть?... Пойдемте...

Они повернули к радиостанции.

— Беспокоит меня, что до сих пор не вернулась наша разведка, — сказал Никитин. — Придется до утра не предпринимать дальнейших действий.

Он придержал шаг и внимательно оглядел в бинокль пустынный, меркнущий горизонт. Ушедших в полдень на разведку катеров не было видно. Багровые полосы на море гасли, ветер крепчал, вздымая в форту целые смерчи меловой пыли.

У дверей радиостанции им отдал честь Губин и перешагнул вслед за ними порог...

— Есть новости, Губин? — спросил у него Мироныч. — Вижу по глазам, что есть!.

Комната радиостанции утопала в густом махорочном дыму. За столом корпели над шифрами вызванные с кораблей шифровальщики. У аппарата сидел радист флотилии — широкоплечий моряк с черными курчавыми бакенбардами. Он встал, козырнул, слегка прикоснувшись двумя пальцами к бакенбарде, и отрапортовал:

— Позвольте доложить. Только что генерал Толстов из Гурьева вызывал нас и предложил принять на всякий случай меры охраны от красных, которые...

Он прыснул, приложил руку к широко расплывшемуся рту и продолжал:

—...которые, якобы, находятся в море, недалеко от форта. По указанию нашего временного начальника, — радист указал на Губина, — мы ответили благодарностью за предупреждение: мол, ладно, будем осторожны и учтем!

Шифровальщики захохотали.

— Правильно! — одобрил Мироныч. — Еще что?

Губин выступил вперед, протянул Кирову листок. Никитин заглянул через плечо Мироныча и с удивлением задвигал бровями. Киров беспокойно почесал лоб и оглянулся на Никитина.

— Да! — только и мог выговорить Никитин.

Он взял из рук Мироныча листок и полез в карман за носовым платком. Намотав на палец конец платка, он вытер запыленные уголки глаз и снова прочел листок.

— Ну, знаете, — пробормотал он, — это редкая удача!..

Мироныч подошел к радисту.

— В Гурьев вы эту радиограмму не передавали?..

— Нет еще...

— Вызывайте Петровск и сообщите: к встрече «Лейлы» готовы!..

— А в Гурьев? — спросил радист, садясь за аппарат, — туда ничего?

— Ни слова, — ответил Мироныч.

Радист надел наушники и застучал ключом.

Киров еще раз медленно прочел радиограмму:

«К адмиралу Колчаку из Петровска на паровом баркасе «Лейла» в сопровождении крейсера выехала военная делегация штаба генерала Деникина во главе с генералом Гришин-Алмазовым. Примите меры к встрече судна в море, охраны его в виду особой важности, и, по сопровождении в Гурьев, обеспечьте быстрейшую доставку делегации в штаб верховного правителя».

— Передали? — спросил у радиста Мироныч.

Радист приплясывал на стуле и раскачивался, словно играл на гармонии.

— Так точно! — вскочил он, снимая наушники и расправляя бакенбарды. — Слово в слово: к приему «Лейлы» готовы. Еще что передать?

— Больше ничего...

Мироныч обернулся к Никитину; с минуту они молча смотрели друг на друга, а потом рассмеялись и быстрым шагом вышли из радиостанции.

Радисты повскакали со своих мест, зашумели.

— Нынче по-старому пасха, — смеялся радист. — Так Деникин, видать, поздравления шлет Колчаку и куличи. Христос воскресе!..

— Помалкивай! — строго крикнул Губин.

Он выбежал за дверь. Мироныч и Никитин быстро шли к берегу. В рыбачьей слободе слышались песни. Уже смерклось, горизонт потемнел, у берега море было ослепительно синим, а дальше, за косой, бежали белые пенистые гребни волн; издали казалось, что низко над морем носятся чайки, широко распластавшие острые крылья.

С тоской смотрел Губин на шлюпку, быстро уносившую Мироныча к миноносцу. Минут через десять из труб корабля повалил густой дым, а еще через три минуты заработали винты. Корабль взбурлил воду в заливе и ринулся в открытое море.

4

На рассвете, когда в разорванной солнцем туманной дали моря очертился горизонт, миноносец привел в форт на буксире небольшой темно-серый баркас.

Киров сидел на палубе баркаса в глубоком раздумье. На коленях у него лежала мягкая, кожаная папка, оклеенная внутри яркожелтым шелком. В руках Мироныч держал небольшое письмо, найденное у генерала Гришин-Алмазова при захвате «Лейлы». Оно было адресовано Колчаку. На плотной меловой бумаге аккуратной машинописью излагался секретный стратегический план объединения армий Деникина и Колчака. Перед глазами Мироныча чернели строки:

«...Неуспехи наши кроются в разрозненности наших армий, а также в том, что союзники не дают нам достаточной помощи. Англичане помогают нам снабжением, но французы противодействуют. Главное сейчас — не останавливаться на Волге, а бить дальше, на сердце большевизма, на Москву. Поляки будут делать свое дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград.

Даст бог, встретимся в Саратове и там решим вопрос о власти».

Под этим письмом стояла размашистая подпись Деникина.

«Этот документ стоит больше самого блестяще выигранного сражения, — думал Мироныч. — Но как его передать в Москву?..»

Сойдя на берег, он направился в штаб десанта.

В штабе прибывшие с миноносца моряки наперебой рассказывали собравшимся командирам и комиссарам флотилии о том, как была захвачена «Лейла». Увидев вошедшего Кирова, все смолкли.

— А, поздравляю! — радостно поднялся навстречу ему Никитин. — От всей души поздравляю, Сергей Мироныч.

— Что, вернулась разведка? — спросил Киров, здороваясь с командирами и комиссарами. — Какие новости?

— Весьма неутешительные, — ответил Никитин. — В районе рейда замечено большое скопление судов противника...

— В районе рейда?

— Да...

Командиры и комиссары сгрудились вокруг Кирова.

— Ну, товарищи, — сказал Киров. — Трудно переоценить значение тех документов, которые попали к нам в руки. Ради одного этого стоило итти на Каспий. Среди этих документов имеется детальный стратегический план комбинированного похода Деникина, Колчака и Юденича на Москву и Питер. Наша первоочередная задача — не медля ни одной минуты, передать эти документы в Москву. Всем вам понятно, какую роль могут они сыграть в организации отпора идущему сейчас наступлению белых армий...

Никитин покачал головой, вздохнул.

— Учтите донесение разведки...

— Я учел, — ответил Киров. — Но чего бы нам это ни стоило, — документы должны сегодня уйти на Астрахань.

— Но нас сторожит противник!..

— Что делать? — развел руками Мироныч. — Нам надо протолкнуть в устье хотя бы один корабль с этими документами. Придется принять бой... В случае удачного исхода боя — двинемся прямо на Петровск...

— Ну, что ж, — сказал Никитин. — Да будет так!.. По кораблям!..

Из штаба десанта Киров направился к радиостанции. Было уже светло, на берегу толпились матросы, с любопытством разглядывавшие генеральский баркас. Пленные офицеры, измазанные в угольной пыли, мыли палубу. Мироныч вспомнил, как смешно они суетились на этой палубе, когда из мглы моря на них упал яркий луч прожектора, направленный с миноносца. Они приняли миноносец за патрульное судно, высланное им навстречу для сопровождения в форт, и спохватились только тогда, когда миноносец вплотную подошел к «Лейле». С баркаса застрочил пулемет и загремели беспорядочные выстрелы. В свите генерала Гришина было десятка два офицеров, которые оказали отчаянное сопротивление. Выстрелами из револьверов они убили одного и ранили троих моряков, которые первыми вскочили на палубу «Лейлы». Бой продолжался недолго; больше половины офицеров было перебито, остальные сдались в плен. Тогда матросы бросились искать генерала. Нашли его в каюте капитана: выстрелом из револьвера генерал поспешил покончить с собой, не успев даже уничтожить свои бумаги, лежавшие в желтой кожаной папке...

— Что новенького, Губин, — сказал Киров, переступая порог радиостанции.

Губин лежал на койке. Быстро откинув одеяло, он встал и растерянно принялся запихивать за клеш выбившуюся полосатую тельняшку.

— Так вы уже вернулись? — удивился Губин. — Вот здорово!

Мироныч потормошил задремавшего у аппарата радиста.

— Спать на дежурстве не полагается.

Радист открыл глаза и забормотал извинения.

— Ничего нового не передавали сюда?

— Нет, — ответил радист. — Что-то перестали нас вызывать...

Губин торопливо натянул на себя голландку и надел бескозырку.

— Ну, прощай, — сказал ему Киров. — Береги станцию.

— Позвольте, — запротестовал Губин. — Опять уезжаете?

— Да...

— Разрешите и мне. Не могу я тут...

— Ты останешься здесь, Губин. Мы скоро вернемся...

В десятом часу утра из форта один за другим стали выходить в море корабли. На берегу толпились рыбаки и матросы, оставшиеся охранять форт. Крепкая моряна гнала навстречу уходящей флотилии мутные волны и рвала на мачтах алые флаги. Из окна радиостанции смотрел на исчезающие корабли радист с бакенбардами и говорил опечаленному Губину, что, в конце концов, не так уж скучно на этом пустынном берегу Мангышлака.

5

Моряна стихала. Наступали сумерки. Вахтенные на кораблях, оставшихся в форту, отбивали склянки. Было жарко, душно: над поселком вихрилась пыль...

В бухте теперь было тихо; основные вооруженные силы флотилии ушли в море; остались для охраны форта лишь три боевых корабля — ледокол «Каспий», миноносец «Москвитянин» и небольшой теплоход «Демосфен».

Губин сидел в тени, под окном радиостанции, на большом известняковом камне и с тоской оглядывал эти корабли.

— Эй, начальник! — крикнул через окно радист. — Скорей сюда иди...

Губин неохотно встал с камня, слегка почистил брюки.

— Чего тебе?

— Да иди сюда, — звал радист. — Такая депеша получена, что не дай бог!..

На пороге Губина едва не сшиб с ног выбегавший из дверей взволнованный шифровальщик.

— Смотри! — сказал он, передавая Губину радиограмму, — из Астрахани. Ох, ты ж, мать моя!

Руки его дрожали, на худощавом, вытянутом лице застыл испуг.

— Продали нас! — послышался из комнаты озлобленный голос радиста. — Продали нас, Иуды!..

Радиограмма была адресована Кирову. Между строк, под условными цифрами и значками, был записан расшифрованный текст. Атарбеков сообщал, что из Дагестана получены крайне важные вести. Белой разведке удалось захватить подпольный ревком, как раз накануне выступления повстанцев; арестован и Оскар. Повстанцы совершили смелый налет на поезд, в котором везли Лещинского из Темир-Хан-Шуры в Петровск, но поезд проскочил. Тогда три тысячи повстанцев спустились с гор и пошли приступом на Петровск, но были разбиты и отогнаны обратно в аулы. Сейчас англичане сконцентрировали в Петровске большие силы. Очевидно, заключал Атарбеков, план совместного удара по Петровску силами флотилии с моря и повстанцев с суши был им кем-то выдан. Имеются сведения, что штаб английских и деникинских войск на Каспии был отлично осведомлен о предстоящем походе флотилии.

— Постой, постой! — бормотал Губин, в третий раз перечитывая эту радиограмму. — Постой-ка!..

На шее у него вздулись жилы, уголки рта вздрагивали.

Он не верил своим глазам: прочел радиограмму еще раз...

Вдруг он скомкал ее, зажал в кулак и побежал к берегу.

Оставшейся частью флотилии командовал младший флагман Буров, штаб которого находился на ледоколе «Каспий». Ледокол стоял на якоре посреди залива. Достигнув берега, Губин прыгнул в первую попавшуюся шлюпку и заработал веслами. Вскоре он был уже на корабле, но Бурова там не оказалось.

— Где он, браток? — тормошил вахтенного Губин.

— В крепости, — ответил вахтенный. — Не дергай...

Губин вернулся на берег и помчался, вздымая на дороге густую пыль, к крепости, стоявшей от берега верстах в пяти. Когда он, весь потный, запыхавшийся от быстрого бега, уже приближался к бастионам крепости, в бухте неожиданно завыла сирена. По кораблям пронесся сигнал боевой тревоги. Из ворот крепости выбежал Буров и, придерживая рукой кортик, пустился к заливу. За ним кинулись на свои корабли штабные и моряки.

— Товарищ командир! — кричал Губин. — Получена срочная депеша. Срочная!

Он несся с горы к бухте, в туче пыли, рядом с Буровым. На кораблях все громче и настойчивей выли сирены. Буров прочел на бегу радиограмму и приказал:

— Попытайтесь сейчас же связаться по радио с нашей эскадрой, передайте депешу Кирову и сообщите, что нас атакует противник!

— Есть!..

Далеко на горизонте дымили трехмачтовые корабли. Они приближались, и в бинокль уже были видны и названия некоторых: «Президент Крюгер», «Ардаган», «Карс». Их было около двадцати.

Навстречу им первым вышел из бухты миноносец «Москвитянин». За ним спешно снялись с якорей «Демосфен» и «Каспий». Всем вооруженным судам, стоявшим в порту, был отдан приказ приготовиться к бою. Когда Губин добежал до радиостанции, с «Москитянина» прозвучал первый орудийный выстрел. Гигантские всплески поднялись вокруг «Москвитянина». Палуба миноносца окуталась дымом...

В первые минуты тревоги Губин был охвачен одной только мыслью: поскорее добраться до радиостанции и передать депешу ушедшей эскадре. Теперь, когда радист, надев наушники, принялся выстукивать в эфир позывные, Губин начал приходить в себя; и вдруг он понял, что форт в отчаянном положении. Главные вооруженные силы флотилии ушли, а оставшиеся корабли не смогут долго противостоять натиску мощных судов противника. На «Москвитянине» было всего три орудия, и все — трехдюймовки. Не выдержав боя с тяжелой артиллерией противника, он повернул обратно в порт. Огонь повел «Каспий». Из окна радиостанции было видно, как на «Каспии» загорелась рулевая будка. К грохоту его бортовых орудий присоединили свой зычный рев и батареи «Демосфена».

— Давай, давай, скорей! — торопил Губин радиста. — Какого лешего их всех принесло сюда? Горяченького захотелось? — он оборачивался к

окну: — Еще, братва! Еще разик! — потом снова к радисту: — Ну, что ж ты, чорт... Скорей!..

Шальной вражеский снаряд побил шлюпки под кормой «Демосфена». Неприятельские корабли все ближе подходили к форту. Весь свой огонь они сосредоточили на «Каспии» и «Демосфене», которые героически отбивались от наседавшего врага своими мелкокалиберными орудиями. Одно неприятельское судно пылало... Густой, едкий дым рвался из машинного отделения корабля. На другом судне снаряд, посланный с «Демосфена», разбил рубку. Было видно, как рухнула вниз стеньга носовой мачты «Ардагана».

— Есть! — кричал, не помня себя, Губин. — Еще, еще, давай, братва! Они нас попомнят!..

Радист тщетно продолжал выстукивать позывные: рация флагманского корабля ушедшей эскадры не отвечала.

— Пропали! — шептал он побелевшими губами.

«Каспий» уходил в форт; неприятельские снаряды ложились у самой его кормы, вздымая огромные столбы воды. Над командирским мостиком вдруг взвилось белое облако; снаряд, очевидно, угодил в машинное отделение и разбил паровую магистраль. На помощь вышедшему из строя кораблю поспешил пароходик «Бакинец», снял всю команду и высадил на берег. Моряки побежали к крепости. На разрушенной стене крепости спешно устанавливались пулеметы. Туда бежали с винтовками наперевес и моряки, высадившиеся с «Москвитянина»: от сильного нагрева его орудия вышли из строя.

Один «Демосфен» вел огонь — один против целой эскадры! Больше часа бил он из своих орудий по неприятелю — пылал уже второй крейсер врага. Но что мог сделать этот одинокий корабль? Противник обратил на него весь свой огонь.

В кормовой части «Демосфена» загорелись нефтяные цистерны; это был конец; разбитый, израненный корабль вошел в форт и привалился к берегу; спустили трап; на берег сбежала команда; вынесли раненых; затем сошел повар в белом халате, а последним — тучный, усатый капитан.

Неприятельские корабли прекратили огонь. Видимо, опасаясь секретных мин, они отошли подальше от форта.

Наступила передышка...

Небо темнело, но море еще оставалось светлым, и по голубоватой глади плыли какие-то обломки... На горизонте, где маячила неприятельская эскадра, море было окрашено в багровый цвет заката...

Все суда, стоявшие в бухте, причалили к берегу и представляли собой теперь неподвижные точки, которые неприятель мог легко разбить; но он, видимо, выдохся и молчал; необычная тишина воцарилась в форту. Моряки стояли группами на берегу и хриплыми голосами сообщали друг другу о погибших и раненых...

На приплотке возле пристани сидел Буров — без шапки, подперев голову рукой, он молча глядел перед собой в одну точку. К нему подошел Губин и тихо сказал:

— Товарищ командующий...

Буров был легко ранен в голову; на перевязке проступали пятна крови.

— Товарищ командующий, — повторил Губин, — разрешите доложить...

Буров махнул рукой.

— Говорите...

— Связаться с эскадрой не удалось, — тихо проговорил Губин... — Что теперь делать?

— Остался один выход, — ответил Буров, — если неприятельские корабли не осмелятся до ночи войти в форт, воспользоваться темнотой и уйти на Астрахань. Иначе все наши корабли достанутся противнику.

Ночью на море пал густой туман. В поселке и в крепости моряки шопотом передавали друг другу приказ.

— Уходить на Астрахань!..

В густой темноте уцелевшие суда сгруппировались у форта и без огней стали выходить из бухты. Неприятельские корабли остались где-то влево. Они, очевидно, дожидались рассвета, чтобы снова возобновить атаку...

Губин стоял на носу «Москвитянина». Размеренно гудели машины. Медленно разворачиваясь, корабль уходил в открытое море, оставляя форт.

Всю ночь шли корабли в тумане... Строя не придерживались, шли вразброд. А утром, когда пришли на рейд, — застали там всю эскадру, ушедшую вчера из форта.

6

Многим казалось, что поход кончился неудачно. После боя в Тюб-Караганском заливе эскадра вернулась в Оранжерейное. С неохотой покидали рейд моряки; они настойчиво требовали от командования продолжения похода. На крейсере «Третий Интернационал» даже произошел мятеж. Команда, спровоцированная анархистскими и эсеровскими элементами, арестовала командира и объявила, что вернется в форт, чтобы отомстить за поражение... Об этом сообщили Кирову, и он немедленно прибыл на крейсер. Прежде всего он приказал освободить командира. Потом собрал моряков на палубе. В конце концов ему удалось убедить матросов в необходимости подчиниться приказу командования; обстановка изменилась, план комбинированного удара по Петровску сорван, и сейчас главная задача — немедленно увести эскадру, сохранить ее и подготовить к новому походу.

Киров понимал, что хотя флотилия на этот раз и не добилась поставленной цели, но поход ее не прошел безрезультатно. Главным выигрышем похода был захват «Лейлы» с планами Антанты. Ради одного этого стоило итти на Каспий! Это окупило с лихвой те потери, которые понесла эскадра в Тюб-Караганском заливе. Бахвальские планы противника переданы в Москву! Это — самое главное. Это имеет значение для судеб всей России...

Но в те дни немногие это понимали.

Весть о неудачном походе флотилии на Каспий пришла в Астрахань, когда корабли еще стояли на рейде.

Началась паника. Обыватели бросались к пристаням, вымаливали в комендатуре пропуска на выезд и с первым же пароходом отправлялись куда-нибудь вверх по Волге — к Черному Яру, к Царицыну и к Ниж-

нему-Новгороду, — туда, где, по слухам, было вдоволь хлеба и гораздо спокойнее житье...

В пестрой толпе, заполнявшей палубы пароходов, были спекулянты, мешечники, дезертиры, спасавшиеся от мобилизации, объявленной в начале мая по всему Астраханскому краю. С ними проскальзывали в центры Советской России и агенты колчаковской разведки.

А многие просто тянулись к себе на родину, на вольные хлеба, и среди них было немало выздоровевших от тифа беженцев, отступивших с армией с Кавказа. Голодная зима так истощила их силы, так разожгла воображение о далеком, сытом доме, что удержать их не было никакой возможности. От астраханских пристаней ежедневно отваливали доотказа переполненные пароходы.

Ранним утром на военной пристани, к которой только что подошел миноносец, стоял Атарбеков и задумчиво слушал рассказ Кирова о походе флотилии. На этот раз сила оказалась на стороне врага. Красной эскадре пришлось уйти в устье Волги. Но своим походом флотилия все же заперла Волгу и сорвала планы английского командования о высадке десанта под Астраханью. Ободренные надеждой на близкую помощь, поднимались горцы Дагестана, рабочие Баку и других городов Каспия.

— Вот и все, — закончил Мироныч. — А что слышно здесь, Георг?

С миноносца сошел Никитин, бледный, заспанный, с красным следом от подушки на правой щеке.

— Привет! — поздоровался он издали с Атарбековым. — Надеемся на вас...

И хоть он ничего больше не сказал, Георг понял его и нахмурился.

Все его попытки напасть на след провокатора, выдавшего планы похода, пока ни к чему не привели. Одно только удалось выяснить с несомненной точностью: провокатор пользовался радиостанцией астраханского штаба; особым шифром он передавал в Петровск свои сообщения. Обнаружив это, Георг взял радиостанцию под строжайший надзор, установил слежку, но тщетно... Было известно лишь, что английское и деникинское командование узнало о захвате форта по радиограмме из... Астрахани.

— Если бы ты знал, как мы тут обрадовались... — говорил Атарбеков. — И вдруг, в этот же день получаем известие о провале Оскара... Кстати, семья его пришла... вчера жена Оскара была в губкоме у Степановой... Дети здоровы, а она...

— Пришла? — дрогнувшим голосом переспросил Киров. — Устроили ее?..

— Устроили. Но...

Мироныч сунул руку в карман кожанки, хотел достать кисет, а нащупал вдруг затвердевший кусок черного хлеба. Он бросил его в реку.

— Она знает?

— Знает, — ответил Атарбеков.

— У меня есть для нее письмо, — сказал Мироныч, вытаскивая из бокового кармана сложенный вчетверо листок папиросной бумаги. — Прочти это, Георг...

Отдав письмо Георгу, Мироныч отвернулся к реке и устремил затуманенный взгляд на колыхавшуюся на воде корку засохшего хлеба. Сотни

мальков окружили ее и тащили на дно. Георг развернул листок и присел на какие-то мешки.

— А кто это Фрибус? — спросил он, едва начав читать.

— Не знаю... Повидимому, дагестанский работник, — ответил Мироныч. — Это письмо нам доставил рыбак из Петровска, когда мы стояли на рейде...

Письмо начиналось так:

«Милый Фрибус!

Вы из всех нас имеете, кажется, больше всего шансов выжить и увидеть снова свободу. Я Вас прошу исполнить мою просьбу, за которую буду благодарен до гроба, — а ждать мне его недолго. У меня есть жена, с которой я связан уже 10 лет. Есть двое милых, любимых детей: Валя 8 лет, и Леночка 5 лет. Дети — это самое дорогое, что у меня есть, однако в вечных странствованиях по белу свету и в опасности житейской борьбы я успел дать им очень мало и хочу, чтобы они когда-нибудь узнали, что я любил их и умер на войне побежденный телом, но свободный духом. Сейчас они в Астрахани. Если можете, перепишите эти адреса на папиросной бумаге, зашейте и при случае известите о моей судьбе моих близких. Прошу еще сообщить в партийный комитет, чтобы в случае возможности послать Народному Комиссару Сталину для Кирова сведения о моей судьбе. Вот, милый, все, что я прошу вас по возможности исполнить. Я умру спокойный: борьба тяжка, уходить из жизни молодым больно, — но законы этой жизни непреодолимы. Целую Вас и желаю скорее быть свободным для жизни, для любви и счастья. Моя фамилия Лещинский — но никому не говорите.

Жму руку».

Георг осторожно сложил письмо и опустил голову...

— Бумаги генерала ты передал в Москву?—глухо спросил Мироныч.

— Передал.

Они спустились по мосткам на берег и сели в автомобиль. На борту миноносца стоял Губин и, заслонясь рукой от восходившего солнца, оглядывал город и пыльную набережную, напоминавшую ему чем-то далекий Мангышлак. По немощеной крутой улице, мимо серой, изъеденной стены Кремля, ползла вверх синяя машина, увозившая Мироныча и Атарбекова в штаб армии.

7

В этот день в Петровске отслужили гражданскую панихиду по убиенному генералу Гришину-Алмазову... На окраинах, в нищенских, сложенных из камней, домишках с плоскими кровлями и в английских казармах шли повальные обыски...

Был тихий час заката, когда Лещинского повели на расстрел. В городском саду играл военный оркестр, и разухабистые звуки труб доносились до тюрьмы.

— Сегодня не вышло, завтра выйдет, — говорил себе Оскар, выходя в сопровождении казачьего конвоя во двор тюрьмы. — Выйдет наверняка!..

Его стройная фигура чуть-чуть сутулилась. Он прихрамывал на левую ногу — болела рана, которую ему нанесли в перестрелке при аресте.

Тюремный двор был глухой, пустынный.

— Куда итти? — спросил Оскар у низенького, рыжеватого офицерика.

Среди казаков произошла заминка, потом все гурьбой двинулись в глубь двора. У стены под акацией остановились.

— Давайте здесь, — сказал офицер.

Лещинский отделился от конвоя, прошел несколько шагов вперед, остановился и, обернувшись к офицеру, спросил:

— Можно покурить?

И, не дождавшись ответа, вынул из кармана портсигар, взял папиросу, постучал мундштуком по крышке и прикурил. Потом стал вертеть в руках портсигар. Он не знал, как поступить с портсигаром: положить ли его обратно в карман или уже не стоит... Это была короткая пауза, но ее заметили. Один казак из конвоя протянул руку:

— Отдай мне...

Оскар отдал. Тогда из толпы вышел второй казак и, подошел к Оскару.

— У тебя сапоги хорошие. Отдай мне...

Казаки стали жадно ощупывать Оскара. Он спокойно отодвинулся от них, снял гимнастерку, отдал им, потом сел на землю и, морщась от боли, начал стаскивать с раненой ноги сапог. За этим сапогом последовал второй, а затем и галифе. Все это быстро подхватывали конвоиры.

Оскар встал. Он был теперь только в носках, кальсонах и нижней рубашке. На кальсонах виднелись пятна крови. Он выпрямился и сказал:

— Я готов.

В его голосе не было ни дрожи, ни испуга. Офицерик, указывая на ствол старой акации, сказал:

— Становись сюда.

Лещинский подошел, слегка оперся плечом о дерево и, скрестив на груди руки, стал смотреть вперед, отыскивая глазами того, кто в него будет стрелять. Казаки невольно почувствовали уважение к этому человеку, так просто и мужественно приготовившемуся умереть.

Грянули выстрелы. Оскар покачнулся, взмахнул руками и, падая, сжал обеими ладонями свои небритые щеки. Так он и упал, упершись локтями в землю. Потом голова его сползла с обмякших рук и склонилась влево, прильнув к примятой траве. Под левым глазом виднелась маленькая ранка. Цвет кожи сразу же стал мертвенно-желтым, выражение лица было строгое, но спокойное, не искаженное ни болью, ни ужасом. Из раны текла тонкими струйками кровь, орошая траву.

Один из казаков накрыл труп старой газетой.

Почти над самыми глазами Оскара чернела заметка, в которой сообщалось о том, что красные астраханские суда отогнаны от Дагестана, и, чтобы навсегда положить конец красной опасности, генерал Деникин в ближайшее время предпримет энергичные действия при поддержке дружественных союзников — Англии и двигающихся к Волге армий адмирала Колчака. Дни Астрахани сочтены...

Резким порывом ветра, налетевшего с моря, газету сорвало с тела Оскара и понесло в кусты. Наступала ночь. Горы окутывались темнотой, и над ними ползли тяжелые, взвихренные тучи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Из штаба торопливо вышел Киров, за ним — Ерохин с бледным, возбужденным лицом. У подъезда стояла машина. Был жаркий, солнечный день. Приближалась Троица, и горожане запасались зеленью. На паперти, расположенной неподалеку от церкви, бойко торговали березками и цветами. Уже вторую неделю в Астрахани стояла нестерпимая жара. Волнуясь и быстро озираясь по сторонам, Ерохин говорил:

— Уверяю вас: Раевская выехала не из-за отца, а из-за чистки. Она просто схитрила, а я честно остался и пошел на чистку и за это...

— Не за это! — резко оборвал его Киров, открывая дверку машины. — Прошу вас, не задерживайте меня, я спешу. Скажу вам прямо, — я одобряю решение губкома...

— Значит, Раевская...

— О Раевской у нас будет особый разговор. Прощайте.

Машина укатила, а Ерохин, потоптавшись у подъезда, тяжело вздохнул и вернулся в вестибюль. У окна стоял Самур — работник штаба, смуглый дагестанец, в золотых очках, с папкой бумаг подмышкой.

— Ну?

— Ничего не выходит, — огорченно развел руками Ерохин. — Эх, господи!..

— Зачем вы ему говорили о Раевской?

— Я... — смутился Ерохин, — я не говорил.

— Врете! — сердито блеснул очками Самур. — Зачем, спасая себя, вы губите другого?

— Не знаю, — потупил глаза Ерохин. — Я просто не соображаю сейчас, что делаю. Ну посоветуйте, ведь было время, когда и вы ко мне обращались. Ведь это я, если помните, дал вам рекомендацию в партию!

— Что делать? — пожал плечами Самур. — Смиритесь пока...

— Ни за что на свете...

— Слушайте меня, Ерохин, — тихо сказал Самур. — Сейчас вы ничего не добьетесь. В конце концов с вами не так уж круто поступили. Вы остались в партии, хоть и с выговором. Это — не страшно. На прежнюю должность вас не восстановят, конечно, — но со временем вы... возьмете свое. Нам стоило немало сил добиться, чтоб вас не исключили из партии. Помните это и... замрите.

— Замереть?

— Да, до поры, до времени.

— Боже мой! — простонал Ерохин и вдруг умолк. С лестницы спускался в вестибюль Никитин. Ерохин стал яростно обмахиваться носовым платком. — Ну и жара, чорт возьми!..

Никитин озабоченно запирал на ходу портфель.

— Что новенького? — пошел ему навстречу Самур. — Были у Кирова?

— Да, у него...

— Он сейчас только уехал. Ну, как дела?..

— Не в духе он сегодня, знаете, очень удручен.

— Чем?

— Да вот этой переброской дивизии, — ответил Никитин, — собирали,

ее, собирали, с какой мукой, с каким трудом ее создали, и вдруг... Конечно, жаль. Ну, это дело ставки...

— Вот именно, — подхватил Самур, — ставка знает.

Ерохин почтительно поддержал:

— Знает!..

— Сейчас он поехал на митинг в казармы, — вздохнул Никитин. — Можете представить себе, какой шум поднимут бойцы, когда им объявят приказ!..

Он вежливо козырнул и направился к дверям.

В вестибюле вдруг показался калмык-ординарец. Несмотря на жару, он был в меховой шапке.

— Не видал Кирова? — спросил он у Самура. — Куда поехал?

— Зачем тебе?..

— Срочное донесение есть.

— Какое донесение?

— Не знаю... Там наверху телеграмма есть.

Самур со всех ног бросился по лестнице. Взбежав на второй этаж, он постучался в телеграфную. Открылось окошко, и в коридор выглянул хмурый штабист с лысой головой.

— Найди Кирова и сейчас же передай, — сказал он, протягивая Самуру депешу. — Очень срочная.

Самур отошел в угол и вскрыл депешу. Из Черного Рынка, небольшого селения, расположенного в Калмыцкой степи, сообщали, что многочисленная деникинская армия, под командой генерала Драценко, двинулась ночью на Астрахань.

— Что такое случилось, а? — крикнул издали Ерохин, — что за донесение?

— Чепуха, — ответил Самур, протирая очки. — Ничего, обождет. Я позже передам Кирову... Значит, о чем мы говорили? Ах да. Действительно, страшная сегодня жара!..

2

На просторном, заросшем травою дворе казармы толпились бойцы. Вдруг по двору побежал предупреждающий говорок:

— Комиссар приехал.

Мироныч остановился у забора и поздоровался с бойцами. Те вытянулись перед ним, на его вопросы отвечали громко и четко, словно повторяли боевой приказ. Киров спросил:

— Табачок есть, товарищи?

— Табачок?

Бойцы наперебой стали предлагать ему свои кисеты с махоркой.

Настроение у бойцов было бодрое, веселое, но Киров понимал, что как только им станет известным решение Реввоенсовета об отправке их на «чужой» фронт, все может перемениться. Почти вся дивизия состояла из терцев, кубанцев, ставропольцев и таманцев, готовых по первому зову двинуться отбирать Кавказ; это были крепкие, надежные войска; в состав дивизии входил и железный астраханский полк, состоявший из рабочих-красногвардейцев и партизан-рыбаков. И эта дивизия, могучая, спаянная, снабженная всем, что только могла дать ей нищая Астрахань, — должна уйти.

В стороне возле забора, окруженный кучкой знакомых казаков, стоял Тимофей, и оттуда доносился его зычный голос:

— Пойду я с вами, хлопцы, — хоть убейте, не могу усидеть на месте... Должность у меня, правда, хорошая, да надоела... Пойду с вами... Пущай другого назначают за коменданта, а я возьму свой клинок, да опять сяду на коня... А то, ей-богу, будешь сидеть здесь, так вовсе не увидишь Терека...

— А придется нам, — задумчиво произнес пожилой казак в новенькой шинели, — опять же через эту степь...

По двору разнеслась команда:

— Становись!

Командир полка вынул из обшлага шинели приказ и громко стал читать его бойцам. Было тихо. С берега донесся пароходный гудок, и Тимофей, стоявший у забора, подумал:

«Да... Поехал... Чорт с ним. Придется опять за клинок»...

Вдруг он вытянул шею, прислушался; в первую минуту он не поверил своим ушам, — «посему Реввоенсовет приказывает не позднее». Что это? Всю дивизию на Южный фронт? А как же Астрахань? А Кавказ? Пока командир читал приказ, он подошел к Кирову:

— Товарищ Киров, прошу прощения, а только — зачем вы дивизию отдаете? Это ж прямо — измена!..

— Что? — резко обернулся к нему Киров. — Что ты сказал, Тимофей? Почему ты не в строю?

— А я ж...

— В строй! — приказал Киров.

Бойцы с недоумением смотрели на Тимофея, отошедшего с опущенной головой от Кирова. Медленно, шаркая по земле коваными сапогами, он подошел к правому флангу и стал в конце шеренги. Не успели бойцы отвести от него глаза, как в воздухе прозвучал звучный голос Кирова:

— Товарищи бойцы. Сейчас только командир прочел вам приказ, который, возможно, у многих из вас вызовет недовольство. Буду говорить с вами честно и прямо. Но прежде скажите, верите вы мне или нет?

— Как же не верить? — загудели в строю бойцы.

— Так вот, товарищи бойцы, — подняв голос, продолжал Киров: — Рабоче-крестьянская власть везде одна, и в Астрахани, и в Москве, и в Самаре, и в Питере... Одна власть и одни у нее защитники — рабочие и крестьяне. Неужели же сейчас, в эти трудные дни, вы откажете ей в помощи?

— Да кто отказывает? — зашумели бойцы. — Только скажи, кто ж будет Кавказ отбирать?

— Вы!..

— Так хотят же нас к чорту, на Южный загнать...

— Не к чорту, — чуть не рассмеявшись, возразил Киров,—а на Южный фронт, где, может быть, в ближайшие же месяцы будет решаться судьба нашей революции, а значит, и Кавказа. — Тут он оглядел притихших бойцов, снял фуражку, вытер запотевший лоб и вдруг уже не прежним суровым голосом, а с какой-то теплой лаской сказал. — Ну, что же поделаешь, товарищи, если путь домой, на Кавказ, немного удлиняется. Хотелось бы сейчас двинуться обратно, да, видно, придется итти в обход. Ничего, товарищи, все равно скоро Кавказ отберем!

Командир скомандовал:

— Вольно!..

Тимофей растерянно топтался у дверей, поджидая Кирова.

«Гляди, — думал он, — и не скажешь, что дуже строгий, а тут скомандовал... Рука твердая. Шо ж теперь? С этими уходить на Южный, или как?..»

Киров ходил по казарме и снова шутил с бойцами. Спустя час он вышел во двор и тут, увидев Тимофея, с улыбкой сказал ему:

— Ты как решил — на Южный пойти или с нами останешься?

— А можно с вами? — спросил Тимофей, смущенно опуская голову.

— Эскадроном будешь командовать в новой дивизии? — тогда оставим, — шутливо сказал Киров, беря его за руку, — пойдем, Тимофей. И знай: дисциплина — это для нас теперь самое главное. Так берешь эскадрон?

— Да, ей-богу, вы надо мной смеетесь! — взволнованно воскликнул Тимофей. — Разве я когда отказывался?..

Киров вынул блокнот и, написав короткую записку в штаб формирования новой дивизии, отдал ее Тимофею; потом, пожимая ему руку на прощанье, сказал:

— Ну, Тимофей, почин для новой кавдивизии сделан. А почин, говорят, дороже денег!..

У ворот казармы Тимофей расстался с Кировым и направился к Черепахе, в штаб...

3

В сумерки, вернувшись в Реввоенсовет, Киров застал в своем кабинете Атарбекова и каких-то четырех рыбаков, в широкополых брезентовых шляпах. Здороваясь с ними, Киров спросил:

— Откуда, товарищи?

— Угадай, — сказал Атарбеков, хитро прищуривая глаза. — Даю голову на-отрез, не отгадаешь!

— Из Баку?

— Сейчас прибыли, — ответил один из рыбаков, снимая шляпу, — мы к вам от Бакинского комитета... Рады вас видеть, товарищ Киров.

Киров с радостной улыбкой смотрел на бакинцев.

— Как же вы сюда добрались?

— Через Каспий на рыбачьей лодке...

Трое рыбаков были русские, четвертый — азербайджанец, с худощавым, изможденным лицом, на котором резко выделялись черные, опущенные книзу, усики. Заметив на себе взгляд Кирова, он вскочил и взволнованно заговорил:

— Микоян знаешь?

— Микояна?

— Арестован! — крикнул азербайджанец. — Вот тебе письмо, читай.

— Кричать не нужно, — с укором сказал ему Киров. — Присядь, товарищ. Как тебя зовут?

— Гасан...

Киров вскрыл пакет: в нем оказалось шифрованное письмо на двух листиках папиросной бумаги. Оно было написано Микояном, очевидно, незадолго до его ареста. Микоян сообщал о положении в Баку и в Закавказье.

«Бакинская организация вместе с Кавказским комитетом ставит своей очередной задачей захват власти в Азербайджане. Уже имеются огромные базы».

«Успех всего нашего движения в очень многом зависит от темпа продвижения астраханских советских морских и сухопутных сил. Необходима помощь деньгами, работниками, литературой, главным образом на мусульманском, а также на русском, армянском и грузинском языках».

— Так-то, товарищи, — задумчиво произнес Киров, пряча в карман письмо. — Что-нибудь придумаем... Выручим Микояна, пошлем и литературу, и людей с вами в Баку. Сам бы я с удовольствием поехал...

— Опасно, — сказал Гасан, — два раз английский пароход встречал. Один раз хотел взять нас... Потом поверил, что мы рыбацкий человек.

Беседа с бакинцами затянулась заполночь. Когда бакинцы ушли, Киров вызвал в штаб Губина, рассказал ему о прибытии рыбницы из Баку и предложил отправиться туда для организации доставки бензина. Матрос ошеломленно слушал, потом вдруг сорвал с головы бескозырку и крикнул:

— Ух ты, чорт!

— Помни же,—с улыбкой сказал Киров,—Ильичу нужен бензин для зажигалки. Так и скажи Микояну...

— Есть!..

Надписав на письме Микояна: «Москва, Кремль, Ленину, копия Сталину», Киров отдал его штабному телеграфисту и поехал домой, а Губин побежал к берегу, чтобы поглядеть на рыбницу, на которой ему предстояло совершить далекое и рискованное путешествие в Баку.

4

В раскрытые окна мягко вливался ночной холодок. На подоконнике, в низкой, пузатенькой вазе розовели пионы. Мироныч любил цветы, а лето в этом году щедро наградило ими Астрахань. Около вазы лежала развернутая газета и груда оперативных сводок о положении на фронтах страны. За окном в прозрачной тишине звенели ребячьи голоса: дети играли в войну.

Колчака — пискливого мальчугана — дразнили веселой песенкой:

Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский,
Правитель омский.

Деникина изображал мальчуган, который то и дело выкрикивал:

— Застрелю! Собаки! Повесю!..

Он же допрашивал, очевидно, пленного красноармейца.

— Есть в твоей шайке коммунисты?

— Нет.

— А ты коммунист?

— Нет.

— Врешь, красная зараза!

— Сам ты зараза.

— Бах!..

Это означало выстрел; пленный жестоко поплатился за свою дерзость...

Проглядывая при тусклом свете керосиновой лампы газету, Мироныч задумчиво ерошил рукой волосы и прислушивался к ребячьим голосам.

Он только что вернулся с вокзала. С лихими песнями ушла дивизия на Южный фронт. Гремел оркестр. На вокзале собрались почти все власти города. Проводы были шумные и как будто веселые, но когда прогудели паровозные гудки и длинные составы теплушек один за другим исчезли в ночной мгле, на вокзале наступила такая мертвая тишина, точно на кладбище. Всем стало тоскливо...

В передней вдруг послышался хрипловатый голос Атарбекова.

— Спит, что ли?

— Работает, — почтительным баском отвечал ординарец.

Тихо скрипнула дверь, приоткрылась.

— Входи, Георг, — обернулся Киров, складывая газету. — Ты один? А Губин где?

— На берегу. Там и остальные на рыбнице. Ждут нас...

Георг подошел к лампе и выкрутил фитиль. Жмурясь от яркого света, Киров потянулся, встал и убрал с подоконника бумаги.

— Там все готово, Георг?

— Да, уезжают ребята...

Закрывая окно, Мироныч усмехнулся.

— Слышишь, на улице дети играют в войну. Они отлично разбираются в военной обстановке. Все знают, черти... — он перенес лампу на стол, заваленный книгами. — Да, невеселы дела наши. Деникинцы ведут бешеные атаки на Царицын, хотят выйти к Волге. Если им удастся взять город, они перережут Волгу, и тогда...

— М-да... — задумчиво проговорил Атарбеков, перелистывая взятую со стола книгу, — хорошего мало...

— Нам грозит полное окружение, Георг.

— Понимаю... — бормотал Атарбеков. — Что это... твоя книга?

Киров с улыбкой посмотрел на Георга, надел френч и шапку.

— Пойдем, нас ждут.

— Постой, не увиливай. Ты читаешь Клаузевица?

— Ладно, пойдем, — торопил Мироныч.

— Э, постой, — не унимался Георг. — Смотри-ка, да у тебя тут и Меринг и... Молодчина, ей-богу. Это что? Энгельс? Тоже о войне?

— Это хорошая книжка, Георг.

— Взять, — безапелляционно произнес Атарбеков, пряча книгу в карман. — Так вот чем ты занимаешься по ночам? Хочешь, я вижу, стать заправским полководцем!..

— А почему бы нет, Георг...

Смеясь и подшучивая друг над другом, они вышли на улицу. Седой однорукий ординарец сидел на ступеньке крыльца и кричал шалившей на мостовой детворе.

— Эх, вы. герои. Разве так воюют? Нынче так не воюют...

Луна еще не взошла, и на улице было темно; лишь кое-где в окнах светились огни. С Волги доносились пароходные гудки.

— Постой-ка, — остановил Атарбекова Мироныч. — Кто-то едет сюда...

За углом зацокали копыта. Подкатил штабной фаэтон. С экипажа бы-

стро соскочил на тротуар какой-то мужчина в черкеске и побежал к крыльцу.

— Это, кажется, Самур, — пробормотал Киров.

Он вернулся к крыльцу. Самур взволнованно поздоровался и протянул ему пакет.

— Понимаете, какое безобразие! — возмущенно говорил дагестанец, — срочная депеша, а ее мариновали... Вы прочтите.

— Хорошо, спасибо, Самур, я прочту...

— Вы куда-то направлялись? — спрашивал Самур, приглядываясь к стоявшему поодаль Атарбекову. — Могу предложить вам свой экипаж, если у вас нет машины.

— Нет, спасибо, — отказался Киров, — мы просто вышли на прогулку. Одну минуту, Георг, — сказал он Атарбекову, входя в дом. — Я сейчас вернусь.

Самур нерешительно топтался у фаэтона.

— Вы на берег? — спросил он Атарбекова. — Скоро луна взойдет, очень красиво у реки...

— Нет, — отозвался Георг, — мы в садике хотим посидеть.

— Ну, пожелаю, — поклонился Самур. — Поспешу в штаб.

Когда Киров вышел на крыльцо, экипаж Самура уже заворачивал за угол.

— Степан, — обратился Мироныч к однорукому ординарцу, — скачи в штаб и скажи, что я прошу через час созвать заседание Реввоенсовета. Ровно через час, понял?

— Так точно, — кивнул головой ординарец.

Атарбеков почуял что-то недоброе.

— Что случилось?

— Пойдем, Георг, — сказал Мироныч и на ходу тревожным шопотом добавил. — Белые начали наступление со стороны степи и уже взяли Черный Рынок...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Шторм настиг рыбницу за отмелями двенадцатифутового рейда, когда она находилась уже в открытом море. Бешеный ветер гнал ее всю ночь к западному побережью Каспия, где лодку легко могли обнаружить патрульные английские корабли. Если до этого рыбницу не опрокинет волной, ее ждет худшая участь: англичане при обыске наверняка докопаются до спрятанной в трюме подпольной литературы. Это означало бы верную гибель всех, кто находился на рыбнице.

К утру шторм усилился. Парусная лодка то исчезала в провалах между волнами, то вновь взлетала на гребень, и порой казалось, что вот-вот она с треском и грохотом развалится на куски...

Губин не отходил от штурвала. Соленая вода заливала рот, уши, глаза. Весь мокрый, он не сводил глаз с мутной, затянутой белесыми тучами, мглы горизонта, где каждую минуту могла показаться темная полоска неприятельского берега или — что еще хуже — огонек вражьего корабля.

Так и случилось; ветер уже начинал стихать, когда в задернутой густой дымкой дали моря блеснули огни. Первым заметил их Гасан. Он крикнул:

— Там горит!..

Все повернули головы в ту сторону, куда он показывал. Море окутывала темь. Но по мере того как темнело, все ярче разгорались огни на горизонте. Заметив тревогу на лицах бакинцев, Губин подозвал Гасана и тихо сказал ему:

— Слушай, браток, дело наше такое, что нас могут тае...

Заметив, что Гасан не понял этого слова, Губин провел рукой по шее.

— Понимаешь? Так вот, хочу с тобой уговор один заключить. Мы везем шифр, ценности, литературу. Отдавать все это врагу нельзя. Стало-быть, есть один выход, браток: если только они нас остановят, начнут обыск, — взорвать нашу посуду и — к чорту. Нет у нас другого выхода. Ты как думаешь, Гасан?

Азербайджанец угрюмо кивнул головой. Тогда Губин продолжал:

— Ну, молодец. Так вот — в трюме, там, за ящиками, припасены у меня две восьмифунтовые бомбы. Мы с тобой их поделим, в случае, если увернуться от этого корабля не удастся, — одну в неприятеля, другую — в свою лодку. Уговор?..

Гасан нашел в темноте руку матроса, крепко пожал ее, что-то пробормотал на своем языке и бросился в трюм. Огоньки неприятельского корабля приближались. Вскоре Гасан вылез на палубу и подошел к Губину...

— Ты куда будешь бросать? — спросил он. — Туда?.. — он указал на видневшийся корабль, — или, — он оглядел своих товарищей, стоявших на палубе, — или будешь сюда?

— Как хочешь, согласен на любое, — подвешивая к поясу под пальто бомбу, ответил Губин, — пожалуй, бери себе корабль!..

Губин сдал штурвал одному из бакинцев, приказал всей остальной команде уйти с палубы, а сам взобрался на носовую часть рыбницы. Неприятельское судно было уже совсем близко. Неужели это конец? Глядя на темный силуэт вражьего корабля, Губин вспомнил свое прощание с Кировым, его наказ дорожить жизнью, и как-то само собой вдруг пришло решение. В ту минуту, когда перед носом рыбницы показались закрытые чехлами дула орудий, он снял свой засаленный картуз и начал призывно размахивать им, отчаянно крича:

— Эй, на корабле! Помогите! Терпим бедствие...

На корабле услышали крик. Блеснули прожекторы. К борту подбежали матросы и казаки. На мостике появился английский офицер и двое в штатском. С недоумением смотрели на рыбницу, на носу которой стоял человек, махал картузом и порой, прижав его к груди, низко кланялся в пояс, как это обычно делают рыбаки; в прежние времена при встрече с пароходом они всегда попрошайничали, вымаливали хлеба, пресной воды, табаку. Капитаны судов знали эту привычку рыбаков и не обращали на их просьбы никакого внимания. Офицер покачал головой, повернулся к рулевой рубке и что-то сказал. Над вспененным морем гулко задрожал воздух, и хоть рыбница находилась очень близко от корабля и вот-вот грозила врезаться в его борт, Губин не сразу сообразил, что это гудок; показалось ему, будто где-то грохнул орудийный выстрел; как обалделый, он продолжал кланяться и кричать:

— Христа ради, братцы, хлебушка!..

— ...К чортовой матери! — закричали с корабля в рупор. — Куда прете, дураки? Под корму держи, сукин сын, — под корму!..

Губин повернулся к бакинцу, стоявшему у штурвала, и обрушил на него такой яростный поток отборнейшей брани, что матросы и казаки на корабле весело загоготали:

— Так ему, стерве! Еще! Чтоб знал, куда править!..

Рулевой понял маневр Губина, крутым поворотом вывел парус из-под ветра и направил рыбницу под корму корабля. Опасность столкновения миновала. Губин все молил о помощи.

— Братцы, дайте хлебушка!..

— Пошел, дурак, — ругались казаки. — Бог даст.

Корабль быстро уходил. Очертания его таяли в сгустившихся сумерках. Некоторое время еще видны были огни, но и они скоро утонули в море...

На рыбнице началось ликование. Бакинцы горячо обнимали Губина. Гасан взволнованно бормотал:

— Ай, какой молодец, хитрый — целый пароход обманул!..

Однако самым радостным было то, что к ночи переменился ветер, и рыбница пошла по курсу. Небо очищалось от туч, показались звезды. Гребни тяжелых волн, продолжавших бороздить море, порой еще захлестывали лодку, но их удары становились все слабее.

Ночью Губин и свободные от вахты бакинцы завалились спать в трюме, а когда проснулись и вышли на палубу, — поразились необыкновенной голубизне успокоенного моря.

На востоке вставало солнце, краешек его вынырнул из воды. Поеживаясь от предутреннего холодка, Губин потянулся и победно крикнул:

— Э гей!..

Свежий ветер трепал парус.

2

На исходе девятого дня израненная штормом рыбница пришла в Баку.

Вечером Гасан отвел Губина на конспиративную квартиру Кавказского комитета. В городе было очень душно, как всегда, впрочем, летом в Баку. Облака горячей пыли неслись по шумным, скупо освещенным переулкам Баилова.

В небольшой комнатке без мебели, с одной только поломанной кроватью, Губин прожил три дня, не показываясь на улице.

Выходить было опасно. После майской забастовки в городе не прекращались обыски и аресты. Но из окна Губин мог наблюдать жизнь Баку, и то, что он видел, ничего нового не прибавляло к тому, что он уже знал о Баку из рассказов Гасана.

В сущности, муссаватистское правительство Баку держалось только на англичанах. Аскеры и полиция не были серьезной военной силой. Это были почти сплошь взяточники, и — нет худа без добра — именно благодаря этой слабости бакинской полиции на четвертый день после прибытия рыбницы в Баку, за взятку в десять тысяч рублей Микоян был выпущен на свободу.

В сумерки того же дня Губин сидел перед Микояном и рассказывал ему о положении в Астрахани. Сидя на веранде тихого уютного доми-

ка на окраине Баку, они долго беседовали, потом пили чай. Вел себя Микоян очень просто и этим чем-то напоминал Кирова; за чаем шутил, смеялся над бакинской полицией. Удачным рейсом рыбницы он был очень доволен и говорил Губину, дружески хлопая его по плечу:

— Как начали, так и пойдет. Создадим целую флотилию рыбниц, понимаешь? Так и напишем Миронычу. Комитет уже действует, но это не так просто устроить. Так ты говоришь, что Киров просит бензин Ильичу на зажигалку? — спрашивал он, хитро прищурив глаза. — Придется уважить. А передал ему Киров мое письмо?

— Конечно, — ответил Губин.

Когда Губин собрался уходить, в дверях показался статный черноволосый кавказец в белом костюме. Микоян приветливо кивнул ему головой:

— Входи, Серго. Кстати, тут у меня гость из Астрахани, рыбница прибыла. Славных ребят посылает нам Киров... — добавил Микоян, выходя в соседнюю комнату. — Поговори с ним, я сейчас вернусь.

— Как доехали, дорогой товарищ? — спросил Серго, крепко пожимая руку матросу.

— Ничего, спасибо, — ответил Губин, — благополучно, как видите.

— А труден был путь?

— Так... Не сказать легкий. Каспий, знаете, чудацкий норов имеет...

И Губин начал рассказывать подробности своего путешествия через море. Потом заговорили об Астрахани. Серго молча смотрел на Губина, порой отворачивал голову и задумчиво поглядывал за окно веранды. Разом нахлынуло все то, что мучило его в страшные дни зимы девятнадцатого года, когда истекающая кровью Терская армия дралась без патронов и снарядов против наступающих частей Деникина, а штаб в Астрахани, несмотря на все призывы о помощи, не отвечал ни единым словом.

— А Шляпников где теперь?

— У-у... Эту шляпу давно отозвали, — усмехнулся Губин, — приказал долго жить.

— Умер разве?...

— Нет, отозван, я ж говорю, — объяснил матрос. — Да не дай бог ему встретиться где-нибудь с бойцами отступившей армии. Разорвут на куски...

— Подлец! — с неожиданной яростью крикнул Серго и стукнул кулаком по столу. — Первейший мерзавец и негодяй! Так прямо и скажу ему в лицо, когда увижу в Москве!

Матрос насторожился.

— А вы собираетесь в Москву ехать?

— Собираюсь...

— Как? — недоумевал Губин.

В дверь заглянул Микоян.

— Что такое?

— Ничего, — ответил Серго, — немного у меня нервы расшалились. А особенно не выдерживают, когда речь заходит о подлецах...

— О ком это?

Серго снова махнул рукой. Губин ответил:

— О Шляпникове.

— А-а, — протянул Микоян.

— В общем, Анастас, — заговорил Серго, немного успокоившись, — я должен выяснить до конца поведение этого человека и рассказать обо всем Ильичу. У меня желание хоть сейчас ехать.

— Сейчас, но не сегодня, — произнес Микоян, — и не горячись, будешь в Москве — за это я тебе ручаюсь. Рыбница еще не готова, да и люди не подобраны...

— А вы на рыбнице хотите? — удивился Губин. Ведь это значит итти на верную гибель!..

— Почему на гибель? — возразил Серго, — едут же люди. Ты же ехал!..

В предвечерний час из бакинской бухты вышла под парусом небольшая рыбница. Море сонно плескалось о ее борта. На палубе сидел Серго. Время от времени он поглядывал на гавань, на плывущие мимо катеры и парусники и, заметив на себе чей-либо пытливый взор, начинал непринужденный разговор с двумя молодыми дамами, одетыми в длинные белые платья. Одна из них была жена Серго — Зинаида Гавриловна; вторая — Варо Джапаридзе, жена бакинского комиссара, расстрелянного англичанами.

С затаенной тревогой поглядывал на них с кормы Губин, имевший вид заправского рыбака. Присутствие этих женщин беспокоило не только его, а и всю команду. Как отважились эти женщины пуститься на рыбнице в такое опасное путешествие по Каспию?

Озаренный багряными лучами заката исчезал вдали Баку. Впереди вырос остров Нарген. Но вот и он остался в стороне. Открылись синие просторы Каспия. Пока солнце не зашло, рядом с рыбницей бежала тень от паруса, а потом и она растаяла, будто отстала, не в силах угнаться за лодкой.

Когда наступила ночь, рыбница была уже далеко в море; попутный ветер нес ее к далеким берегам северного Каспия, к Астрахани.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

В начале июня белые приблизились правым флангом к Волге. Бой шел теперь у самых стен Царицына. Пассажирский пароход, шедший из Астрахани, был обстрелян вблизи Царицына и вынужден был повернуть обратно; движение судов вверх по Волге прекратилось.

Вниз по Волге тоже нельзя было проехать; в примыкающей к устью с запада Калмыцкой степи наступали белоказачьи полки генерала Драценко, которые, по приказу Деникина, должны были 14 июня по старому стилю войти в Астрахань и тем облегчить северной группе белых войск взятие Царицына.

На степных дорогах курилась густая пыль. Армия генерала Драценко многотысячной лавой катилась к Астрахани. В состав этой армии входили три полка Осетинской дивизии, два полка Чеченской дивизии, Кумыцкий полк, Кизлярско-гребенская кавалерийская бригада Александрийский гусарский полк, пластунский батальон и Ширванский пехотный полк.

Астрахань очутилась под двойным ударом с севера и с юга. Лишь

тоненькая полоска железной дороги связывала ее теперь с центром страны, но и эта ниточка грозила вот-вот оборваться.

А кроме этих двух основных фронтов, вокруг Астрахани были десятки других, помельче. Военные специалисты астраханского штаба находили, что в такой обстановке сам чорт ногу сломит. На заседаниях Реввоенсовета иногда возникали бесконечные споры о линиях главного удара противника, о стратегических пунктах обороны.

Это сбивало с толку командиров частей, и все они от души обрадовались, когда из центра прибыл приказ расформировать Реввоенсовет армии, части ее подчинить X армии, обороняющей Царицын, а Кирова назначить представителем Реввоенсовета Южного фронта. Этот приказ ставил Мироныча во главе астраханской группы войск и отдавал в его руки все руководство боевыми операциями в зоне Нижней Волги.

Киров понимал, что сейчас главное — это помочь Царицыну. Такое решение подсказывалось самой обстановкой. И на Царицын почти ежедневно уходили из Астрахани транспорты с наспех сформированными отрядами. По мере того как создавались части новых дивизий, — 7-й кавалерийской и 34-й пехотной — они пускались в ход, перебрасывались на фронт. Укреплялись подступы к Царицыну со стороны Астрахани. Враг мог первым делом попытаться вклиниться между этими, лежащими недалеко друг от друга, городами Нижней Волги.

Вторым опасным участком становилась теперь степь, откуда шел Драценко. Лагань, Оленичево, Промысловка, Яндыки, Басы — все эти селения, лежащие на пути Драценко, незначительные в обычное время, были теперь важными стратегическими пунктами. Кавалерийский эскадрон, которым командовал Тимофей, был первым брошен навстречу наступающему врагу. Вслед двинулись рабочие батальоны и отряды курсантов. С Волги действия этих войск поддерживала артиллерия Астраханской флотилии.

Кровопролитный бой за Лагань длился трое суток. Красным все же пришлось отступить. Войска Драценко превосходили их числом втрое, а вооружением и выучкой — во много раз.

В боях под Лаганью отличился кавэскадрон Тимофея и отряды курсантов. Это были храбрые ребята. Ряды их заметно поредели после боя. Красные отошли на новые рубежи.

Все эти дни Киров не покидал фронта.

В хате было еще темно, но за маленьким оконцем уже светлело; чуть блестели звезды. Разбуженный внезапным стуком в окно, Киров натянул сапоги, набросил на плечи шинель и вышел на крыльцо.

У окна топтался ординарец в лохматой бараньей шапке. Не замечая Кирова, он продолжал торопливо барабанить пальцами по стеклу и тихо звал:

— Эй, хозяева, откройте...

— Кого тебе, дружок? — шагнул к нему Киров.

— Хе! — заулыбался ординарец. — Это я до вас стукаюсь... — он вручил Кирову небольшой пакет. — Срочный... Из Астрахани...

Вернувшись в хату, Киров сел за стол, придвинул к себе закоптевшую лампу и вскрыл пакет. В нем было письмо от Атарбекова. Георг сообщал:

«Мироныч. Дела таковы: сегодня в штабе получен приказ Троцкого из ставки немедленно начать эвакуацию Астрахани. Никто этого не ожидал, и все в панике. Через голову Реввоенсовета в адрес военных и гражданских организаций одна за другой летят телеграммы — поскорее свертывать боевые операции, бросать работу, отступать, уезжать. И это в то время, когда Драценко отброшен от города. В штабе начались споры. Одни предлагают немедленно приступить к эвакуации, другие — кстати, к ним принадлежу и я, — считают, что, несмотря на трудности, надо обороняться и ни в коем случае город не сдавать.

Трудно понять, чем руководствуется Троцкий. Почему он так настойчиво требует эвакуации Астрахани? В приказе это мотивировано «необходимостью выравнивания фронта». Каково, а? Стратегия паники! Выравнивай фронт ради того, чтобы открыть дорогу белым на Волгу. Хочется послать к чорту этих любителей геометрии!

Вот пока все, Мироныч. Ждем тебя с нетерпением в Астрахани».

Едва Киров кончил читать, как послышался конский топот, и кто-то грузно взошел на крыльцо. Через минуту в хату ввалился Тимофей.

— Доброго утра, Мироныч.

Тимофей был весь испачкан в глине. Всю ночь рыли под Оля окопы.

Рассказывая Кирову о боевом настроении бойцов эскадрона, он вдруг заметил, что глаза у Кирова затуманены, и почувствовал что-то неладное.

— Шо с вами, товарищ Киров?

Киров молча взял со стола письмо Атарбекова, разорвал его на мелкие куски и, по старой конспиративной привычке, поджег спичкой, потом встал и взволнованно заходил по комнате.

— Чи вас хтось обидел? — спрашивал озадаченный казак.

— Ничего! — ответил Киров.

Губы его были сжаты, брови нахмурены. Разъезжая вот уже вторую неделю по фронту, он с нетерпением ждал вестей из Астрахани; доходили слухи, что английские аэропланы бомбили город и в связи с этим были пожары; что из Баку прибыла еще одна рыбница с бензином; астраханские летчики совершали теперь частые полеты над городом, охраняя его от новых нападений вражеских аэропланов; словом, вести были и хорошие и дурные, как обычно; та же новость, что пришла сейчас от Атарбекова, совершенно не укладывалась в голове Мироныча.

— Уйти из Астрахани! Фу ты, чорт!..

Когда порыв негодования, охвативший Кирова, прошел, он взглянул на Тимофея и вдруг от души расхохотался.

— Пойдем в штаб, герой! Ты что приуныл?

Тимофей вытаращил глаза.

— Я приуныл? Я ж это вас спрашивал. Вижу, шось расстроены. А по вашему выходит, что это я не в духе. Ей-богу, хтось вас обидел, или дурной сон приснился?

— Дурной сон, — рассмеялся Мироныч. — Пойдем, Тимофей.

В тот же день Киров выехал в Астрахань.

2

На маленькой глухой пристани в верстах тридцати от Астрахани местные рыбаки сообщили Кирову, что рано утром над городом произошел воздушный бой. Один вражеский аэроплан сбит, и в плен попали

два английских летчика. Городу они успели все же причинить большие разрушения; много убитых и раненых; еще и сейчас дома и склады охвачены пожаром.

В порту, когда Мироныч сошел с парохода, ему дали прочесть одну из листовок, которые англичане разбрасывали утром над городом. Она гласила:

«Граждане! К вам на помощь идут тысячи ваших соотечественников в рядах добровольческой армии, ваши старые союзники и верные друзья идут с вами. Добровольцы не контрреволюционеры, а антибольшевики и контранархисты. Помогите же вашим братьям победить большевиков, которые к тому же не настоящие русские!..»

— Где пленные? — спросил Мироныч у моряков, встретивших его в порту.

— На штабном... В каютv их заперли, сволочей!

Шагая к штабному пароходу, Мироныч с еле сдерживаемой яростью говорил сопровождавшим его товарищам:

— Мы не «настоящие» русские, а они вот — настоящие... Трудно представить себе большую низость, чем эта грязная стряпня «истинно-русских» англичан!.. Вторглись на чужую землю и хотят завоевать ее с помощью «истинно английских» лакеев, вроде Деникина и Колчака. Мерзавцы! Все здесь в английском вкусе — и библия и бомбы!

Взойдя на пароход, Киров спустился в каюты к пленным летчикам.

Остановившись у порога, он молча оглядел англичан. Один из них, белокурый, с неестественным блеском серых глаз, протянул Миронычу листок, на котором было написано что-то по-английски. Позвали переводчика. Тот прочел и откозырял Кирову.

— Они просят отправить их на родину!..

Второй летчик, — совсем еще юноша, тоже сероглазый, с косым шрамом на щеке, — смотрел на Мироныча с такой мольбой во взоре, выглядел таким простодушным, несчастным и жалким, что невозможно было поверить, что еще утром он с холодной расчетливостью бомбил город. Почувствовав что-то недоброе в тягостном молчании Кирова, он забился в угол каюты.

— Спроси у них, — обратился Киров к переводчику, — почему они убивают женщин и детей?

Когда переводчик задал этот вопрос пленным, те взволнованно заговорили, перебивая друг друга, и хоть Киров не понимал их речи, часто обращались непосредственно к нему. Мы неповинны — в этом был смысл их ответа. «Мы выполняем приказ командования. Русские не знают, как строга дисциплина в английской армии». И снова следовала просьба: отправьте нас на родину.

Уходя, Киров сказал переводчику:

— Передай, что мы отправим их в Москву. И скажи еще, что в нашей армии тоже строга дисциплина. Она повелевает нам жестоко карать тех, кто губит беззащитных женщин и детей!..

В штабе Кирова ждала новая весть: выше Царицына деникинские войска прорвались к Камышину. Это означало, что и Царицын теперь отрезан от центра.

Больше часа просидел Мироныч у провода, переговариваясь со шта-

бом Южфронта. Ровно ложились на ленту черные буквы и, по мере того как они собирались в слово, все более озабоченным становилось лицо Мироныча. Штаб Южфронта требовал немедленного выполнения приказа ставки об эвакуации Астрахани. Разбросанность боевых участков, большое протяжение фронта и недостаток сил делают бессмысленным дальнейшую оборону Астрахани, утверждал штаб. Мироныч ответил, что он приказу не подчинится, ибо не видит никакого смысла в сдаче Астрахани без борьбы, но силы на помощь Царицыну перебросить согласился и, кончив разговор со штабом Южфронта, тут же отдал приказ об отправке частей 7-й кавдивизии с Астраханского участка на Царицын.

Подписывая этот приказ, Киров ясно представил себе, как вылупит глаза Тимофей, как, яростно выругавшись, он скомандует своему эскадрону «по коням» и уйдет этой же ночью на север, недовольный и злой...

Отослав ординарца, Мироныч поставил у стены рядышком четыре стула, расстегнул ворот рубашки и лег. Стулья заскрипели под тяжестью его тела. Он закрыл глаза. Ему хотелось поспать хотя бы часок — вечером ему предстояло выступить на общегородском, партийном собрании в Зимнем театре.

Но едва он стал засыпать, на столе задребезжал телефон.

Киров снял трубку. Звонила из губкома Степанова. Верны ли слухи о падении Царицына?

— Брехня! — ответил ей Мироныч.

Он снова растянулся на стульях.

Опять звонок: из штаба флотилии сообщали, что сейчас туда будут доставлены несколько неизвестных, задержанных в устье Волги. На парусной рыбнице они незаконно перешли границу. По документам и рассказам рыбаков эта рыбница, якобы, пришла из Баку.

— Один из арестованных назвал себя Орджоникидзе и просит встречи с вами, — гудел в трубку дежурный по штабу, — как прикажете поступить?

Мироныч озадаченно вскинул брови.

— Орджоникидзе?..

Спустя час Киров встречал на берегу Волги Серго. С небольшого катера, подошедшего к пристани, первым спустился на берег моложавый, улыбающийся мужчина в рыбацком брезентовом плаще. Широким размашистым шагом подошел он к Миронычу и, приветливо улыбаясь, сказал:

— Здравствуй, Киров.

Миронычу показалось, что он где-то видел этого кавказца, но когда это было—вспомнить не мог: вглядываясь в его открытое, загорелое, мужественное лицо он спросил:

— А как ваша фамилия, товарищ?

— Странная вещь! — весело ответил кавказец. — Я представлял себе, что ты немного выше ростом... Ну, здравствуй, дорогой. Ты меня хорошо знаешь. Меня зовут Орджоникидзе!..

Мироныч порывисто схватил его за руку.

— Серго!

Они обнялись и крепко поцеловались. Вскоре Серго и Киров сидели в штабе и беседовали. В кабинет вбежали из соседних комнат штабные; стало шумно; в дверь заглянула старая Анисья Петровна и, не дожи-

даясь приказа, поспешила принести чай. Первый стакан, по обыкновению, она предложила Миронычу; тот взял стакан, передал его Серго, а Анисье Петровне с шутливым укором сказал:

— Неужели, тетя Анисья, хотите осрамить нашу Астрахань перед товарищем Серго? Что он подумает? Неучтивы, правил гостеприимства не знают, мало того, еще и взяли под арест!..

— На это я не обижаюсь, — смеялся Серго, отхлебывая мутный калмыцкий чай, — когда моряки задержали нас у рейда, я им прямо сказал: арестуйте нас и доставьте к товарищу Кирову. Это же понятная и законная вещь в такое время. Мало ли кто переходит границу... Ну, что же у вас хорошего? Рассказывай, товарищ Киров...

Вид у Серго был бодрый и, глядя на него, никто бы не поверил, что он только что совершил далекое и опасное путешествие. Рассказывая о своих приключениях, Серго шутил и смеялся, но порой у многих, слушавших его рассказ, пробегали мурашки по спине. Тринадцать дней носило рыбницу по морю; попадала она в штормы; дважды чуть не столкнулась с английским крейсером; за островом Кулалы ее настиг штиль. К этому времени вышли все запасы продовольствия и пресной воды, начался голод... Трое суток длилось безветрие, а потом, на рассвете, паруса ожили, поднялся ветер, и рыбницу понесло к Астрахани...

Пока Серго рассказывал, Мироныч позвонил Атарбекову и в губком партии. В губкоме уже знали о приезде Серго, а Георг, едва выслушав эту весть, радостно крикнул:

— Сейчас буду!

Однако, когда он приехал в штаб, кабинет Мироныча уже был пуст. Анисья Петровна, подметавшая комнату, сказала ему:

— Уехали в Зимний, на собрание...

3

Неспокойно было в городе в этот вечер. На искривленных тротуарах, на папертях облупившихся церквей, на углах и возле хлебных лавок — всюду только и говорили, что о близком падении Астрахани.

— Браток, послухай, — остановил Губина у городской гостиницы знакомый моряк, — правда, что мы, будто, с якоря снимаемся, уходим?...

— Откуда уходим?

— Из Астрахани...

Губин опешил, вытаращил глаза и хлопнул моряка по бескозырке.

— Ты пьян, что ли? Поди выспись.

Поднявшись на второй этаж гостиницы, он выпил в буфете одну за другой три кружки кваса. Наливая ему четвертую, буфетчик с недоумением поглядел на сидевшего возле стойки приезжего в потрепаной шинели и черном кепи, как бы призывая его в свидетели.

— Вот пьет, а?

Опорожнив кружку, Губин весело крякнул, вытер рукавом губы и сказал.

— Наливай.

— Еще? — с ужасом спросил буфетчик — пятую?

— Это четвертая.

— Ей-богу, пятая, — божился буфетчик. — Я счет хорошо знаю.

— Ладно, ты зубы свои считай, — рассердился Губин. — Наливай, и все.

Квас был мутный и отдавал горьковатым запахом плесени. Выпив еще кружку, Губин заплатил буфетчику и пошел длинным, узким коридором к номеру, где поселились спутники Серго. В животе он ощущал неприятную тяжесть. Чорт возьми, вот уже вторые сутки, как он пьет и ест вдоволь, а все не может насытиться после этой проклятой голодовки на море. Во рту у него было липко, после пяти кружек квасу, еще сильнее мучила жажда.

Он загорел, осунулся, походка его стала еще более развалистой.

В конце коридора Губин столкнулся с высоким, худощавым парнем в украинской, расшитой узорами рубашке. Это был комендант гостиницы.

— Неприятная история, — сообщил он Губину, — оказывается, мы для Орджоникидзе чужой номер заняли. Вот оказия!

— Почему чужой?

— Потому что номер этот был для другого забронирован, чорт бы его побрал!..

— Брось, — махнул рукой матрос, — что тебе штаб приказал, то и делай.

— Вот штаб-то за тем и забронировал этот номер.

— За кем? — недоумевал матрос.

— Да за этим самым Ниродом, — показал комендант рукой на незнакомца, сидевшего у буфета. — Он из Москвы. Где его положить, хоть тресни — не придумаю, везде полно, а он сидит вон и ждет...

— Ну и пускай себе сидит, — оглянувшись на незнакомца, усмехнулся Губин. — Он что за шишка?

— По делам штаба, говорит, приехал. У него мандат есть...

Незнакомец привстал со скамьи и пошел навстречу коменданту. Это был коротконогий, молодой еще человек с широким приплюснутым носом и голубыми беспокойными глазами.

— Ну что? — сердито спросил он.

Губин осторожно постучался в комнату, где поместились спутники Серго. Дверь открыла Зинаида Гавриловна. На диване спала Варо Джапаридзе, накрывшись от мух газетой. Впустив Губина, Зинаида Гавриловна прикрыла за ним дверь и увидела, что он с вожделением смотрит на глиняный кувшин, стоящий на столе.

— Вода чистая, можете пить, — улыбнулась Зинаида Гавриловна, поправляя у зеркала свои густые русые волосы. — Где Серго, не знаете?

— Что? Ах, Серго?.. — опомнился матрос, с усилием отрывая взор от кувшина. — Поехал с Миронычем на митинг, а я, вот, по дороге зашел узнать, как вы тут устроились, — меня Мироныч просил. Нравится вам наша Астрахань?

— Да как сказать? — улыбнулась Зинаида Гавриловна. — По-настоящему я города еще и не видела.

— Поживете, увидите — город хороший, большой.

— Вряд ли нам придется здесь долго пробыть. Серго торопится в Москву...

— Ну отдыхайте и будьте здоровы, — сказал матрос, направляясь к дверям. — Дорога у нас была неважная. Уж извините.

«Славный парень», подумала Зинаида Гавриловна. Прощаясь с матросом, она говорила:

— Спасибо, Губин, мы многим вам обязаны. И Кирову передайте, что мы ему очень благодарны. Я столько наслышалась о нем от Серго, что очень хотела бы поглядеть на него. Серго называл его своим другом и давно желал встречи с ним.

— Прежде они разве не видались? — удивился Губин. — А я думал — они старые приятели.

Осторожно пожав руку Зинаиды Гавриловны, Губин вышел в коридор. Проходя через вестибюль гостиницы, он заглянул в каморку под лестницей, где комендант устроил свою канцелярию.

— Ну, что ж... — говорил комендант приезжему из Москвы, — жалуйтесь, куда хотите. Нет у меня мест, говорю вам, занят ваш номер, и все!..

— А я вам русским языком говорю, — твердил, немного картавя, приезжий, — что раз номер за мной забронирован...

Комендант схватился за сердце.

— Ей-богу, вы... Да-к что ж я, по-вашему, должен Орджоникидзе выселить?

— Какого Орджоникидзе? — насторожился приезжий. — Разве...

— Вот, слава богу, — перебил комендант. — Наконец-то поняли. Лицо ответственное, как я могу его выселить?

Приезжий вдруг встал, заторопился.

— Так бы и сказали. Ради Орджоникидзе я готов, конечно, уступить.

— Вы переночуйте пока где-нибудь у знакомых, — смягчился комендант, — а завтра я, может, вам что-нибудь подыщу.

— Надолго он сюда приехал?

— Не знаю.

— Скоро уезжает, — вмешался матрос. Ему тоже стало жаль приезжего. — Вы послушайтесь коменданта, где-нибудь переночуйте денька два-три.

Приезжий со вниманием посмотрел на Губина.

— У знакомых? М-да... — он подумал, морща впалый, лоснящийся лоб... — Да, придется обождать. А откуда он прибыл, Орджоникидзе, не знаете? — окликнул он Губина, направившегося к выходу. — Одну минутку, товарищ...

На улице он догнал матроса, и они пошли рядом. Фонари не горели, но было светло; над Астраханью высоко в звездном небе сияла луна. Возле аптеки, в которую утром попала вражеская бомба, мостовая была разворочена. Пахло какими-то разбитыми лекарствами.

— Вот собаки, — ворчал матрос, — гляди, что англичане наделали!..

Несколько минут шли молча. Приезжий оказался неразговорчивым, но от Губина не отставал. Когда они подошли к театру, он вдруг спросил:

— Вы Самура знаете?

— Знаю.

— В театре сейчас собрание, и он наверное там. Попросите его выйти сюда, скажите, что знакомый его спрашивает.

— Ладно.

Митинг еще не начался, но театр уже был переполнен доотказа.

В фойе у раскрытых дверей партера стоял Ерохин.

— Астрахань надо бросать к чорту!... — ораторствовал он перед толпой окружавших его людей. — Бросать, пока Деникин нам дорогу не отрезал!..

В зале неистово гремел колокольчик. Сквозь незатихающий шум и говор слышался требовательный звонкий голос Степановой:

— Товарищи... начинаем собрание...

Серго сидел в ложе у самой сцены. У барьера ложи тесно сгрудились рабочие, военные, городские работники. Облокотясь о красный, изодранный бархат барьера, стоял здесь и Атарбеков. Он со вниманием прислушивался к спору Серго с Самуром, утверждавшим, что неподчинение приказу ставки грозит большими неприятностями.

— Ведь мы не знаем общих стратегических соображений, которыми руководствуется ставка, — говорил Самур. — Если каждая область будет исходить из интересов местного патриотизма...

— Что значит, общие стратегические соображения? — с горячностью возражал Серго. — Надо говорить яснее. Какой смысл в эвакуации Астрахани? Положение, в котором мы сейчас очутились, обязывает нас отстаивать каждую пядь земли, а тем более Астрахань; вот единственно верное стратегическое положение, как я понимаю. А сдать Астрахань — это никакая не стратегия. Это паника, если не хуже...

— Собственно-то с этим я согласен, — отступил Самур. — Но Троцкий, говорят, не любит...

— Тут не о любви речь!.. — перебил Серго.

Все рассмеялись. Самур умолк. В дверях ложи показалось озабоченное лицо Мироныча.

— Начинаем, товарищи!.. — сказал он, заглядывая в ложу. — Пойдем-ка на сцену, Серго. Тебя приглашают в президиум...

Протолкнувшись к Самуру, Губин хмуро высказал ему свое мнение о его споре с Серго.

— Позвольте вам сказать, что я, хоть рядовой человек, а с вами не согласен.

— В чем? — сухо, с недоумением спросил дагестанец.

Матрос насупился и, уходя, бросил:

— Внизу какой-то приезжий вас дожидается...

Самур торопливо спустился к подъезду театра. На улице, при свете фонаря, освещавшего подъезд, он разглядел прохаживавшегося на противоположной стороне тротуара приезжего. Подойдя к нему, дагестанец испуганно спросил:

— Вы здесь?

— Как видите.

— Случилось что-нибудь?

— Нет, мне просто негде ночевать...

— Негде?

— Да. Номер, который вы забронировали, отдали Орджоникидзе.

— Вот новости, — озадаченно произнес Самур. — Что же делать? Устройтесь где-нибудь пока...

— Где?.. Это опасно... Да и не связался я еще ни с кем...

— У меня неудобно, пожалуй...

— Послушайте, — воскликнул приезжий, — не ночевать же мне на улице! В двенадцать часов меня застукает первый же патруль.

— Действительно... — задумался Самур. — Ну, идите тогда ко мне...

Передав приезжему ключ от своей квартиры, Самур простился с ним и бегом вернулся в театр. Подымаясь по лестнице, он услышал гул доносившихся из зала рукоплесканий. Там словно бушевала буря. Аплодировала Степанова, положив на стол свой председательский звонок. Гулко похлопывал в ладоши Серго. К трибуне спокойным, уверенным шагом подходил Киров, густо дымя папироской, которую он, торопясь, на ходу докуривал...

Шел одиннадцатый час ночи, когда за дверью послышались чьи-то осторожные шаги. Приезжий приподнялся с кушетки и, увидев, что это Самур, лениво вздохнул и снова откинулся на подушки. На полу валялся старый потрепаный номер «Нивы». Дагестанец кинулся к нему, бережно поднял и разгладил страницы.

— Ну, что там? — спросил приезжий, — Выкладывайте...

Самур молча разглядывал обложку журнала; он словно любовался ею: закрыв один глаз и прищурив другой, он то отдалял от себя «Ниву», то приближал, и тонкая усмешка искривила его губы, над которыми змеилась черная узкая полоска усиков.

— Что вы там делаете, Самур?

— Этот журнал может пригодиться, зря вы его бросили на пол.

— А почему вы им так дорожите?

Дагестанец протянул журнал гостю и придвинул керосиновую лампу поближе к кушетке.

— Видите?.. На обложке портрет бывшего царицынского иеромонаха Иллиодора.

— Да. Ну и что ж? Я знал его.

— А вы Кирова в лицо знаете?

— Нет, пока не имел чести, — иронически ответил приезжий.

— Интересная штука! — сказал Самур. — Нашего епископа Леонтия как-то угораздило встретиться с Кировым. И представьте себе — он чуть было не принял его за Иллиодора.

Приезжий расхохотался.

— А неужели похож?

— Похож... — ответил, смеясь, Самур. — Когда мне об этом сообщили, я стал разыскивать портрет иеромонаха. Ну и вот, через некоторых людей мне удалось добыть этот журнал у нашего Леонтия. Он нашел его у себя на чердаке...

— А зачем он вам? — пожал плечами приезжий. — Надеюсь, Киров не носит клобука и рясы. Ха-ха... — снова рассмеялся он. — Случай действительно любопытный!.. Но портрет, я вижу, чуть подрисован?..

— Чуть-чуть, — улыбнулся Самур, — это может нам пригодиться.

— Вряд ли...

— Вы думаете?

— Да. В Москве решено не медлить. Как только падет Царицын, мы выступаем. На этот счет я получил точную директиву. Ну, рассказывайте же, что было на собрании?

— Ничего особенного, — ответил Самур, присаживаясь на край кушетки. — Киров — прекрасный оратор и, разумеется... Хотите водки?

— Что решили?

— Погодите... — говорил Самур, направляясь к шкафу. — Сейчас расскажу. — Он открыл дверцу и, заглядывая в шкаф, продолжал. — Сегодня он был, знаете, в особенном ударе. Вот, нашел... Начал он с того, что...

...— Положение такое, товарищи, что сейчас нельзя сидеть сложа руки, — говорил Киров, расхаживая взад и вперед вдоль рампы. — Мы знаем, что наша Астрахань имеет значение для всей республики, и должны всеми силами защищать ее. Страна дожигает сейчас последние пуды угля и нефти, и отдать подступы к этим источникам жизни — нельзя. Все мы должны видеть одну только главную цель: защиту Астраханского края.

Помните — наша Астрахань —это ворота к хлебу и нефти. И пусть нас пугают мощью империалистов, пусть белогвардейцы отсюда, из самой Астрахани, бегут к англичанам — назло и наперекор всему, — мы никому не отдадим Астраханского края!

Еще раз мы должны клятвенно обещать, что прежде, чем мы здесь не сложим наши головы, никакие силы — ни Деникин, ни Колчак — не возьмут Астрахани!..

Долго и горячо говорил Киров, и, когда сошел с трибуны, сотни людей ринулись в коридоры театра, и тут же, у столиков, началась запись добровольцев в рабочие батальоны.

4

Всю эту ночь просидели Серго и Киров в штабе. Беседовали, пили чай с сахарином. Рассказывали друг другу обо всем, что пережили за этот страшный год. Обсуждали положение на фронтах, и под утро, когда за окнами блеснули первые лучи солнца, Мироныч взял со стола блокнот, подумал немного и потом быстро, размашисто написал:

«Мандат

Предъявитель сего товарищ Орджоникидзе Сергей действительно Чрезвычайный комиссар Юга России, возвращающийся с семьей и сотрудниками с Северного Кавказа в Москву с весьма секретным и особо важным докладом Совету Обороны и Совету Народных Комиссаров о политическом и военном положении Северного Кавказа и Астраханского Края».

Подписавшись, Киров с улыбкой посмотрел на Серго и протянул ему вырванный из блокнота исписанный листок.

— Так, что ли?

— Хорошо, — одобрил Серго, крепко пожимая руку Кирова. — Не зря, значит, я за тебя тост провозглашал...

— За меня? — удивился Киров.

— Да, — улыбался Серго. — Это было на октябрьской вечеринке прошлой осенью во Владикавказе. Я говорил: «Пью за Кирова, создателя советской власти на Тереке, моего незнакомого друга!». Этой

осенью я надеюсь где-нибудь на октябрьской вечеринке снова провозгласить за тебя тост. Я скажу: «Пью за Кирова, организатора обороны Астрахани, превратившего ее в неприступную крепость на Волге!..»

Невыносимый зной стоял в тот день в Астрахани. По раскаленным мостовым шагали к пристаням мобилизованные и добровольцы. Нагруженные оружием, скатанными шинелями, котелками, сумками с боеприпасами, они изнывали от жары, и то один, то другой, забежав по пути в какой-нибудь двор, жадно и торопливо пили из водопроводного крана, потом пускались со всех ног догонять колонну. Среди мобилизованных был и Ерохин. Смешно было глядеть на его короткую расплывшуюся фигуру в гимнастерке и тяжелых армейских сапогах. Весь потный, он шагал в хвосте отряда мобилизованных коммунистов к берегу...

Киров провел весь день в гавани, руководя отправкой отрядов на Царицын и к устью Волги — против генерала Драценко. Оглушительный шум стоял над пристанями, от которых один за другим отваливали пароходы с десантами. До поздних сумерек оглашали порт крики командиров, завывания пароходных сирен, надрывный плач женщин, толпившихся у берега, разудалые звуки гармоники.

Уже смеркалось, когда Киров прибыл на вокзал.

У пыльной платформы стоял готовый к отправке поезд. Серго сидел на пороге теплушки, в расстегнутой у шеи гимнастерке и красноармейском шлеме, сдвинутом на затылок. В теплушке возбужденно суетился Атарбеков, помогая спутникам Серго устраиваться. Зной спадал, в потемневшем небе заискрились первые звезды. В привокзальном саду, на площадке возле фонтана, маршировали новобранцы. Оттуда слышалось:

— Ать-два, ать-два, левой...

Ударил звонок. Георг вышел из теплушки. Киров, прощаясь с Серго, говорил ему:

— Жду скорого ответа, Серго.

— Можешь на меня положиться, дружище, — отвечал Серго. — Ну, до скорого свидания...

Паровоз дал свисток, рванул и сразу же окутался черным дымом. Поезд, лязгая буферами, покатил к далекой Москве.

...Три дня спустя на имя Кирова пришла телеграмма, содержавшая всего четыре слова:

«Астрахань защищать до конца».

Эта телеграмма была подписана Лениным.

Падение Царицына резко ухудшило положение Астрахани. Город очутился в огненном кольце. Со стороны степи наступали части генерала Драценко. В устье Волги особая группа войск генерала Толстова, состоявшая из уральских и астраханских белоказаков, осадила Красный Яр — большое рыбацкое селение расположенное недалеко от Астрахани. Сверху, со стороны Царицына, двинулись вдоль Волги к Астрахани конные части генерала Улагая.

По ночам в Астрахани была отчетливо слышна гремевшая где-то уже совсем близко орудийная канонада...

Важнейшим стратегическим участком, который мог в ближайшее время очутиться под ударом конницы генерала Улагая, становился Черный Яр, — небольшой городок, раскинувшийся на правом берегу Волги. Ниже Царицына переправа через Волгу на левый берег возможна только в этом районе, отсюда белые могли легко выйти к железной дороге — единственной ниточке, связывавшей еще Астрахань с Советской Россией. Именно здесь Киров и решил задержать продвижение белых к Астрахани.

Но надо было укрепить городок. Отдав приказ о переброске туда частей, Киров выехал в Черный Яр. За час до отъезда он выступил на собрании в городском театре и закончил свою речь словами:

— Пока в астраханском крае есть хоть один коммунист, устье Волги было, есть и будет советским!

5

...На правом берегу Волги показался высокий, обрывистый яр. Наверху, за глинистым обрывом, видны были убогие мазанки уездного городка.

Как только баркас причалил к берегу, Губин, не ожидая, пока спустят мостки, перемахнул через борт и, очутившись на замощенном булыжником откосе, пустился по крутой тропе к вершине обрыва.

По пути к штабу Губин встречал воинские части, спешившие куда-то в степь, и думал о том, что Киров, видимо, не зря сидит здесь вот уже вторую неделю. Городок был хорошо укреплен, имел вид военного лагеря.

В штабе участка Губин неожиданно встретил казака Тимофея. Казак поздоровел, голос у него стал грубее, басовитее. Позвякивая шпорами, он повел матроса во двор штаба.

— Добрые кони, — говорил казак, любовно похлопывая на ходу стоявших во дворе оседланных лошадей. — А ты мою коняку видел? Ой, и конь!.. Пойдем, покажу.

Матрос уверял, что ему надо срочно видеть Кирова, но казак настоял на своем, подвел матроса к статной гнедой лошади, оседланной мягким азиатским седлом, и, тронув ее за холку, сказал:

— От это конь, а?

Губин похвалил:

— Хороший жеребец.

— Ой, дурак, — прыснул казак. — Сразу же видать, что ты мореходный человек. Это, брат, кобыла, и знаешь, какая? Полковника носила, а теперь меня...

В углу двора из раскрытых окон струились сизые клубы табачного дыма. Мелькали лица незнакомых командиров. Потащив туда матроса, казак спросил:

— А что в Астрахани слыхать?

— Да так, ничего... — отозвался матрос. — Днем жара большая, вечером попрохладней.

— Скучно?

— Конечно, народ весь на фронте.

Нагнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку, они вошли в небольшие сени. Тут Губин попросил:

— Позови его...

Спустя минуту из боковой двери вышел Киров. Он был в гимнастерке, без шапки.

— Ты? — с удивлением воскликнул он, обнимая матроса. — Какими судьбами? Каким ветром?.. А я думал, ты давно уже в Баку.

— Не поеду я туда, — дрогнувшим голосом ответил матрос и потупил глаза.

— Почему?

Матрос молча полез в карман и передал Кирову небольшой серый пакет. Киров по цвету конверта сразу догадался, что это письмо от Атарбекова.

«Раз от него, значит что-то неладное», подумал он, вскрывая письмо.

На улице вдруг послышался конский топот. В раскрытые ворота въехал на фаэтоне Ерохин. Оставив взмыленных коней во дворе, он вошел в сени. Не заметив Губина и Кирова, он распахнул дверь комнаты, где шло совещание, и прерывистым голосом сообщил, что в двадцати километрах от Черного Яра появился противник и неожиданной атакой отбросил рабочий батальон к Волге.

— Все бегут! — кричал Ерохин. — Паника ужасная!..

— Постой, постой, — тронул его за плечо Киров. — Где были твои дозоры?

— Чего? — обернулся к нему Ерохин. Лицо его было перекошено испугом, глаза выпучены. — Какие дозоры?

— Дозоры где были? — крикнул Киров. — А вы почему бежали?

— Вам тут хорошо сидеть да рассуждать...

— Что!..

— Да, да, я не военный, — твердил Ерохин. — Я вам еще тогда говорил, а вы меня все-таки мобилизовали. Вот и получилось.

— Эх, ты, раззява! — раздался яростный крик Тимофея. — Ты что? Сам убег с позиции, да еще будешь людей ругать!

Выскочив в сени, он ухватил Ерохина за шиворот и прижал к стене. Киров спокойно позвал:

— Тимофей!..

— Слушаю, — нехотя ответил Тимофей и, отпустив Ерохина, торопливо вышел во двор. — Сейчас еду...

В поселке прозвучал сигнал боевой тревоги. Эскадрон Тимофея лихо вынесся из поселка в открытую степь. На горизонте ярко пылали подожженные камыши. Бой шел где-то за камышами. Ветер доносил далекий слитный гул ружейной и пулеметной пальбы. Горяча коня, Тимофей вдруг заметил, что сзади пылит машина, и понял, что его догоняет Мироныч.

— Галопом, арш! — яростно кричал скачущим за ним бойцам Тимофей.

Уйти от машины, однако, не удалось. С оглушительным фырканьем автомобиль пронесся мимо, и на минуту в облаке пыли мелькнули лица Кирова и матроса. Казак успел заметить, что Мироныч на ходу читает какое-то письмо.

— Вот черти, как погнали! — сердито думал Тимофей и, пожалуй, впервые в жизни в эту минуту усомнился в силе конницы. Какое в ней преимущество, если ее могла опередить машина?

— Эх, ты, полковница! — ругал Тимофей свою кобылу. — Как ни скачи, а машину не обгонишь...

Впереди зазеленели камыши. Над рекой, блеснувшей слева, плыл клочковатый туман. За холмом, на песчаном берегу, возбужденная толпа окружила машину, в которой стоял Киров.

— Назад! — кричал он бойцам. — В окопы!.. за мной!..

Эскадрон Тимофея с гиканьем пронесся мимо. Стоявшие у машины бойцы вдруг закричали и ринулись вслед за кавалеристами. В лучах предзакатного солнца сверкнули клинки, погасли. По всему берегу, изрытому отпечатками сотен ног, перекатывалось:

— Ура-а-а!..

Впереди группы бойцов бежал Губин. Ботинок его развязался, и по песку волочились шнурки, мешая бегу. Матрос падал, вскакивал, снова падал, наконец, сел на камень и стал срывать с ноги ботинок. Тут с ним поравнялась машина Кирова. Двигалась она медленно, колеса глубоко врезались в песок. Выскочив из машины, Киров подбежал к матросу.

— Ранен?

Но тот, видимо, не услышал и не узнал Кирова. Швырнув ботинок в реку, он вскочил и, взмахнув стейером, ошалело бросился вперед с криком:

— Бей!..

И побежал к балке, за которой все жарче разгорался бой.

Белых удалось отогнать. В сумерки, возвращаясь в штаб, Киров увидел на берегу Тимофея. Сидя на своей лошади, он с интересом разглядывал увязший в песке автомобиль.

— Нравится? — окликнул его Киров. — Оставляю тебе эту машину. Будешь командовать участком.

— Я? — озадаченно переспросил казак. — Всем участком?

Он быстро спешился и пошел рядом с Кировым, ведя за собой в поводу коня.

— Вы это серьезно сказали?

— Серьезно, Тимофей. Я уезжаю сейчас в Астрахань и приказываю тебе принять участок...

Губин шел позади, осторожно ступая по ковылю босыми ногами. У него был вид усталого, разморенного спутника. Один ботинок болтался у него за плечами.

— Машины мне не надо, — говорил Тимофей. — Все ж таки, я вижу, коняка сильнее машины...

Невеселые мысли угнетали Губина. Вчера, как гром среди ясного неба, разнеслась по Астрахани весть, что ставка отзывает Кирова из Астрахани, а вместо него назначен военспец Люнденквист, бывший генерал царской армии.

— А ведь Самур-то был прав, — думал матрос, вспоминая его спор с Серго. — Не подчинился Мироныч ставке, и за это она его по шапке...

Злобясь на ставку, матрос представлял ее себе в виде какой-то страшной роковой силы, против которой он — песчинка. И все же он роптал...

Ночью Киров и Губин сели на баркас и покинули Черный Яр. Вниз по течению баркас шел быстро. На рассвете он уже подходил к

Астрахани. В безоблачном голубом небе видны были озаренные первыми лучами солнца луковки астраханского собора.

Когда баркас проходил мимо затона, где стояли две рыбницы, оборудованные для очередного рейса за бензином в Баку, Губин показал на них рукой.

— Смотрите... Как лебеди.

— Они готовы? — спросил Киров.

Губин нервно кусал губы, морщился.

— Готовы, да что с того толку. Не поеду...

— Почему?

— А зачем ехать?

— Слушай, Губин, — серьезно сказал Киров. — Деникин все ближе подходит к Москве. Помни, сейчас не о себе надо думать.

В штабе Киров узнал, что ночью Атарбеков по срочному вызову выехал в Москву. Посидев немного в штабе, видя, что Киров, как ни в чем не бывало, занялся обычными делами, Губин покинул штаб и в ту же ночь выехал в Баку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Ненастный осенний день был на исходе, когда нагруженная бензином рыбница подошла к астраханской пристани. Сеялся дождь. В порту хриплыми голосами перекликались катеры и буксиры. Холодный, порывистый ветер вздымал на Волге пенистые серые гребни волн.

Сойдя на берег, Губин заметил, что город выглядит еще более унылым, чем в дни его отъезда из Астрахани.

Накрывшись от дождя капюшоном намокшего брезентового плаща, Губин шел к штабу. Шел и думал:

— Приду и скажу этому Люнденквисту: на море штормы, дальнейшие рейсы на рыбницах невозможны. И пойду на фронт...

Грустно было у него на душе. Досаждал нудный, назойливый дождь, не прекращающийся вот уже третьи сутки, огорчала мысль о том, что Кирова уже, вероятно, давно нет в Астрахани, печалила потеря второй рыбницы; по пути из Баку ее захватил в море деникинский крейсер и взорвал, с нею ушли на дно товарищи Губина, среди которых был и азербайджанец Гасан.

У моста через Кутум старый татарин в изорванном кавказском башлыке раскладывал на мешке свой неприхотливый товар — старые замки, поломанные подсвечники, ржавые кастрюли, пачки истрепанных книг и журналов. Рисунки на обложках журналов изображали тонущие дредноуты, объятые желтым пламенем, седых мордастых генералов, угощающих папиросками бородатых солдат в серых барашковых папахах. Губину представилось, что Люнденквист должен быть именно таким — толстым, с жирной шеей, с седыми усами...

— Эх, чорт, — вздыхал матрос. — Хоть бы встретить кого по дороге. Ни одной собаки...

В Баку до него изредка доходили кое-какие вести об Астрахани. Из устья Волги генерала Драценко отогнали далеко в степь, к Черному Рынку. Ниже Царицына, на правом берегу Волги, белые уперлись в

Черный Яр, окружили его, морили голодом осажденные в городе войска и население, но взять не смогли. На левом берегу, под Ахтубой и Владимировкой, конница генерала Улагая уже было прорвалась к железной дороге, но астраханские части энергичным контрударом отбросили ее обратно к Волге. Ниже Черного Яра река до самого взморья оставалась советской. Казалось чудом, что Астрахань, очутившаяся теперь в глубоком тылу Деникина, еще держится...

Недалеко от штаба Губин увидел афишную будку, но ничего не нашел на ней, кроме намокшего пожелтевшего объявления о том, что в городской драме с успехом ставится «Хорошо сшитый фрак». Рядом с будкой у дерева стоял нищий в заплатанной австрийской шинели. Проходивший мимо горожанин — черная борода в тулупе — бросил ему на ходу рублевку и, взглянув на Губина, сердито буркнул:

— До чего довели народ, господи...

За пазухой у него торчала газета. Губин загорелся, остановил горожанина.

— Дай почитать, хозяин.

— Некогда, да и нечего читать, — отозвался тот. — Орел взяли, и все. Подходят к Туле...

И убежал.

— Вот дурная борода, — выругался ему в след матрос.

— Говорят, белые и Петербург взяли, — прошамкал нищий, разглядывая на свет поданную ему рублевку. — А в Москве, говорят, памятник Иуде Искариотскому поставили. Народ взбунтовался, и там теперя страшное кровопролитие идет... Ой, — вдруг заволновался нищий. — Кажись, фальшивую всунул, проклятый. Погляди-ка, матрос, глаза у тебя молодые. Видать водяные знаки-то? Ах, ты ж, господи...

Но Губин был уже далеко. Он бежал, не разбирая дороги, прямо через лужи и грязь, затопившую тротуар, и перевел дух только у ворот штаба. На пустыре перед фасадом штаба стояли легковые машины, пароконные экипажи, оседланные лошади. Из окон выглядывали ординарцы в окопных папахах с цыгарками в зубах. На воротах висел плакат:

«Продолжается неделя явки дезертиров!
Чердаки и подвалы, леса и болота не скроют малодушных.
Глупо спасаться от войны, когда она везде и всюду.
Бежать, дезертировать — значит затягивать войну.
Все на Деникина!»

В штабе как будто ничего не изменилось с той памятной ночи, когда Губин, попрощавшись с Кировым, уехал в Баку. Как и тогда, в коридоре слышался топот ног суетящихся ординарцев, в кабинетах стучали пишущие машинки, у изразцовой печки жались тесной кучей службисты штаба и толковали о наступающей зиме.

— Не знаю, как мы ее переживем, — говорил пожилой штабист с дряблым, отвислым носом. — Нефти у нас нет, дров тоже нет. Отрезали нас и от топлива, которое мы хоть изредка получали с верховьев Волги. Плохо, друзья мои!..

Мимо прошла с подносом Анисья Петровна, в зеленой юбке и потертой плисовой кофте. Она не узнала Губина, сильно похудевшего, одетого в рыбацкий плащ с надвинутым на голову капюшоном.

— Кому чай несешь, бабушка? — окликнул ее матрос.

Анисья Петровна с недоумением покосилась на Губина.

— Батюшки, — вдруг воскликнула она. — Ты где пропадал? Киров-то про тебя вспоминал, я слышала. Сейчас я ему скажу про тебя...

— Кому, бабушка?

— Да Кирову, кому ж еще.

Губин рывком подался вперед, но тут же остановился, откинул мокрый капюшон, и Анисья Петровна увидела широко раскрытые смеющиеся глаза матроса.

— Значит, он здесь? Не уезжал? — взволнованно твердил он. — Где ж он, у себя?

— На заседании, — нараспев отвечала Анисья Петровна — Не ходи, я ему сама скажу...

В углу коридора, у дверей большого зала, Губин увидел Самура. Дагестанец стоял у окна, к которому прислонились в ленивой позе двое военных с туго набитыми портфелями.

— Почему же нас не позовут? — спрашивал один из военных, пыхтя трубкой. — Вы доложили, что мы здесь?

— Не знаю, — пожимал плечами Самур. — Я докладывал о вас, но... меня и самого попросили выйти. Очевидно, весьма секретное заседание.

— Безобразие! — проворчал второй военный, низкорослый толстяк с выпуклыми глазами. — Пойдем, Романов, ну их...

— Нет, брат, не уйду я так, — отрицательно качал головой Романов, — а уж если уйду, то... им не поздоровится. Я сюда приехал не шутки шутить!

Губин присел на скамью, немного потеснив лежавшего на ней ординарца. Привалившись головой к спинке, поджав ноги, обутые в стоптанные сапоги, ординарец звучно храпел. Анисья Петровна, скрываясь за дверью зала, улыбнулась матросу.

— Подожди тут...

— Есть, — кивнул головой матрос.

— Может, пойдете пока ко мне? — учтиво предлагал военным Самур, оглядываясь на матроса. — Заседание еще не скоро кончится, поговорим.

— Но вы сказали, что мы из ставки, чорт возьми? — горячился Романов. — У нас полномочия от самого Троцкого, понимаете?..

— Они об этом знают.

— Ну...

— Киров ответил мне: пусть подождут, не к спеху...

— Это возмутительно! — крикнул Романов, — это... очередная выходка Кирова, который стал позволять себе чересчур много. Мы его уже знаем, будьте уверены. Перед отъездом Троцкий наказывал нам...

— Послушайте, — поспешно перебил Самур и раскашлялся, заглушая голос Романова. — Все-таки я советую вам пройти ко мне, а не стоять здесь...

— Все ясно, — не унимался Романов. — На приказы главкома тут плюют, распоряжения ставки не выполняют, комиссию нашу третируют...

— Пойдемте, — оборвал его второй военный, взваливая на плечо портфель. — Криком делу не поможешь.

Взяв за руку Романова, дагестанец повел его по коридору и на ходу шопотом спросил:

— Говорят, что Троцкого отстраняют от руководства Южным фронтом. Это правда?

— Брехня, — сердито ответил Романов. — Это, наверное, сам Киров распространяет. Мы об этом тоже уже слышали и записали. Это знаете, чем пахнет, а? Вы шутите!..

Дагестанец снял очки и, протирая их носовым платком, снова оглянулся на сидевшего вдали Губина.

— Вы слышали, Андреев? — толкнул локтем толстяка Романов. — Ничего себе разговорчики, а?

— Криком тут не возьмешь, — твердил свое Андреев. — Криком можно только детей напугать.

Вдруг он обернулся, заморгал глазами и вскрикнул:

— Глядите-ка!..

У дверей зала, где шло совещание, стоял Киров и крепко обнимал Губина, весело похлопывая его по спине. Матрос смущенно смеялся и что-то говорил, а Киров тащил его к двери.

— Пойдем, пойдем, дружище...

Из зала вышла с пустым подносом Анисья Петровна, покачала головой, чему-то улыбнулась и побрела своей дорогой.

Романов, не двигаясь, смотрел на захлопнувшуюся дверь, за которой скрылись Киров и улыбающийся матрос.

— Это кто такой был в плаще?

— Наш моряк,— усмехнулся Самур,— возит нам на лодках бензин из Баку.

— Позвольте,— вытянулось лицо у Романова,— значит, нас не впустили, а этого лодочника, который возит бензин... Что это такое?

Спустя минут пять они сидели в комнате у Самура и просматривали бумаги. Вытаскивая из ящика стола очередную папку, дагестанец как бы нечаянно захватил лежавший под ней старый журнал «Нивы» с портретом Иллиодора на обложке.

— Пожалуйста...

— Посмотрим, посмотрим,— бормотал Андреев, перелистывая папку.— Что это? Боевой состав Одиннадцатой армии по состоянию на 1 октября 1919 года. Ну-ка, посмотрим...

Романов, полулежа на диване, пыхтел трубкой. Он все еще не мог успокоиться. Дагестанец подошел и протянул ему журнал со словами:

— Поглядите-ка...

Романов взял «Ниву», раскрыл.

— А что здесь?..

— Вы на обложку обратите внимание,— усмехаясь, сказал дагестанец.— Прищурьте глаза...

— Чепуха,— возмущался за столом Андреев. Он встал, пересел на диван к Романову.— Вы послушайте только, какая чушь в этой сводке! Тридцать четвертая дивизия. Седьмая кавалерийская дивизия. Еще одна какая-то дивизия. Аэропланы. Более шестнадцати тысяч штыков и сабель. Откуда это все вдруг взялось, когда известно, что отступившая сюда армия еле насчитывала...

Романов, щурясь, рассматривал портрет иеромонаха.

— Кого вам этот портрет напоминает? — настойчиво спрашивал Самур. — Вы заставьте рукой все, кроме лица и бородки. Вот так...

— Не припомню,— пожимал плечами Романов.— Не возьму в толк...

— На Кирова не похож?

Андреев посмотрел сбоку на обложку и залился хохотом.

— А ей-богу, похож...

Дагестанец взял журнал и навел очки на Иллиодора.

— По-моему, очень похож,—убежденно сказал он.—Кстати, говорят, что Иллиодор этот жив и здравствует, причем некоторые даже утверждают, что...— Тут Самур сделал шаг в сторону, приподнял носок сапога и, подержав его немного в воздухе, опустил на паркет...— Нет, этого я вам не буду говорить...

— Что, что такое? — заинтересовался Андреев.

— Видите ли, это касается личности Кирова... — мялся дагестанец, пряча в карман «Ниву». — Нет, не стоит говорить...

— Тем более! — воскликнул Романов.— Раз это касается Кирова, то нас это особенно интересует, потому что, скажу вам по правде, в ставке Троцкий нам говорил, что ему внушает большие опасения личность Кирова...

— Вот какая вещь...— нерешительно заговорил дагестанец, прикасаясь обеими руками к очкам.— Мне кажется, что для будущей истории каждый обязан говорить то, на что у него есть в руках доказательства, правда?

— Правильно,— одобрили в один голос военные.

— Ну вот, а тут доказательств почти нет,— продолжал Самур,— один этот журнал. Правда, если присмотреться к окружающему и вообще к нашему положению, то сразу можно заметить что-то неладное. Вы сами сейчас говорили, что на приказы ставки здесь плюют, распоряжения главкома игнорируют и так далее. На фронте — измены, в городе — террор, холод, голод. Невольно приходит на ум: почему это так? Нет ли тут какой-нибудь скрытой причины...

— Так, так...— сказал Романов.— Ну дальше...

— Возьмем, например, историю с эвакуацией Астрахани. Ваш приказ мы не выполнили, то-есть я говорю о Кирове. Отказавшись эвакуировать город,— я привожу это, как предположение,— оговорился Самур,— он тем самым распылил силы, повредил планам ставки, и в результате мы потеряли Царицын...

— Вот, вот!— вскочил Романов.— Это и говорил главком...

— Позвольте же кончить, — почтительно остановил его Самур.— Все это, конечно, невольно наводит на мысль, что...

— Ну, говорите же...

Самур подошел к двери, проверил, плотно ли она закрыта, и продолжал:

— С этим журналом «Нива» ко мне пришла на-днях одна коммунистка. Ее фамилия — Раевская, она бывшая сестра милосердия. Как видите, вполне свой человек. Так вот, приходит она страшно взволнованная и говорит: что делать? Недавно, по дороге из Самары, куда она ездила повидаться с родными, встретился ей какой-то красноармеец. Разговорилась она с ним об Астрахани, и, понимаете, вдруг он ей показывает этот самый журнал и говорит: «Настоящий Киров на Кавказе, а этот...»

Раздался стук, дверь распахнулась, и на пороге появился ординарец с красными, опухшими от сна глазами.

— Приказано принести товарищу Кирову сводку о боевом составе армии на 1 октября. Срочно,— добавил ординарец, с недоумением глядя на застывших в неподвижной позе военных. Глаза Андреева, и без того большие, были так страшно выпучены, что ординарец не удержался и фыркнул.— Что передать?

— Скажи, сейчас принесу...

Когда ординарец ушел, Самур прикрыл за ним дверь, приложил палец к губам и шопотом проговорил:

— Короче говоря, Киров — это переодетый иеромонах Иллиодор!..

За дверью снова послышались взволнованные голоса. Потом дверь с треском распахнулась, и в комнату ввалился Ерохин — бледный, задыхающийся, в сдвинутой на затылок меховой шапке. С шинели его ручьями стекала вода.

— Заходи, Бойко,— взволнованно звал он стоявшего в коридоре невысокого, тоже в шинели, пожилого человека с болезненным, одутловатым лицом и маленькими, глубоко сидящими глазами.— Давай скорее.

Бойко вошел и притворил за собой дверь. Военные тревожно переглянулись и встали. Тогда, с трудом переводя дыхание, Ерохин объявил:

— Необычайная, ужасная весть. Сейчас мы на улице встретили Раевскую, и она сказала нам, что... Боже мой, где были наши глаза!

— Не о Кирове ли? — тихо спросил дагестанец.

Ерохин испуганно отшатнулся.

— Вы уже знаете? Какой ужас!..

— Потише,— схватил его за руку Самур.— Не орите на весь штаб...

Взяв папку и приложив палец к губам, давая знак Ерохину молчать, он поспешно вышел в коридор и направился в зал, где шло совещание Реввоенсовета.

...— Таким образом, — говорил сероглазый человек в военном френче, водя рукой по карте,— в полном соответствии с планом Сталина мы начинаем наступательные операции в двух направлениях. Первый удар...

Он вдруг умолк: вошел Самур. В зале было тесно, и дагестанец с трудом пробрался к Кирову, сидевшему возле окна на одном стуле с Губиным. Пока Самур передавал ему папку, в зале среди собравшихся командиров началось движение, заклубился тихий говор, раздались покашливания, вздохи. Тимофей, стоявший в углу, звякнул шпорами.

— Там вас ждут,— сказал Самур Кирову.— Сердятся на вас!

Мироныч, не ответив, раскрыл папку и склонился над ней, задумчиво дымя папироской.

— Больше ничего?— медлил Самур.

— Да, можете итти.

Человек, стоявший у карты, воспользовавшись передышкой, пил из стакана остывший чай. Когда Самур исчез за дверью, Тимофей нетерпеливо почесал свои рыжие усы и неожиданно для всех громко крикнул:

— Ну, давай!..

Командиры рассмеялись, Киров проговорил:

— Продолжай, Валерьян Владимирович.

Сероглазый снова начал водить рукой по карте. Губин послушал, откашлялся и тихо спросил у Кирова:

— Этот... у карты, кто такой?

— Не знаешь?

— Нет.

— Это большой человек,— ответил Киров, задумчиво отчеркивая цифры, которыми была испещрена сводка.

— Не генерал он?

— Что ты, какой генерал,— усмехнулся Киров.— Это Куйбышев, член нашего Реввоенсовета.

Губин смущенно засопел.

— Ты его, видно, за Люнденквиста принял?

Губин не ответил. Ему было стыдно сознаться, что в первую минуту, увидев этого человека, он подумал именно так: теперь, приглядываясь к нему, он думал:

«Ну, конечно же, не похож на генерала».

В перерыве Губин узнал все новости. О Люнденквисте ему рассказали, что генерал так и не доехал до Астрахани, — в пути его арестовали. Выяснилось, что этот военспец, пользовавшийся большим доверием в ставке,— предатель и шпион. Вскоре после этого Троцкий сделал новую попытку отозвать Кирова, но вмешался Ленин, и Мироныч остался в Астрахани.

— Теперь у нас, брат, Реввоенсовет есть,— хвастал Тимофей,— три дивизии!..

Вчера он получил чин комбрига, на радостях выпил немного лишнего и всю ночь распевал песни в штабе; теперь у него саднило в горле, кружилась голова.

— Еще, того гляди, и разжалуют,— вздыхая, говорил он Губину.— Ой, и вино же попалось крепкое, отрава!..

Он придвинул к себе графин, выпил всю воду, потом крякнул, вытер усы и подошел к карте.

Куйбышев и Киров стояли в углу, окруженные командирами, и негромко, но весело смеялись, глядя на казака. Нагнувшись к карте, свернув голову на бок и чуть высунув язык, Тимофей старательно чертил ногтем косую линию от Астрахани через пустынные пески и солончаковые озера Калмыцкой степи к горам Кавказа.

— Так, так, Тимофей,— крикнул ему Киров.— Изучай маршрут, пригодится!

Казак оторопело оглянулся и поспешно, звякая шпорами, отошел от карты.

— Хороший командир,—тепло сказал Куйбышев, глядя ему в след,— где ты его выкопал, Мироныч, скажи на милость?

— Это целая история,— улыбнулся Киров.— Кстати, вот и второй наш выдвиженец, Губин,— добавил он, представляя моряка Куйбышеву.— Прошу любить и жаловать. Наш отважный командир секретной флотилии!..

— А, ты мне рассказывал,— вспомнил Куйбышев.— Здравствуйте.— Он приветливо кивнул матросу, схватил его за руку и втащил в круг.— Ну, как съездили. Что слышно в Баку?..

Губин отнекивался, упирался. Куйбышев качал головой и шутил.

— Какой же он отважный, застенчив, как барышня!..

— Я же не оратор,— оправдывался матрос.

— А разве ты на трибуне? — говорил Киров.— Расскажи, как можешь.

Матрос молчал. Синие жилы вздулись на его лбу. Все ждали. Тогда Киров, как бы невзначай, спросил:

— Англичан не встречали на море?

Тут матрос заговорил. Сначала немного путаясь и запинаясь, а потом довольно гладко рассказал, что англичане поспешно уводят свои взбунтовавшиеся войска с Каспия. Нет их уже в Петровске, уходят они и из Баку. В горах Кавказа осмелевшие партизанские отряды нападают на деникинские гарнизоны, внезапными налетами разрушают их обозы, вносят в войска белых панику и ужас...

Слушая Губина, Мироныч порой поглядывал на карту. По всему ее полю пестрели красные и белые флажки. Извилистыми линиями раскинулись они по стране, местами противостояли друг другу четким фронтом, местами перепутались или гнездились густым роем вокруг какого-нибудь пункта. Тыл Деникина был густо усеян красным флажками, обозначавшими пункты, захваченные партизанами и повстанцами. Рассеялись они по Кавказу, черноморским областям, Украине. От Астрахани через пески к Тереку тянулся глубокий след от ногтя Тимофея.

К Куйбышеву бочком пробрался Ерохин. Он склонился над его ухом и зашептал. Тот поднял брови, послушал, потом кивнул головой и сказал:

— Хорошо, сейчас приду.

Держась подальше от Кирова, Ерохин прошел вдоль стены к двери скрылся за нею.

Губин и Тимофей уселись на пол подле карты, а Киров, откашлявшись, тряхнул головой и начал негромко излагать план похода астраханской армии через Калмыцкие степи...

2

Войдя в свой кабинет, Куйбышев зажег лампу и пригласил к столу Ерохина. Бойко стоял у темного окна.

— Слушаю вас...

Ерохин шумно отдувался, нервно вертел попавшееся ему тяжелое пресс-папье с золоченой резьбой и молчал. На стене тикали большие старинные часы. Бойко переступил с ноги на ногу, откашлялся.

— Это Бойко, из исполкома,— сообщил Ерохин,— наш партиец, а я тоже...

— Помню, видел вас,— кивнул головой Куйбышев,— кажется, на партийном собрании...

Снова наступило молчание. Слышно было, как за стеной по водосточной трубе журчит вода.

— Ну,— сказал Куйбышев.

Ерохин, наконец, решился; глубоко вздохнул, посмотрел на Куйбышева и заложил руки за спину.

— Закройте глаза.

Куйбышев с недоумением смотрел на Ерохина.

— Зачем?..

— На один момент закройте, а потом откройте...

Усмехнувшись, Куйбышев пожал плечами, настороженно покосился на Бойко и зажмурил глаза. Ерохин быстро положил перед ним «Ниву» с портретом Иллиодора.

— Теперь откройте.

— Ну? — недоумевал Куйбышев, разглядывая портрет.— К чему эта комедия?

— Перед вами царицынский иеромонах Иллиодор...

— Вижу,— согласился Куйбышев.— Тут написано внизу.

— Кого из знакомых... эм-м... Кого он вам напоминает? Посмотрите еще раз...

Куйбышев сделал нетерпеливое движение рукой, нахмурился.

— Что за глупости! Зачем вы меня оторвали от дела?

— Сейчас, сейчас, — бормотал Ерохин. Схватив журнал, он поднес его к лампе. — Вот теперь скажите, на Кирова похож, а?..

— Не понимаю,— с сердцем сказал Куйбышев, выходя из-за стола.— Если вы пришли сюда ради того, чтобы показывать мне картинки...

— Постойте,— удерживал его за рукав Ерохин.— Вы обязаны выслушать нас до конца. Мы пришли сюда не ради шутки. Вы знаете, кто такой Киров?.. Кто? Он...

Стоя посреди кабинета, Куйбышев ждал.

— Ну...

— Он — Иллиодор, — выпалил Ерохин. — У нас есть доказательства.

«Они с ума сошли», подумал Куйбышев. Вид молчаливо стоявшего у окна Бойко убеждал его, что этот человек явно помешан. Бойко дико таращил глаза, руки его дрожали, губы болезненно кривились. Вдруг он рванулся к Куйбышеву и стал бить себя кулаками в грудь, крича:

— Не верите? Да? А фронтовику, который раны имеет, поверите? Мы будем кровь проливать, а вы предателя покрываете! Не позволим! Весь народ знает!..

— Не кричите,— перебил его Куйбышев.— Это кто же, по-вашему, предатель? Кто?..

Бойко схватился за голову и упал в кресло. Ерохин дрожал мелкой дрожью; Куйбышев ощущал позади себя его прерывистое, горячее дыхание.

— Товарищи, подумайте, какое чудовищное предположение вы допускаете,— тихо заговорил Куйбышев.— Не понимаю даже, как могло оно зародиться в ваших головах? Ведь я хорошо знаю Кирова много лет, встречался с ним еще в Томске. Это один из самых преданных нашей партии людей, старый революционер, сидел в тюрьмах, знают его хорошо Ленин, Сталин, Свердлов, вожди нашей партии. Знают его в Томске и на Кавказе, где он долгое время вел подпольную работу. Как могли вы поверить в эту дикую, невероятную клевету да еще приходить ко мне с таким...

Куйбышев разволновался, голос его стал срываться; глядя перед собой в одну точку, он тихо закончил:

— Стыдно, товарищи...

Ерохин качал головой.

— Нет...

Бойко истерически всхлипывал в кресле и твердил:

— Нет правды...

— Ну, тогда позвольте вам доказать, — сказал Ерохин. — Сядемте.

Часы зашипели и пробили девять. Ерохин начал издалека, с приезда экспедиции Кирова в Астрахань. Рассказал об утонувшем грузовике с деньгами, о мятеже, о расстреле Буканова, перечислил все бедствия, какие только пришлось пережить Астрахани за этот год,— тиф, голод, налеты английских аэропланов, поражения на фронтах, неудачи — и все это приписал Кирову, уверяя, что он, Ерохин, давно подозревал в нем переодетого Иллиодора. Он рассказал о встрече Раевской с красноармейцем, давшим ей номер «Нивы»; доказывал, не выпуская из рук пуговицу френча Куйбышева, что даже ораторская слава Кирова — довод в пользу того, что он именно Иллиодор, ибо Иллиодор тоже был умелым церковным оратором и славился тем на всей Волге. Когда часы пробили половину десятого, Куйбышев прервал Ерохина:

— Хорошо,— сказал он, устало морща лоб и отстраняя от себя дрожащую, потную руку Ерохина,— сегодня же ночью я выясню...

— По-моему, надо его немедленно убрать с поста... — начал Ерохин, но Куйбышев перебил его:

— Идите...

Выйдя от Куйбышева, Ерохин и Бойко пустились бегом в спецотдел, где их поджидали Самур и военные, прибывшие из ставки.

— Скорей уходите из штаба,— свистящим шопотом произнес с порога Ерохин,— мы пропали... Он с ним в заговоре...

3

Спустя немного времени все четверо брели по темной, безлюдной улице к дому, где жила Раевская.

— Эх, господи, — вздыхал Ерохин, ежась в шинели. — Зачем вы нас к нему послали? Ведь сразу можно было понять...

— Ерохин, вы задним умом крепки,— отрезал Самур,— помолчите...

Бойко и военные шли молча.

— Что теперь-то делать, а? — не успокаивался Ерохин.— Послушайте, нельзя терять ни минуты времени. Действовать нужно сегодня же, пока Куйбышев не успел поговорить с ним и не предпринял против нас...

— Ну вас к чорту! — выругался Самур.— Не учите...

Раевская была дома. Она встретила их у порога, ввела в небольшую полутемную комнату с высоким венецианским окном. Сидя на низкой, широкой тахте, они долго совещались, возбужденно спорили, потом все, гурьбой, пошли в Губвоенкомат. Поднялись на второй этаж, постучались к начальнику гарнизона, заставили его закрыть глаза, потом открыть и показали «Ниву» с портретом Иллиодора. Начальник сначала опешил, растерянно пощипывал свои черные густые усы, но быстро сдался, поверил, что Киров — это Иллиодор, и немедленно отдал приказ привести в боевую готовность пехотные части и артиллерию гарнизона.

В первом часу ночи Самур и Раевская пришли в Особый отдел. Атарбекова не было, он уехал в Москву к Дзержинскому. Предъявив мандат Губвоенкомата, они потребовали провести их в камеру, где сидел епископ Леонтий, арестованный по делу контрреволюционного заговора графа Нирода. Раевская осталась в коридоре и завела разговор с ча-

совым, а Самур, войдя в камеру, уселся рядом с Леонтием на скрипучей железной койке.

— Что вы можете рассказать об Иллиодоре? — начал Самур.

— Об Иллиодоре?

— Да...

— Что же я могу показать?

— Вы его знали?

— Конечно.

— Где он теперь?

— Не знаю...

— Как не знаете?

— Откуда же мне знать, я ведь под стражей.

Самур кусал губы. Он торопился. За дверью часовой и Раевская о чем-то спорили.

— Вы лучше не скрывайте, — убеждал Самур, — Иллиодор в Астрахани, мы это знаем...

— В городе, здесь?..

— Да... И носит фамилию Кирова.

Епископ забормотал молитву, глаза его расширились, заморгали.

— Послушайте,— раздраженно сказал Самур,— если хотите выйти на свободу, то завтра, когда вас позовут в штаб, подтвердите, что Киров и есть Иллиодор.

— Зачем?

— Какой вы, простите меня, ишак. Вам ничего не сделают. Вы только подтвердите.

— Но сей муж не Иллиодор! — упрямился епископ. — Как я могу такое сказать! Помню, я шутя говорил как-то покойному Матюшину и другим, что очень он похож на Иллиодора. Поразительно похож. Увидевши его на берегу, я прямо диву дался. Но не Иллиодор он. Крестом могу засвидетельствовать, что не он...

— Вы старый дурак,— вспылил Самур и резко поднялся с койки.— Цианистый калий прятали, а это боитесь сказать. Ну, и сгниете здесь. Сегодня же ночью вас поставят к стенке...

— Скажу! — взревел Леонтий, бросаясь вслед за Самуром. — Скажу! Не губите души моей. Иллиодор он! Иллиодор!..

...— Все в порядке,— сказал Самур, открывая чугунную резную калитку и выходя на улицу.— Уговорил, чорт бы его побрал!..

Раевская, осторожно приподняв пальто, маленькими шажками шла следом за Самуром, огибая встречные лужи.

4

Был поздний час, когда Киров, пожелав своему секретарю спокойной ночи, ушел к себе. Секретарь — худощавый, смуглый парень лет тридцати, с взъерошенными волосами, остался в столовой допивать чай. Держа в одной руке чашку, он другой долго ловил загрубелыми пальцами ускользавшую от него белую крупинку сахарина, наконец, ухватил и, опустив в чашку, размешал ложечкой.

Перебирая в памяти все события минувшего вечера, секретарь старался найти разгадку беспокойного настроения Кирова. И тут ему вспомнилось, что в штабе, после заседания Реввоенсовета, Мироныч и Куй-

бышев уединились и долго о чем-то беседовали. Может быть, там, на севере, что-нибудь случилось? Нет, дело идет как будто на перелом. Вечером, в самом конце заседания Реввоенсовета, пришли сведения, что движение белых к Москве приостановлено и в районе Орел — Кромы — Воронеж завязываются упорные бои. Туда брошена ударная группа войск, руководимая Орджоникидзе, конный корпус Буденного.

На улице вдруг залаяла собака — сначала тихо, потом все громче и злее, вся залилась в неистовом лае, словно ее кто-то ударил. В передней зашлепал босыми ногами ординарец. Приглушенно зазвучали голоса у парадной двери.

— Что за поздние гости? — подумал секретарь, накидывая шинель и выходя в переднюю.

Дверь на улицу была открыта. Там стояли какие-то красноармейцы. Вверх по лестнице поднимались Ерохин, Бойко, приехавшие из ставки военные и командир гарнизона.

— Сдайте оружие! — потребовал Ерохин.

Секретарь отпрянул к двери и хотел броситься в спальню Кирова, но, прежде чем он успел это сделать, Бойко загородил ему дорогу. У двери в спальню стали на карауле два красноармейца. Романов, Андреев и остальные красноармейцы начали шарить по квартире; одни копались в корзине, стоявшей в передней; другие обыскивали столовую. Все это делалось тихо, бесшумно. Секретаря обезоружили. Пряча его револьвер к себе в карман, Ерохин строго приказал ему:

— Закрой глаза!..

Тот ошалело смотрел на Ерохина.

— Тебе что говорят? Закрой...

Вытащив из кармана журнал, Ерохин ткнул его в лицо секретарю.

— Ты кому служишь, а? Знаешь ты, кто такой Киров, а? Погляди!..

С недоумением глядел секретарь на обложку. Правая бровь его чуть подрагивала.

— Что вам надо, — наконец, проговорил он, — зачем пришли?

— Арестовать Кирова.

— Арестовать?

— Да, — отвечал Ерохин. — Мы его... Мы установили точно, что он переодетый иеромонах Иллиодор!..

Стоявшие на карауле красноармейцы насторожились и стали с интересом прислушиваться. Те, которые делали обыск, тоже подняли головы и замерли. У всех вытянулись лица.

— Да невже?! — удивленно спросил рябой здоровенный красноармеец, высовывая голову из корзины, откуда он выкладывал на пол книги. — Вин Иллиодор?..

— Молчать! — цыкнул на него Ерохин.

В раскрытую дверь передней с улицы нанесло холод. На полу были разбросаны книги, лежали опрокинутые ящики, изорванные бумаги. На черном ходу переговаривались Романов и Андреев. Они чего-то опасались и, когда Ерохин позвал их, не откликнулись.

— Где же они? — искал их Ерохин. — Надо ж...

Секретаря продолжал допрашивать командир гарнизона. Это был узколобый грубоватый человек, бывший астраханский бондарь. Хорошо

зная секретаря, он уговаривал его не шуметь и не мешать действиям законной власти.

— Покончим с ним,— говорил он, кивая головой на дверь спальни,— а потом возьмемся и за Куйбышева, они — в заговоре...

— Эге!.. — бормотал про себя, все более удивляясь, рябой красноармеец и смотрел на караульных у дверей спальни. Те тоже переглядывались, тайком от Ерохина, за его спиной, озадаченно пожимали плечами.

— Пошли,— позвал Ерохин.

Он выхватил револьвер и осторожно приоткрыл дверь спальни. Киров чиркал в темноте спичкой.

— Что за шум, Андрей?

Блеснул огонь и погас. Дверь широко распахнулась, и Ерохин, врываясь в комнату, крикнул:

— Вы арестованы! Руки вверх!..

Он погорячился и тут же пожалел; Киров зажег лампу и спокойно, лишь слегка удивленно двигая бровями, стал одеваться.

— Садитесь,— сказал он, натягивая галифе.

В спальню заглядывали через открытую дверь красноармейцы. Некоторые вошли, стали у стен; Бойко и командир гарнизона сели за стол, а Ерохин грозно подступил к Кирову.

— Эй!.. — позвал Ерохина командир гарнизона.— Погоди.

Там, в военкомате, когда к нему пришли Самур, Раевская, Ерохин и военные из ставки он поверил их утверждениям, что Киров — переодетый Иллиодор. Но теперь военные куда-то улетучились, Ерохин кричал чересчур истерично, и это не нравилось командиру. В душу закрадывалось сомнение.

— Ну-с, — любезно сказал Киров, уже одетый в гимнастерку. — Рассказывайте, зачем пришли.

— Да вот, поговорить с тобой,—ответил командир.—Серьезная вещь...

— О чем тут говорить! — воскликнул Ерохин.— Дело ясно, как день.

— Для вас ясно, может быть, а для меня это пока — задача...

— Вы прикидываетесь!..

— Ну, не будем спорить — сдался Мироныч. — Кое о чем я догадываюсь.

— Ага, на воре шапка горит...

— Видишь ты,— начал командир нерешительно,— скажи нам, кто ты такой?

Стоявшие у двери красноармейцы замерли.

— Ты послухай,— шопотом говорил рябой своему соседу.— Чи не тот он, шо нас встречал, когда мы из степи пришли, а?

— Тот..

— Мне странно слышать от вас такой вопрос,— говорил с улыбкой Киров, обматывая ногу онучей и натягивая сапог.— В Астрахани я давно, и вы меня хорошо знаете...

— Нет, скажи, кто ты,— настаивал командир.

— Я — Киров. Это моя подпольная кличка. А фамилия моя — Костриков...

— Откуда ты приехал?

— Из Москвы.

— А до того где был?

— На Тереке...

— А в Царицыне бывал?

— Бывал.

— Гм, — закашлялся командир. — Бывал, значит.

Ерохин усмехнулся и подтолкнул локтем Бойко, как бы говоря: «Ну, и потеха». Бойко судорожно сжимал рукоятку револьвера. Глаза его налились кровью. Ерохин поспешно отодвинулся от него в другой угол спальни.

— Закрой глаза, — потребовал командир у Кирова.

Мироныч закрыл. Он понимал, что рискует жизнью. Открыв глаза, он увидел перед собой злополучную обложку «Нивы». Долго, внимательно разглядывал он портрет иеромонаха, с некоторым даже интересом, и про себя думал:

— Действительно, пожалуй, немного похож, чорт возьми...

— А ну — распишись, — сказал командир.

Мироныч взял карандаш и расписался на обороте обложки. Все находившиеся в кабинете тесно сгрудились вокруг командира, сличавшего при свете лампы почерк Кирова с личной подписью Иллиодора на обложке. Красноармейцы глядели то на Кирова, то на портрет иеромонаха.

— Почерк немножко не такой, — бормотал командир.

Натянув сапоги, Киров встал, подошел к столу и спросил:

— Ну, что?

— Расскажи нам свою биографию...

— Ох, это долго, — усмехнулся Киров. — Но в двух словах, если хотите. Я уроженец Уржума, жил в Сибири, в Томске, работал там, кстати, с Куйбышевым, который тогда тоже был в Томске, а сейчас, как видите, нахожусь здесь. Ну... сидел раза три в тюрьме, работал около десяти лет в подполье на Тереке, потом уехал в Москву и... Ну, что еще?.. Работаю сейчас с вами здесь, в Астрахани. Вот вам и вся моя недолгая жизнь. Если хотите, могу поподробнее...

— Пожалуйста!.. — вырвалось у рябого, но тут же, смутившись, он отошел к дверям, бормоча: — Извиняюсь...

— Ну, давайте начистоту, — решился Ерохин. — Некоторые лица, фамилий их не буду называть, сообщили нам о весьма необычном случае. Будто бы Иллиодор жив и здравствует... в Астрахани. Да-с. Будто бы Иллиодор бежал из Царицына год назад от советской власти и здесь, в Астрахани, превратился в Кирова. Что вы на это скажете?

— Я хотел бы знать, кто эти лица? — спросил Киров, глядя в упор на Ерохина, — и почему они решили, что я именно Иллиодор, а не Наполеон или капитан Копейкин?..

— Наше дело расследовать, — пробасил командир гарнизона. — Ежели это клевета...

— А вы еще сомневаетесь, что это клевета?!

— Надо все ж таки выяснить...

— Для Ерохина все ясно, — пожал плечами Киров. — Он убежден, что я Иллиодор, и я не хочу его переубеждать. Я для вас говорю и для них, — показал он на бойцов, молча стоявших в спальне, — для тех, кто постыдно обманут.

— Вы! Вы обманываете нас! — взвизгнул Ерохин. — Еще когда вас выбрали в ревком, я подозревал...

— Вот как? — перебил его Киров. — Почему же вы молчали?

— Молчал, пока...

— Пока не было подходящего момента? Понимаю. А сейчас вы решили, что можете разделаться со мной?

— С вами не мы разделываемся, а народ! — заорал Ерохин. — За что вы Ольховича расстреляли! За что Буканов погиб? Теперь нам все ясно...

— Теперь вам ясно... — нахмурился Киров. — Эх вы... Говорите прямо, уж коли на то пошлю. Прятались вы долго, двурушничали, теперь хватит. Теперь вы, Ерохин, — голенький...

— Стой!.. — вдруг послышался испуганный голос рябого красноармейца. — Брось! Брось, говорю!..

Все оглянулись. Обхватив Бойко, рябой вырывал у него оружие.

— Пусти, — хрипел Бойко.

— Хлопцы, — крикнул рябой, — поможить трошки!

— Куда? — подбежал Ерохин. — Вы что, с ума сошли?

Бойко отчаянно бился, силясь вырваться из рук рябого красноармейца. Ерохин накинулся на часовых, но тут же отлетел в сторону, оглушенный могучим ударом чьего-то кулака...

На улице послышался конский топот, в окне блеснули фары автомобиля. Красноармейцы с яростной бранью вытаскивали в коридор извивающееся в судорогах тело Бойко. В передней они встретили военных из ставки. Внизу на лестнице стоял Самур.

— Уже? — шопотом спросил Самур.

— Пошли вы к чорту! — сердито ответил рябой.

Приезжие из ставки кинулись к выходу, увлекая за собой Самура, и вскоре скрылись в непроглядной мгле, окутавшей улицу. Дождь перестал, затих и ветер, и ночную тьму еще более сгустил туман, надвинувшийся с Волги.

5

Весть о покушении на Кирова всколыхнула всю Астрахань. Весь день валил народ в штаб. Куйбышев был вне себя.

— Негодяи! — волнуясь, говорил он. — Надо было сейчас же принять меры, а мы поговорили, отложили на завтра и разошлись!

— Но кто же мог предполагать такое? — смеялся Киров. — В общем, испортили мне ночь...

— И ты рассказывал им, говорят, свою биографию?

— Пришлось.

— Это ужасно, чорт возьми!..

— Но это и спасло мне жизнь, Валерьян.

Спустя неделю, зайдя как-то утром к Кирову, Анисья Петровна его не узнала. Она оторопело всплеснула руками.

— Боже, а где ж борода?..

— Сбрил...

Киров трогал рукой непривычно голый подбородок и шутил:

— Хорош, а?

Он выглядел совсем молодым, и только по глазам, глубоким, искрящимся неугасимой искрой веселья и бодрости, но уже тронутым морщинками в уголках век, чувствовалось, что он пережил большую жизнь.

Сотрудник Особого отдела докладывал Миронычу о ходе допроса арестованных. Раевская и Самур оказались шпионами. Военным, прибывшим из ставки, удалось бежать из Астрахани.

Шли дни... Под Орлом и Кромами, под Воронежем и Касторной решалась судьба страны. Белые полки стремительно откатывались назад, под натиском ударной группы Серго и конницы Буденного, В это время астраханские части перешли в районе Черного Яра в наступление и, после семидневного ожесточенного боя, сломив сопротивление противника, преследуя его по пятам, двинулись к Царицыну. На юго-восточном фланге, в Прикаспии, были разбиты под Ганюшкиным и сметены в море астраханские белоказаки, входившие в Особую уральскую армию генерала Толстова.

В конце декабря, возвращаясь в Астрахань из поездки по фронту, Киров достал на одной пристани «Правду». Пароход шел медленно, река уже примерзала. Раскрыв газету, Киров прочел опубликованную в ней статью Сталина «К военному положению на Юге». В Астрахани, сойдя на берег, он встретил Губина. Матрос вытащил из бушлата и показал Кирову этот же номер «Правды».

— Смотрите... — Он подул на руку и отчеркнул ногтем одну фразу в статье Сталина. — Тут говорится как раз о походе Антанты и, Сталин пишет: «Самый же план похода был набросан в письме Деникина Колчаку, перехваченном нами со штабом Гришина-Алмазова весной 1919 года». А ведь это — мы! — радостно говорил матрос, притоптывал от холода ногами. — Наша победа!...

— Знаю, читал, — улыбнулся в ответ Мироныч.

6

В эту ночь, под Астраханью, на берегу Волги, опять горели костры...

Как и тогда, в феврале, в воздухе было сыро; падал снег, у берега река уже примерзла. В темноте, далеко на той стороне, искрились огоньки города.

У костров сидели бойцы.

Порой огонь выхватывал из мрака коренастую фигуру Мироныча в долгополой шинели. Там, где он появлялся, ночная тишина оглашалась взрывами многоголосого «ура», дружными криками:

— Даешь Кавказ!..

Гулким эхом откликалась лежавшая за кострами бескрайняя Калмыцкая степь. У одного из костров пожилой рослый казак из бригады Тимофея рассказывал:

— А как я попал в Астрахань, не помню, и все. Ну, не помню! Осталось у меня в памяти тильки одно: проходили мы через якийто хутор, рыбы мерзлой жрали и шли дальше. Снег! Буря! Страшно, как вспомнишь. А вот как это я в Астрахани очутился — ну, хочь убейте, не осталось в голове...

— А я все помню! — задумчиво произнес седоусый казак в новенькой шинели и жирно смазанных сапогах. — И как шли через эту степь, и тот вечер, когда мы все у костров сидели на берегу и ждали

погибели. Не дай бог, чего мы только тогда не говорили про эту Астрахань. Прямо теперь и вспомнить неудобно. От обиды, конечно, говорили. А он по берегу шел с санитарами и забирал нас, больных и раненых, в лазареты. Где б теперь наши кости были...

Темень все больше поглощала берег. Едкий дым от костров разъедал глаза; на талую землю, на людей сыпались искры; шипел в огне хворост; неверный колеблющийся свет выхватывал из темноты то чью-нибудь голову в остроконечном шлеме, то передок зарядной двуколки с высоко поднятыми к небу оглоблями, то морду лошади, то чей-нибудь штык, то силуэт человека, помешивающего ложкой булькающую кашицу в котелке, что подвешен над костром.

Тимофей шел вдоль берега, ведя в поводу коня.

— Куда это он? — удивлялись бойцы, видя, что он уходит куда-то в темную степь. — Шось он там потерял, наш командир...

Некоторые его окликали:

— Товарищ командир, скажите, шо потеряли? Мы сами пошукаем...

Тимофей угрюмо отвечал:

— Да отвяжитесь, черти!..

По талому глубокому снегу он добрался до невысокого холма. На лысой песчаной его верхушке торчал покосившийся крест, и на нем сидела ворона.

— Кишь! — погнал ее Тимофей.

Долго стоял он у могилы. Стоял и думал:

— Эх, Степа!..

Всю ночь к лагерю подтягивались из города отряды. Пришел и матросский отряд Губина, — все в черных бушлатах, с бомбами за поясами.

На рассвете, когда над Волгой поднялся промозглый, холодный туман, на берегу заиграли трубы, и весь лагерь ожил. Полки выстраивались и один за другим уходили в степь. Падал снег, крепкий ледяной ветер рвал знамена — красные пятна над колоннами конницы, пехоты, артиллерии, над бурой, холмистой степью, и Тимофей, глядя на все это, крикнул: «Прощай, Степа», и подхватил слова лихой казачьей песни, которую пела его бригада:

Полно вам, снежочки, на талой земле лежать,
Полно вам, казаченьки, горе горевать...

Армия шла в обратный путь; шла по той самой дороге, по которой прошлой зимой, устилая мерзлые пески телами тысяч бойцов, павших от голода и тифа, отступала с Кавказа.

Армия шла в наступление.

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ В ДЕНЬ ЕГО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Где и у кого впервые возникла мысль о новом йореле — неизвестно. Повидимому, слагать этой йорел начали одновременно во многих улусах республики...

Приближается зима. Осенная луна на ущербе. Тонкий рог бледного месяца тает в темном лиловом небе. Плохо спится в такую ночь старикам. Наступает день, когда старики должны выполнить древний обычай — проверить готовность хотона к долгой трудной зиме. Утром старики наряжаются в лучшие свои одежды, седлают самых быстрых коней и едут в степь.

С нетерпением ждут калмыки наступления этого дня. Отцы степей оценят труд каждого, а затем можно будет отпраздновать окончание работ и отдохнуть. Старики придирчивы, и ревниво следит за выражением их лиц молодежь. Старики могут так высмеять нерадивцев, что потом стыдно будет показаться людям на глаза. Лучших работников воспоют в йорелах — благопожеланиях, произносимых на празднествах, которыми обычно заканчивается торжественный день.

Древний народный обычай выполнили и в этом году. Но первым йорелом, произносимым на празднествах, был йорел в честь товарища Сталина. По всей степи разнеслась молва о том, что в декабре великому Сталину исполняется шестьдесят лет, и не было хотона, в котором празднества не начинались бы пожеланием благ вождю советских народов, вождю трудящихся всего мира.

Дошла молва и до Элисты. Там решили созвать народных певцов в столицу республики.

Во всех улусах и хотонах седлали лучших коней, из всех улусов и хотонов поехали старые йорелчи и джангарчи в Элисту.

Когда певцы собрались в столице, между ними возник спор — кому из них должна принадлежать честь сложить йорел. Одни ссылались на свою стахановскую работу, другие являлись представителями передовых улусов и колхозов, третьи были самыми старшими по возрасту... После долгих споров право сложить йорел было единодушно предоставлено ровесникам великого Сталина. Среди собравшихся их нашлось девять человек.

Девять торжествующих йорелчи углубились в свои думы. Они перестали замечать окружающих. Прислушиваясь к шопоту певцов, можно было разоб-

рать отдельные слова: «Бумба»—страна изобилия и счастья, воспетая в великой эпической поэме калмыцкого народа «Джангаре», «мангусы»—многоголовые чудовища, «аранзал» — кони героев «Джангариады» Джангара и Хонгора. «лунь» — птица, родственная соколам, изображенная в древнем калмыцком гербе, «чиндамани-эрдени» — драгоценность, исполняющая все человеческие желания, «Сумеру» — гора, находящаяся, согласно калмыцкой космогонии, в центре земли... По этим словам можно было догадаться, что йорелчи перебирают в памяти всю историю калмыцкого народа, все лучшие образы народного эпоса.

И вот, в солнечный полдень 8 ноября 1938 года, йорелчи надели белые шелковые бешметы, собрались в белоснежной кибитке и запели...

Так сложился публикуемый ныне йорел калмыцкого народа Иосифу Виссарионовичу Сталину в день его шестидесятилетия.

На протяжении столетий
Калмыки создали множество йорелов.
В этих йорелах мы мечтали
О тучных стадах,
О благополучии своей страны,
О вечном счастье народа.
В ветхих войлочных кибитках,
В холоде и голоде,
Перебирая свои горькие думы,
Мы творили прекрасную легенду
О сказочной стране Бумбе,
Где люди живут
Вечно двадцатипятилетними и никогда не умирают,
О стране,
Где не знают ни зимней стужи, ни летнего зноя,
Где знают только весну,
Где травам неведомо увядание,
Где земли орошаются теплыми дождями
И освежаются живительными ветрами,
Где не знают ни потрясений, ни тревог,
Где все живут исполненные счастьем, ничего не деля на мое и твое.
Увы, это было только мечтою, только йорелом, —
Счастье было неуловимо, как неуловимо степное марево.

Счастливую жизнь в Калмыкии
Установила партия большевиков,
Установили Вы, наш великий ровесник,
Узаконила великая Сталинская Конституция, —
И Вам, нашему мудрому учителю,
Распространившему долгожданное счастье
Подобно тому, как майское солнце распространяет свой лучезарный свет.
Мы поем наш лучший, наш благостный йорел.

Трудно пройти пустыню Гоби в летний зной,
Трудно перевалить через кряжи Алтая в гололедицу,
Такой же трудный путь прошел калмыцкий народ.

Невозможно удержать привыкших к теплу птиц на студеном севере
зимою,
Невозможно удержать привыкших к прохладе птиц в знойном
полуденном крае летом,
Невозможно было удержать свободолюбивых калмыков
Под игом китайских императоров и монгольских чингисханидов.

В глубокой древности,
Когда птицы, люди и звери кочевали по всей земле,
Повествует предание,
На Алтае обитали луни.
Жили они в полном довольстве,
Любили свой цветущий край,
Любили каждый куст, каждый кряж
И никогда бы не покинули
Зеленые долины и горные склоны.
Но однажды, повествует предание,
В их царстве разверзлась земля,
Из земных недр, из бушующего пламени
Выполз свирепый дракон.
Из глаз дракона сыпались огненные стрелы,
Из пасти текла багряная кровь.
Там, где ступали лапы дракона,
Оставались только тлеющие угли,
Там, где впивались когти дракона,
Оставались только разоренные гнезда.
Быстро увяли цветущие долины,
Быстро высохли многоводные горные реки.
Тогда хан луней собрал мудрецов
И спросил:
«Как избежать беды, нависшей над царством?»
«Мы — обитатели гор,
«Мы привыкли к своему Алтаю,
«Привычка держится крепче, чем конь на аркане, —
Промолвили мудрецы, —
«Но волю не заменишь привычкой.
«Земля велика,
«Мы найдем край, не хуже Алтая.
«Там, где заходит солнце, есть великая равнина,
«Необъятная, как океан,
«Обиталище могучих, ширококрылых орлов...
Вот почему, повествует предание, луни переселились на Волгу,
Где прежде не водилось ни одного луня,
И зажили в мире и дружбе с орлами — обитателями этой великой
страны.

В этой сказке о свободолюбивых лунях

Речь идет о самих калмыках,
Которые в поисках свободы
Покинули далекие алтайские горы,
Переселились в степные приволжские просторы
И здесь обрели родину.

Правда, и здесь калмыкам пришлось отстаивать
Свою свободу и свою землю
И от нашествий иноземцев,
И от гнета царей-поработителей,
Но здесь луни были уже не одиноки,
Вечная дружба спаяла луней с орлами.
Народ никогда не щадит своих сил,
Когда поднимается борьба за свободу.
Калмыки сражались в полках Разина и Пугачова
За землю, за волю, за счастье.
Вместе с русскими дрались они против Карла с его войсками,
Что были многочисленнее муравьев и гуще песков,
Что были кровожаднее шакалов и хитрее ежей.
Вместе с русскими калмыки отстояли свою землю
От алчного Наполеона,
Пытавшегося взнуздать весь мир,
Точно своего коня.

На протяжении трех веков
В бесчисленных битвах
Обильно орошалась наша земля
Кровью калмыков и русских.

Вобравшие в себя всю силу и мощь человечества,
Рабочие и крестьяне в семнадцатом году,
Подобно разъяренному льву,
Напали на своих поработителей
И стерли их в пыль, как стирают зерна мельничные жернова.

В пламени гражданской войны,
В облаках порохового дыма
Не щадили жизней
Лучшие сыновья отчизны,
Воздвигая нерушимую крепость
Великой дружбы народов.

В те жаркие дни, подобные жару горящего в костре таволжника,
Из хотона в хотон,
От воина к воину,
От чабана к чабану,
От джангарчи к джангарчи
Передавалась легенда
О том, что наши славные богатыри, Джангар и Хонгор,
Заточенные мангусами в пещеру,
Освободившись от своих оков,

Идут освобождать свой народ
Из-под гнета мангусов.
В те дни по степи
От брата к брату, от сына к матери
Передавалось обращение Ленина «К братьям-калмыкам»:
«Все прошлое вашего народа беспрерывная цепь страданий. —
Писал великий вождь революции, —
«Но ключ вашего освобождения — в ваших руках.
Калмыцкий народ ответил Ленину
Созданием калмыцких полков,
Которые повели наши большевистские богатыри:
Городовиков, Апанасенко, Колесов, Шапшукова.
Калмыцкий народ ответил Ленину
Под Вашим руководством, наш мудрый учитель,
Участием в обороне красного Царицына,
Названного народом в честь полководца
Вашим именем.

Много преданий и песен сохранилось у нас
Об этих памятных днях.
Вот одно из них.

Когда полчища белых подступили к Царицыну,
Полководец красных войск
Великий Сталин
Приказал
Воздвигнуть вокруг Царицына двадцатистенную крепость.
Крепость начали строить,
Но ни одну стену невозможно было воздвигнуть —
Стены разваливались.
Сталин собрал мудрецов
И спросил:
«Как избежать беды, нависшей над отчизной?
Тогда выступил убеленный сединами мудрости калмык и сказал:
«Крепостные стены будут стоять только в том случае,
«Если в войсках найдется двадцать
«Двадцатилетних воинов двадцати народностей,
«Которые согласятся замуровать себя
«В двадцати стенах крепости.
Сталин вызвал охотников,
И явились к нему двадцать двадцатилетних юношей,
И поставили их на стены,
И стали закладывать камнями.
Когда камни достигли подбородков воинов,
Старик обратился к ним и спросил:
«Не вкралось ли в ваши души какое-либо сомнение?
Молодые воины воскликнули в один голос:
«Нет! Нет!»
Тогда старик обратился к их отцам и матерям:
«Согласны ли вы пожертвовать своими детьми ради отчизны?
«Если отчизну может спасти только эта крепость,

«А крепость устоит только в том случае,
«Если в ее двадцати стенах
«Будут замурованы двадцать наших сыновей,
«Мы согласны пожертвовать своими детьми»,
Ответили родители.
«Ради спасения тысячи жизней не жалеют десяти жизней,
«Учит калмыцкая пословица»,
Промолвил мудрец
И приказал отпустить юношей.
Войска, в которых такие воины,
«Воины, у которых такие матери и отцы,
«Непобедимы.

Под руководством славного Кирова
Калмыцкий народ ответил Ленину
Изгнанием белых из своих степей
И установлением власти Советов.
Тогда
Из хотона в хотон,
От воина к воину,
От чабана к чабану,
От джангарчи к джангарчи
Понеслась весть о том, что
Джангар и Хонгор явились на нашу землю
В обликах Ленина и Сталина,
Освободили народы России
Из-под гнета мангусов
И на месте, где стояла ветхая кумирня царизма,
Воздвигли бессмертное здание Бумбы.
Так на земле,
Орошенной кровью доблестных сынов отчизны,
Засияло человеческое счастье,
Подобно многоцветной степной радуге.
Зацвела увядшая было степь,
Точно над нею прошел
Живительный весенний дождь.

Народ наш был беден, как бедна пустыня растениями,
Теперь он стал зажиточным.
Степь покрылась колхозными тучными стадами —
Источниками нашего богатства.
Так сбылся наш древний йорел о том,
Чтобы масло потекло между пальцами,
И не вода, а молоко утоляло жажду.
Да и как не разлиться молоку и маслу по степи,
Если труд стал делом чести, доблести и геройства,
Если скромные чабаны
Булмак Состаев и Басанг Дорджиев
Оставили далеко позади
Австралию и Аргентину,
Кичащиеся своими стадами!

Мы вырастили в своих колхозах тысячи таких верблюдов, как Толга,
Для которого пришлось расширять ворота
Павильона верблюдоводства на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.
Мы вырастили в своих колхозах тысячи таких баранов, как Хуца,
Весящего немногим более пуда и каждый год дающего два пуда шерсти.

Народ наш был темен, как темна осенняя ночь,
А теперь в нашей степи
Сбылся давнишний йорел о том,
Чтобы просвещение засияло подобно
Чиндамани-эрдени.
Да и как не засиять просвещению,
Если труд стал делом чести, доблести и геройства,
Если народные учителя
Мутул Шалхыков и Церен Петькиев
Воспитали тысячи летчиков, инженеров, писателей,
Тысячи верных учеников-сталинцев,
Тысячи борцов за человеческое счастье!

Народ наш вымирал и мы создавали йорелы
О бессмертии, о вечной молодости.
Теперь сбылась и эта мечта:
Степь покрылась больницами, санаториями, яслями.
Каждый год наши женщины
Дарят родине тысячи веселых черноглазых ребятишек,
И первое слово,
Которые мы учим их произносить,
Ваше имя —
Талисман счастья, благоденствия и здоровья.

В степи,
Где раньше ленивые волы
Тянули скрипучие чингисхановские арбы,
Теперь мчатся
Быстрые, как аранзал, автомобили,
Там теперь грохочут моторы
Мощных тракторов и комбайнов.

В степи,
Где раньше возвышались одни курганы —
Надгробные памятники скифов и хозаров,
Теперь вздымаются заводские трубы,
Там теперь вырос город сталинских пятилеток,
Столица Советской Калмыкии — Элиста.

В степи,
Где раньше можно было услышать
Только заунывную песню одинокого пастуха,
Книги, журналы, газеты,
Напечатанные на калмыцком языке,

Украшают юрты чабанов.
Колхозники смотрят пьесы,
Написанные вчерашними пастухами,
И поют песни о зажиточной оседлой жизни,
Сложенные вчерашними нищими кочевниками.

В степи,
На берегу седого Каспия,
Где раньше стояли жалкие рыбацкие лачуги,
Вырос Лагань —
Шумный город калмыцких рыбаков.
В железных банках развозят отсюда вкусную рыбу
По всей Советской стране,
Наши перламутровые пуговицы и жемчужные бусы
Украшают красавиц
Всей Советской страны.

Не перечислить в кратком йореле
Все наши достижения, —
Чтобы воспеть их, нужно создать еще одну Джангариаду —
Джангариаду побед, Джангариаду осуществившихся надежд.
И мы ее создадим,
Создадим потому, что осуществилась наша многовековая мечта
О стране Бумбы,
О стране вечной молодости,
О стране вечного изобилия,
О стране богатырей и героев.
А сбылась она потому, что
Нами руководит партия богатырей, которых зовут большевиками,
Нами руководил сандаловый светоч мира — великий Ленин,
Нами руководите Вы, отец нашего счастья, — Иосиф Виссарионович Сталин.

Это Вы осуществили наши йорелы,
Это Вы вдохновляете людей нашей степи
На великие и славные дела.
Это Вы, отец нашей радости, вдохновляете нас, степных йорелчи,
На новые йорелы, на новые песни.
И в день Вашего славного шестидесятилетия
Мы шлем Вам, нашему вдохновителю, наш лучший, наш благостный йорел.

Величественны прожитые Вами шестьдесят лет,
О наш мастер человеческого счастья!
Да будет долгой и благотворной вся дальнейшая Ваша жизнь.
Желаем Вам прожить еще столько, сколько прожили
Все мы, девять Ваших счастливых ровесников.

Да возвышается наша страна среди вселенной
Подобно горе Сумеру, вечно озаренной лучами солнца.

Пусть всегда будет крепка, как сталь, и необъятна, как океан,
Дружба народов нашей великой отчизны.

Да славится вечно наша большевистская партия,
Партия богатырей, партия героев.

Ведите нас вперед, к коммунизму,
Когда люди будут жить, ничего не деля на мое и твое,
Как путеводная звезда верно ведет
Миллионы мореплавателей к цели.

Народные певцы Калмыкии: Джугульджан Джанахаев, Мукевен Басангов, Дава Шавалиев, Муша Бадмаев, Менке-Насун Бадмаев, Кооку Кекеев, Анджука Козаев, Ара Човаев, Сангаджи-Гаря Манджиев.

Записал и перевел с калмыцкого Баатр Басангов.

А. Хавин

СТАЛИНСКИЕ ПИТОМЦЫ

1. БУДУЩИЕ КОМАНДИРЫ

Когда мы говорим о мощи социалистической индустрии, о ее передовой технике, о сложности ее технологии, в представлении обычно встают домны-гиганты, блюминги, удивительные новые шахты, величавые молоты и прессы Уралмаша, Краматорска, конвейеры «ГАЗ» и «ЗИС» и т. д. и т. д. Если же речь зайдет, например, об обувной фабрике, то на память приходит обыкновенная мастерская, со старыми, хорошо известными сапожными верстаками, только объединяющая множество людей, — очень большая мастерская.

Для Степана Ивановича Яшина—студента Промакадемии имени Молотова, выращенного и воспитанного социалистической обувной индустрией, скромная пара ботинок — результат сочетания труда сотен машин и механизмов. Яшин не говорит «шить ботинки»: для него производство обуви — сложный и диференцированный процесс. Он говорит о заготовительных и пошивочных цехах, о топографии кожи, о сборке обуви. Для него обувь — та же машина, которая, как и трактор, как и автомобиль, ссбирается и монтируется из множества деталей.

В рассказах Яшина встают, как живые, конструкторы-обувщики (они создают новые типы обуви), плановики, рассчитывающие отдельные этапы производства и связывающие их в единый производственный поток. Обувщиков — это с изумлением узнает свежий человек — волнуют почти те же вопросы, что и машиностроителей: проблема скоростей работы машин, вопросы планово - предупредительного ремонта, непрерывного потока. Разница по существу лишь в одном: машиностроитель режет, штампует, фрезерует, кует металл, а обувщик оперирует кожей. Но от этого производство нисколько не теряет в своей сложности, оно предъявляет не менее строгие требования к своим работникам, нежели машиностроение. Не случайно именно из этой отрасли легкой индустрии в первые же дни развертывания стахановского движения вышла целая шеренга людей, имена которых знает вся страна.

В далекой и глухой — за полсотню километров от железной дороги — нижегородской деревушке Михайловке протекала юность Степана Яшина. Уже с малых лет познал он горечь хлеба «с отработкой» — так назывался хлеб, полученный у кулака взаймы, под условием оплаты его трудом. Без радости и просвета текли годы... Пятнадцать лет было Степану, когда свершился Великий Октябрь. Поделили тогда крестьяне казенные и помещичьи земли, и комитет бедноты помог многоедоцкой и голодной яшинской семье.

В 1924 году пришла Степану Яшину пора итти в Красную армию. И он, до того никогда не видевший паровоза, сразу попал в Москву, в столицу. Новые раскрылись перед ним горизонты, новые заманчивые захватили перспективы.

Впервые начал молодой боец думать над вопросами, совсем далекими от родной деревни, собственного хозяйства, своей только семьи. Впервые прочитал книжки, стал почитывать «Бедноту» (была такая газета). А когда кончился срок службы в Красной армии, раздумал возвращаться в родные места: уж больно не привлекала тогдашняя деревня с ее маленькими полосками земли, с ее мелким единоличным хозяйством.

И вот отпущенный в долгосрочный запас красноармеец ищет работу. На Бирже труда, в Рахмановском переулке, — длинные хвосты. Но демобилизованному красноармейцу дают желанную путевку вне очереди. Стремился Яшин на обувную фабрику. Считал себя обувщиком: в деревне долги-

ми зимними вечерами учился он у сапожника. Научился латку прикинуть, задник прибить, пробовал даже чоботы тачать.

И вот он на фабрике. Получает первое назначение — подсобным рабочим: он подает кожу, увозит полуфабрикат, убирает отходы, подметает пол. Делает скучную эту работу новый рабочий, и со все возрастающим удивлением озирается вокруг: в цехе видит он целые штабеля кожи, тысячи пар голенищ и ни пары обуви.

Нетерпеливо рвался Яшин к станку и через три месяца добился своего. Но и теперь никак не мог понять, где таится ключ от волновавшей его загадки. Пытался Яшин представить себе связь своего маленького участка со всем производством. Это не удавалось. Приятели посоветовали ему походить по другим цехам. Так он и сделал. Подолгу в изумлении стоял перед умными, послушными человеческим рукам машинами. Эти машины — теперь многие из них как устарелые уже выброшены — казались ему венцом человеческой мысли. Но всего более интересовала его не отдельная машина, а то, как из деталей, производимых в различных частях огромной фабрики, складывается пара обуви. Именно это, организация тысяч людей, такая их расстановка, что каждый участвует в создании каждой пары обуви, особо пленяло его воображение. Он был горд сознанием, что является одним из винтиков этого большого фабричного механизма.

Совсем недавно он представлял себе фабрику в виде огромных, гигантских зал, где под одной крышей работают тысячи сапожников, каждый из которых при помощи несложного своего «инструментария» делает всю пару. Через семь-восемь лет, прочитав в учебнике политической экономии страницы о мануфактуре, он понял, что представлял себе фабрику в виде мануфактуры.

В эти первые недели знакомства с фабрикой Яшин крепко и уже на всю жизнь полюбил ее — полюбил этот слаженный коллектив тысяч неразрывно связанных друг с другом работников. Но Яшин не созерцатель по природе. Он старался все глубже вникнуть в тайны обувной индустрии, после работы не торопился уходить домой. Ходил из цеха в цех, разговаривал со своими новыми приятелями. А когда мастера не было, он, глядишь, поработает полчаса на одной машине, полчаса на другой.

С 1928 года Яшин работает штамповщиком. С этого момента начинает он постигать искусство штампа. Раньше он старался испробовать свои силы на всем, теперь учеба пошла на ограниченном участке, но вглубь.

Штамповка — основной процесс обувного производства. Искусно отштампованная деталь будущей пары обуви, правильная ее конфигурация, знание всех способностей данного куска кожи, правильное, целесообразное его использование решает вопрос о расходовании кожи. Никакими циркулярами, никакими учебниками не предусмотреть тут всех возможных вариантов, всего разнообразия методов. Вот где огромный простор для инициативы мастера дела, для смелых новшеств, для умной выдумки! Именно за это и полюбил штамповочное дело Яшин и до самой академии остался ему верен.

Но молодой штамповщик живет не только интересами производства. На благодарное поле упали посеянные в Красной армии семена. Внимательно следит он за великими событиями, происходящими в родной стране. Он давно уже ощущает себя бойцом в единой великой армии социализма, руководимой Сталиным. Однако Яшин еще робок. Он никогда не выступает на собраниях — больше внимательно слушает других. И только в 1930 году, когда на весь мир с трибуны XVI съезда партии развернул Сталин удивительный план индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, когда за обычными производственными буднями ослепительно засверкали огни великого «завтра», — тогда впервые заговорил с трибуны Яшин. Он рассказывал своим товарищам — в большинстве случаев горожанам — о своей голодной и безрадостной юности, о том, как горек был хлеб «с отработкой», о новых, великих перспективах, раскрытых Сталиным. И скоро Яшин вступает в партию.

Так рос человек. Так накоплял он знание дела, приемов работы, механизмов. Так закалялся он, как политический боец.

В 1931 году великий Сталин дает новый лозунг: «изучить технику, овладеть наукой».

В жизни Яшина начался новый период. Тяжело давалось чтение первых технических книжек: спотыкался на чертежах, не понимал многих терминов. Но желание, воля, решимость побеждали. Как плодотворны были эти нелегкие первые шаги по овладению наукой. Из книг, из пояснений преподавателей заводских курсов много нового узнал он для себя, — то, о чем порой только догадывался, то, к чему приходил собственным, длинным и часто мучительным опытом. Узнал Яшин, что вопросы, волновавшие его, волновали в свое время других людей. И давно дан на них ответ. Из книг, следовательно, можно было взять многое, что сберегало собственные силы, что суммировало весь прежний опыт.

Жадно глотает Яшин начатки теории техники — знакомится со свойствами кожи, с теорией раскроя. Одновременно жизнь за-

ставляет учиться и политической борьбе. До сих пор Яшину казалось, что великие классовые битвы происходят где-то далеко от него. Оказалось, враг притаился тут же, рядом. В цехе были люди, с мнением которых он привык считаться. Они умели выступать со звонкими речами, они ловко жонглировали словами. Но когда в ответ на призыв партии развернулось в цехе социалистическое соревнование, когда горячо, всем сердцем подхватил этот призыв Яшин и стал давать полторы нормы, тогда эти «авторитеты» стали вести себя удивительно странно. На людях поздравляли, приветствовали, соревновались в речах, на собраниях с уважением поминали имена ударников, в том числе и его, Яшина, имя, а за спиной, втихомолку, в разговорах с глазу на глаз говорили о нем со смешком, с презрительной и злой усмешкой — отличиться-де хочет, вскользь бросали: «Яшин все старается, — как бы нормы не увеличили».

Не был политически закален тогда Яшин. Всех выводов из этого поведения наглой кучки троцкистско-правых двурушников, перерожденцев, предателей сделать не сумел. Продумал их для себя много позднее, когда враги были разоблачены. Но и тогда уже, когда взбудораженные закулисной агитацией предателей новые, только что пришедшие из деревни рабочие, вчерашние кустари и ремесленники, пытались уговорить Яшина, чтобы не очень гнал выработку, — он дал им решительный и резкий отпор.

Шли годы. Яшин стал высококвалифицированным мастером своего дела. Огромная сумма наблюдений, подкрепленная начатками теории, давала свои плоды. Штамповщики до того обычно работали без всякой системы, как взбредет в голову: один раз так, в другой — этак. Яшин давно решил, что наиболее рационально кожу штамповать по системе поперечного параллелограмма: это дает большую экономию кожи, позволяет выгадывать много времени.

Яшин знал весь коллектив. Он регулярно изо дня в день давал 115—120 процентов нормы. Особо отличала яшинскую работу экономия кожи.

Эти первые успехи не вскружили ему голову. Все глубже настойчиво вникал Яшин в искусство штамповки, в тайны экономии кожи. Скоро в обувной промышленности самое имя его стало ассоциироваться с борьбой за умную бережливость кожи.

В стране развернулось стахановское движение. И тут в несколько дней яшинская выработка сразу достигла невиданных размеров.

«В чем ключ от этих новых и неожиданных для меня самого успехов?» — спрашивал себя Яшин. Ведь систему штамповки параллелограммом он ранее применял, ведь он и прежде стремился использовать каждую минуту своего рабочего дня. В чем же дело? Внимательно перебрав в памяти один за другим быстро мелькавшие дни этих удивительных месяцев — сентября и октября тридцать пятого года, он понял: другая создалась в это время атмосфера в цехах, новая струя свежего, очищающего воздуха прошла по фабрике.

В ноябре 1935 года участвовал он в кремлевском совещании стахановцев, взволнованно слушал пламенное выступление Серго Орджоникидзе, медленную, вдумчивую речь Молотова, речь Сталина — его ответ на все волновавшие Яшина и его товарищей вопросы: как двигать дальше стахановское движение. Сталин говорил о том, что стахановское движение немыслимо без новой, высшей техники. С трибуны притихшего, переполненного людьми зала одну за другой называл Сталин фамилии зачинателей стахановского движения. Сталин говорил о том, что они все полностью овладели техникой своего дела, оседлали ее и погнали вперед. Сталин говорил о консерваторах. «Неужели, говорил он, у нас нехватит смелости сломить консерватизм некоторых наших инженеров и техников, сломить старые традиции и нормы и дать простор новым силам рабочего класса?» И Яшину, как и всем, кто слушал Сталина, было ясно: оратор не спрашивает, он решает — так должно быть и так обязательно будет. И Яшину, как и каждому из слушателей, казалось, что он, именно он, Яшин, должен у себя на фабрике до конца, с корнем выкорчевать старые традиции.

После того, как Яшин вернулся из Кремля, совсем другими глазами стал вглядываться он в свой цех, в свою фабрику, ее руководителей. Многое, на что раньше не обращал внимания, что казалось естественным и даже необходимым, теперь резало глаз. Вот когда развернулась борьба за очистку цеха от всего того, что было пережитком старой техники, старой, изжившей себя технологии!

Яшин уже и раньше был общепризнанным вожаком рабочих, а теперь авторитет его еще больше возрос. Изо всех цехов приходили к нему люди, иные специально оставались на вторую смену для того, чтобы поговорить, посоветоваться обо всем, что волнует. А главное — всем хотелось стать стахановцами. Яшин видел, какие развитые, какие славные новые люди — девушки, парни — пришли на фабрику, как горят они желанием овладеть делом, как хорошо работает у них мысль. Но одного нехватало — выучки, опыта. И то ведь — фабрике требовались все новые и новые

рабочие, времени учить как следует не было. Люди уже у станка, на собственном опыте постигали дело. Как же помочь делу?

Бессонной ночью, после производственного совещания, на котором страстно говорили о том, что многие плохо выполняют нормы, что поэтому у людей малые заработки, что из-за этого уходят на другие фабрики, родился ответ на этот вопрос. Из глубин сознания вынырнул огромный, протянувшийся через весь клуб алый плакат с чеканным лозунгом: «Помогай отстающим и сам иди вперед».

Так возникла быстро реализованная идея первой в стране стахановской школы. Десятки школ народились мгновенно на других обувных фабриках. А затем сталевары и шахтеры, нефтяники и рыбаки, авиастроители и автостроители стали по яшинскому почину создавать такие же школы. Со всех концов великой страны приезжали люди разных специальностей, чтобы посмотреть, как учат в этих школах. И скоро Яшина ждал сюрприз: его же ученик, Якушев, обогнал своего учителя. Еще до того Яшин понял: не только должен он учить своих учеников, но и учиться у них.

Давно уже Яшин мало верил в многое из того, что преподносилось жрецами обувной науки, как нечто священное и нерушимое. Теперь, окрыленный сталинскими словами, решил он проверить свои подозрения до конца. Всеобщими и непререкаемыми казались до того истины, прописанные в книге трех авторов «Специальный курс технологии обуви».

Собрав группу рабочих, Яшин вместе с ними, в свете всего того, что открыли им первые месяцы стахановского движения, внимательно, страницу за страницей, перечитал эту книжку и столько в ней нашел глупостей, столько псевдоученой плесени и ржавчины, что она была изъята из употребления.

Но народ потому и называет стахановцев сталинскими питомцами, что чужд им дух самоуспокоения и зазнайства, что они всегда идут вперед и вперед. Считал себя Яшин до того технически грамотным: умел читать чертежи, разбирался в сложной специальной терминологии, на практике постиг нужные ему для раскройки основы геометрии, черчения. Но то и дело ощущал он: многое знает, но знает только конечные выводы, формулы, но **как** это происходит, **почему** именно так, а не иначе — было неясно. Приходилось верить на слово. Бывало предлагает он нечто новое, как ему кажется, хорошо продуманное и стоящее, а ему инженер возражает: «не годится, мол, не выйдет дело», «тут, брат, законы физики нарушены, а против них не попрешь», или: «знаешь, Степан Иванович, не согласовал ты этого дела с одной инстанцией — химией называется». И все яснее становилось Яшину: если хочешь дальше расти, если хочешь до корней докопаться, нет иных путей — с азов надо учиться. Надо садиться всерьез и надолго за книжки. Выходило вместе с ребятишками, по одним, может быть, с ними учебникам надо начинать все сначала. Все хорошо обдумал Степан Иванович, взвесил все «за» и «против»: тяжело будет от фабричного коллектива отойти — и многое, многое другое.

И все же Яшин пошел учиться в Промакадемию имени Молотова. Жадно, с головой нырнул он в премудрости физики и химии, геометрии и алгебры. Вот когда он почувствовал себя человеком, на которого каждый день прямо с неба льется золотой дождь великих истин, мыслей, раскрытых законов природы.

Математика, железные, непререкаемые законы физики и химии, машиноведение и технология кожи — вот что, как магнит, притягивало Яшина. Именно эти науки должны были вооружить его для новых дел. И с досадой вначале думалось, что зачем-то еще придется проходить литературу, грамматику изучать, географию проходить. Ведь это, казалось ему, потом самому наверстать можно. Но — удивительное дело! — скоро все повернулось по-иному: литература, история, география — все гуманитарные науки блестяще выдержали соревнование с техническими предметами. Больше того — и точные науки стал Яшин ценить не только за их содержание, за строгие, проникнутые такой удивительной стальной логикой законы. Стал ценить их и за то, что новым содержанием наполняли они старые понятия и формулировки, которыми он до сих пор оперировал. Только теперь до конца понял, что значат слова «**потенциальная** энергия», почему говорят «**диаметральная** противоположность», что означает понятие «**параллельные** пути». И только теперь понял, какие огромные пробелы были ранее в его общем развитии, как мешали они двигаться вперед.

Много нового узнал Яшин о прошлом своей отчизны, о ее людях, о славных их делах. Сильно полюбил родную литературу, ее титанов: Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Тургенева, Толстого и Горького. Близок и мил стал ему Чехов.

Так рос и развивался человек, так овладевал он великим культурным наследием своей родины, овладевал высотами техники. Быстро летели месяцы, полугодия. И вот не успел оглянуться, а уж академия почти позади. Все меньше времени на лек-

циях, в лабораториях — все больше на практике и в цехах. Скоро предстоит дипломная работа. Впрочем, и все эти годы Яшин был органически и неразрывно связан с производством. В самую горячую предэкзаменационную пору выкроил он несколько дней, чтобы съездить в Киев и принять активное участие в работе технической конференции вырубщиков и закройщиков. Нет-нет придет на свою родную фабрику («Парижская коммуна»), поговорит со стахановцами, инженерами, техниками, изобретателями.

Когда Яшин выступает — на партийном собрании, на техническом совещании в главке, на активе наркомата — слушатели знают: сейчас они услышат свежие, оригинальные мысли и предложения, ибо Яшин выступает не часто, лишь тогда, когда есть ему что сказать, когда в мозгу, нервах скопились властно ищущие выхода заряды мыслей, предложений. Этот скромный, среднего роста человек с синими глазами, в которых блещет живая мысль, предельно конкретен. В его немногословных, скупых речах никогда нет общих, избитых мест, он никогда не изрекает истины «в целом» и «вообще». Он всегда говорит об определенных вещах, о том, что видел он в том или ином цехе, на той или иной фабрике, о тех или иных поразивших его цифрах отчета. Но в то же время он не тонет в этих отдельных конкретных деталях, а умеет ставить их на свое место, умеет их обобщать, умеет выносить за скобки самое важное и на опыте маленького участка ставить большие, волнующие проблемы. И недаром нарком легкой промышленности в своем выступлении назвал как-то Яшина профессором обувного производства.

Сочетание разнородного и большого житейского опыта с глубочайшим проникновением в основы новейшей техники, сочетание темперамента политического бойца и смелого новатора техники — таков облик этого славного представителя племени, выращенного, воспитанного, взлелеянного Сталиным.

Из Урени и Вахтана, из Варнавина и из Ветлуги, из далеких, затерянных в лесах сел северных районов Горьковской области, идут в Москву письма с коротко обозначенным на конверте адресом: Москва, Депутату Верховного Совета СССР Александру Харитоновичу Б у с ы г и н у.

Разнообразны и разнородны темы писем, как разнородна и разнообразна сама жизнь.

Молодая, окончившая десятилетку девушка провалилась на одном из экзаменов при поступлении в вуз. Она просит помочь ей поступить в вуз с одним «неудом». Бусыгин разъясняет, почему он не может выполнить ее просьбу, он ободряет ее, советует учиться, работать, готовиться к экзаменам будущего года.

Домашняя хозяйка, общественница Зайцева, имея среднее образование, взялась за преподавание. «Но, — пишет она, — мне очень нужна авторитетная помощь, компетентное руководство». Депутат долго думает над тем, как ей помочь. А потом, при посредстве «Учительской газеты», организует шефство опытного педагога.

Ученик ФЗУ Горьковского автозавода просит помочь ему устроиться в общежитие. Бусыгин просит об этом директора ФЗУ. Тот дает чиновничий, отдающий бездушным формализмом ответ. Бусыгин просит после этого райком партии обследовать работу школы.

Бусыгин знает цену человеческому горю: немало сам хлебнул он его в юности,— и потому депутат чуток и восприимчив ко всему тому, что волнует людей. Депутат хорошо знает быт родных ему заводских и городских поселков, сел, городков, и это помогает ему ориентироваться. Депутату очень хочется по-настоящему помочь каждому человеку, каждой организации, к нему обращающимся. Когда он говорит «мой избиратель», «мой округ», в его голосе слышатся какие-то особенно теплые, сердечные, интимные нотки.

И все это не мешает ему давать суровый отпор тогда, когда он сталкивается с попытками ловких людей так или иначе «подработать», использовав влияние своего депутата. Некий кооператив просит помочь получить вне плана автомашину. Депутат отказывается что-либо предпринять. «Автомашины, — пишет он в ответ, — распределяются в плановом порядке. Вы сами понимаете, что мне, вашему депутату в Верховном Совете, не пристало просить завод о нарушении закона».

Особо волнуют и привлекают государственного деятеля — депутата Бусыгина — общие вопросы и проблемы, касающиеся всего района, округа, всей автопромышленности. Все лето проводит он у себя в округе: разъезжает по колхозам, предприятиям, посещает школы, больницы, пионерские лагеря, подолгу бывает на автозаводе, в его цехах, у старых друзей — рабочих и инженеров. Среди своих избирателей проводит он и зимние каникулы. Но и в учебные месяцы Бусыгин то и дело выбирает часок, чтобы съездить на автозавод имени Сталина, на строительство завода имени КИМ, чтобы побывать в ЦК профсоюза, в наркоматах. Он ставит ряд больших принципиальных вопросов перед Наркомземом, наркоматами машиностроения, Горьковским облисполкомом о разукрупнении МТС, кадрах механиков, ре-

монте оборудования и т. д. и т. д. «Депутат — слуга народа» — всегда помнит он сталинские слова. И вновь и вновь проверяет себя — сумел ли он претворить в жизнь это лаконичное, но полное такого большого и глубокого содержания определение депутатских обязанностей. Он внимательно следит за работой других депутатов, старается заимствовать их опыт. Депутатская работа, форма и методы ее, рассказы о различных эпизодах из депутатской практики — нескончаемая тема разговоров с друзьями: Стахановым, Гудовым, горьковцами — председателем колхоза Саберовым, работницей Бобковой. Об этом не раз и подолгу толковал он в свое время с избранником горьковцев в Совете Национальностей — незабвенным Валерием Павловичем Чкаловым.

Уже поздно. Диктор прочитал последние телеграммы, пробили полночь куранты на кремлевской башне. На столе выросла гора конвертов с ответами. А рядом стопка особо отложенных писем. С ними придется заехать в наркоматы, в Госплан, в прокуратуру. Но вот с текущей почтой покончено. Теперь можно и за учебу. Он раскрывает тетрадки. В его глазах мелькает искорка удовлетворения: диктант написан без единой ошибки. А вот вчера их прокрались целых две, и он досадливо морщится. Вот такое точно было у него выражение лица в Горьком, у молота, когда, случалось, не ладилось дело.

Беседа переходит на текущие события — к положению на германско-французском фронте, очередным разговорам в английской палате общин, решению сената США о снятии эмбарго на оружие для воюющих стран, борьбе финского народа против своры палачей и предателей — маннергеймов, каяндеров, таннеров. И Бусыгин говорит о Чемберлене и Даладье, Хэлле и Бора, Блюме и Форе. А ведь только четыре года назад Бусыгин прочитал первую книжку — пушкинские сказки! Ведь еще и трех лет нет, как ликвидировал он свою неграмотность.

Всего тридцать лет Бусыгину, но пережито и прочувствованно многое. Навсегда врезались в память события недавнего прошлого

Ранняя весна 1930 года. Густо лежал еще снег на полях. Кое-где только проступили в снегу первые проталины. Надо было готовиться к выходу в поле. Но в бусыгинской деревушке, где лишь недавно образовался колхоз-гигант, никто о том не думал. Загибщики заставили колхозников пригнать на общественную ферму коров, свиней, кур. Кулаки мутили, сбивали с толку малосознательных крестьян.

Бусыгин и его друзья, крепко верившие в колхозное дело, не знали, с чего начинать, как поправлять дело. Пробовали сунуться в район, рассказать о том, что на душе наболело. Но не выслушали их, как надо, ничего они там не добились... Очень уж району хотелось отрапортовать: первыми, дескать, в Горьковском крае закончили коллективизацию.

И вдруг неизвестно откуда, неизвестно каким путем, прошла по деревне молва: Сталин-де по телефону звонил в район, говорил: негоже, неправильно поступают районные работники. И решили тогда колхозники послать ходока в район проверить тот слух. Взялся один старичок добраться, если надо, не только до района — до самого областного города, а в крайнем случае и до Москвы. Старичок тот видал виды: на отхожих работах исколесил всю страну. Собрали крестьяне деньжат, отрядили ходока. Да не пришлось ему далеко забираться. Уже назавтра вернулся восвояси и прямо, не заходя домой, ввалился в бусыгинскую избу и ткнул весь зачитанный, измятый номер «Правды» со сталинской статьей «Головокружение от успехов».

И до сих пор помнит Бусыгин, как вслух читалась эта статья на сельском сходе. Местный грамотей читал медленно, то и дело останавливаясь. Все до единого слова было понятно в этой статье. Не шелохнувшись, ловя каждую фразу, слушали старики, у которых густое серебро седины блестело на голове и в бороде, и юные школяры, и бабы с грудными младенцами на руках, и старухи. И казалось Бусыгину, его жене, всем колхозникам, что это Сталин именно о их деревне говорит, что это именно их районные заправилы на минуту лишились ясности ума и трезвости взгляда. На всю жизнь запомнил Бусыгин три этих слова — «Головокружение от успехов», — запомнил и хорошо продумал.

Незабываем день первого рекорда... Утром, когда уходил в цех, был Бусыгин еще обыкновенным, хоть и хорошим кузнецом. А ночью, когда ложился спать, телеграфные аппараты по всей великой стране отстукивали его фамилию. В один день безвестный кузнец превратился в народного героя: газеты печатали его портреты, поэты складывали в честь его стихи. Тогда один умудренный опытом друг сказал ему: «Смотри, Александр, помни сталинские слова насчет головокружения». И Бусыгин рассказал ему о том, как запомнил он слова сталинской статьи, как прочувствовал их.

Не раз в те дни, когда завод, цех, когда его группа в Промакадемии добивались особо больших успехов, он напоминал товарищам три слова: «Головокружение от успехов». И сразу это действовало на раз-

горяченные головы, как бодрящая струя свежего воздуха.

А можно ли забыть тот день, когда он, выходец из глухой горьковской деревни, несколько лет назад не имевший никакой другой думки, кроме заботы о своей избе, корове, сене для нее, человек, для которого все горизонты смыкались за околицей деревни, стоял на кремлевской трибуне. Словно рокот моря доносится из зала. Тысячи устремленных глаз. Все мысли сразу исчезли из головы. Дорого он дал бы, чтобы можно было этак незаметно исчезнуть с трибуны и раствориться в людском море, что простиралось внизу.

Вдруг видит — Сталин в президиуме на него смотрит дружески, весело, точно все его мысли читает.

— Трудно мне говорить, легче мне коленчатые валы ковать, — вырвалось у Бусыгина, и услышал он тогда в ответ сталинские слова:

— Нам не ораторы, а работники хорошие нужны.

И понял: хочешь быть настоящим сталинцем, хочешь с честью носить имя сталинского питомца — работай, работай, хорошо работай!

Много и упорно учится Бусыгин. Взят самый нелегкий барьер — позади остались те дни, когда казалось невозможным по нескольку часов подряд усидеть за книжкой, когда самые простые и несложные задачки, примеры, грамматические правила никак не шли в голову. Много потребовалось воли, чтобы преодолеть трудности. Сейчас, на третьем году учебы, Бусыгин на каждом шагу ощущает плоды учения: не может он больше обходиться без газеты — она стала ему нужна, как хлеб, не может заснуть, не прослушав последних известий. Каждая газетная строчка, каждая сообщенная диктором весть радио из Лондона, телеграмма из Рима, корреспонденция из Чунцина, письмо корреспондента из Львова для него полны теперь смысла и жизни. Бывший сезонник великолепно увязывает эти разрозненные и отрывочные сообщения, умеет делать из них общие выводы.

Пройдет несколько лет, и, вооруженный знаниями, Бусыгин вернется в промышленность. В новых славных делах покажет он себя.

Из забоев шахт Донбасса, от доменных, мартеновских печей Магнитки, со свекловичных и хлопковых полей, с лесов строек — со всех концов СССР собрались в Москве в академиях промышленных, транспортных, сельскохозяйственных сотни лучших сталинских питомцев, талантливых, высокоодаренных людей. Угольщики Стаханов и Концедалов, машиностроители Гудов и Фаустов, трактористы Борин и Ковардак, водители паровозов Баранов и Спиридонов, текстильщицы Евдокия и Мария Виноградовы, металлурги, станкостроители, нефтяники...

Здесь люди разных поколений: одним под сорок, и у них уже белеют на висках серебряные нити, в непосильном труде, в горьких лишениях протекла их юность при помещиках и фабрикантах; другие — ровесники Великого Октября — знают о городовых, заводчиках, о барах, о 11—12-часовом рабочем дне только по рассказам и книжкам.

Здесь люди, только семь-восемь лет назад пришедшие из деревни, и коренные горожане, всеми корнями уходящие в фабрику. Всех их объединяет великая жажда знаний, неизбывная тяга к вершинам культуры, пламенная преданность родине, социалистической революции, избавившей их от рабства и нищеты, беспредельная любовь к ее великому капитану.

Знания им нужны не как самоцель, а потому, что, овладев ими, можно еще лучше делать свое дело, можно быть несравненно полезнее великому делу Ленина — Сталина.

Студентка Промакадемии имени Молотова Матрена Андреевна Никандорова с 1915 года работала на Трехгорке. А до того там же работали ее мать и бабушка. Началась жизнь у Матрены Андреевны, как и у матери, как и у бабушки, с жалованья в 8 рублей в месяц в знаменитых прохоровских «спальнях», где в одной казарме жили две с половиной сотни мужчин и женщин, женатых и холостых, молодых и старых. Казалось, и впереди ждет такая же жизнь — однообразная и тусклая, без радостей и проблесков, но Октябрьская социалистическая революция круто повернула ее совсем по-иному.

С малого началась общественная работа — со сбора профсоюзных взносов. Со ступеньки на ступеньку подымалась потомственная ткачиха, все шире становился масштаб работы, все заманчивее открывались перспективы. От отделения к цеху, от цеха — к фабрике, от фабрики — ко всей Трехгорке, а потом к трибуне профсоюзного съезда и областного съезда Советов. Последний год застает Никандорову уже на посту заместителя директора Трехгорки. К ней идут со своими заботами, со своими запросами банкаброшницы и ткачихи, слесаря, электрики, инженеры. Она — чья мать вела счет рублями — заправляет миллионами. Незаурядный массовый работник, умеющая говорить живым и ярким языком — она неотделима от славного коллектива Трехгорки.

Давно уже ощущала Никандорова, что основательно, без спешки и суетни надо

засесть за книги: все тяжелее становилось работать без знаний. И вот Никандорова на студенческой скамье, за учебниками, за тетрадками.

В той же академии на подготовительном отделении учится двадцатипятилетний Абрам Яковлевич Гомулько. Сын бердичевского сапожника, он никак и ничем не напоминает выходца из семьи ремесленника памятной «черты еврейской оседлости». Большой, широкоплечий, с крепкими мускулами и железными руками — он живой символ нового поколения еврейского народа. На своих машинах на обувной фабрике он установил мировой рекорд выработки. Немало ему при этом пришлось преодолеть препятствий: забравшиеся на фабрику и в главк враги пытались под разными соусами срывать дело — «этак, мол, Гомулько, машины поломает». Но он воспитывался в ленинском комсомоле, он рос и закалялся в эпоху Сталина, он видел, как под водительством Сталина партия преодолевала трудности, била врагов, — и на своем скромном участке, вопреки всем препятствиям, он старался до конца и последовательно выполнять то, что казалось ему нужным и важным.

Водитель локомотивов депутат Верховного Совета СССР Спиридонов перед поступлением в Транспортную академию руководил отделением Куйбышевской железной дороги. До боли остро почувствовал он свою теоретическую неподготовленность. Приносят бывало на утверждение смету, а технически проверить он ее не может. Хорошо знал свой локомотив, отдельные его детали, но хотелось знать, почему именно так работает каждая из них, почему именно такого, а не иного профиля она.

В академию стахановцы принесли ту же пытливость, которой они отличались на производстве; они принесли с собой непреклонную волю к победе, неиссякаемую энергию. Их, людей, взращенных и закаленных на великих фронтах сталинских пятилеток, не страшат трудности.

А когда бывает особенно трудно, свои же товарищи по группе напоминают вещие сталинские слова о том, что хороши только те кадры, что не боятся, не прячутся, не уходят от трудностей, а наоборот, идут им навстречу. А трудностей перед новыми студентами немало. От работы у станка нынешние студенты сразу же должны были перейти к усидчивой умственной работе, от чисто конкретного мышления — к абстрактным понятиям. Нелегко человеку в тридцать, а то и в сорок лет освоить пространственную геометрию, понять во всех деталях молекулярную теорию. Приходится преодолевать накопившиеся за долгие годы неправильные обороты, словообразования, бедность литературного языка.

Встречаются и трудности чисто психологические. В академии пришли люди, привыкшие у себя на заводе, а то и во всей отрасли промышленности, быть первыми, люди, которые до сих пор шли всегда впереди коллектива. А тут вдруг преподаватель указывает один, другой и третий раз на промахи и ошибки. Вещи, с которыми легко справляются школьники восьмого-девятого классов, приходится брать длительной осадой.

Но коллектив, преподаватели, партийная организация подходят внимательно и бережно. Товарищи со старших курсов, имеющие за своей спиной богатый академический опыт, сами в свое время прошедшие через все это, приободрят, поделятся своим опытом. Письма с родного завода, полные дружеской теплоты, вдохнут новую энергию. Каждый студент ощущает себя представителем коллектива, доверие которого надо во что бы то ни стало оправдать.

Сложное дело — преподавать в академии: учащиеся требовательны и к себе и к преподавателям. Но в то же время — какая внимательная, чуткая и благодарная здесь аудитория! Как радостно блестят глаза у слушателей, когда узнают они новые интересные вещи.

«Удивительно радостно, — говорит старый, многоопытный преподаватель, — работать с аудиторией, которая с величайшим вниманием ловит всякое твое слово, безгранично благодарна за каждую крупицу знаний, которую мы даем ей».

Очень часто слушатели просят преподавателя не торопиться, вернуться несколько назад, с тем чтобы освоить тот или иной более трудный вопрос поглубже и покрепче. Не только формулы, не только конечные результаты, но прежде всего самый метод, который позволил притти к ним, не только итоги, но пути, которыми они достигнуты, — вот что больше всего интересует студентов. «Я, — заявляет другой преподаватель, — много видел учеников, но никогда еще не встречал я таких, как эти: такого полного отсутствия зубрежки, такого отсутствия автоматического запоминания». Именно желание все осмыслить, все продумать — наиболее яркая черта стахановского мышления, и она полностью и во всей силе сказывается в методах освоения науки.

«Но нам нужны, — говорит товарищ Сталин в 1931 году, — не всякие командные и инженерно-технические силы. Нам нужны такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть».

Народ знает: вернувшись на завод командирами, его лучшие сыны, плоть от его плоти, кровь от его крови, так же будут бороться за задачи, поставленные перед ними Сталиным, как делали они это тогда, когда стояли у своих станков.

2. КОМАНДИРЫ

Прямолинеен и прост жизненный путь молодого директора Трехгорной мануфактуры Александра Федоровича Щеголева. Потомственный текстильщик, шести лет отроду встретивший революцию, он рос и воспитывался уже при советской власти.

Здесь, на овеянной революционными легендами Красной Пресне, где у подошвы Трех гор высятся старые корпуса Трехгорки, прошла почти вся его сознательная жизнь. Директору двадцать восемь лет, из них одиннадцать связаны с фабрикой. Семнадцатилетним юношей, прямо со школьной скамьи, явился он на Трехгорку и здесь на глазах всего коллектива поднимался со ступеньки на ступеньку. Начал работать — одновременно учился при фабрике. Потом сделался мастером, — продолжал учиться. Упорно работал на производстве и одновременно столь же упорно работал за книгой, в учебной лаборатории. Одно помогало другому. Учеба помогала на производстве, знание производства во всех деталях, работа в цехах давали огромный плюс в учебе, позволяли несравненно быстрее двигаться вперед в Текстильном институте.

Так за десять лет Щеголев прошел все ступеньки: от неквалифицированного работника до директора, от ученика профшколы до инженера-текстильщика.

С увлечением познает Щеголев производство, весь большой и сложный механизм заводского организма. Он видел производство глазами ученика профшколы, помощника мастера, мастера, начальника цеха, заведующего ситценабивной фабрикой. Не только практически, но и теоретически овладел он производством — сперва в техникуме, потом в Текстильном институте.

Предельно напряжено время, велика производственная, учебная нагрузка. Но в бюджете времени Щеголева находится много часов и для активной общественной работы. И здесь он проходит все ступеньки. Лучшая пора детства — с двенадцати лет — неразрывно связана с красным галстуком, пионерским костром, лагерями. Потом комсомолец, потом кандидат в члены партии, наконец, член партии, многолетний активный пропагандист и агитатор — он живет интенсивнейшей жизнью всего коллектива, всеми его радостями и заботами.

Щеголев — типичный представитель нового поколения партийной и технической интеллигенции, взращенной в годы двух пятилеток, получившей боевое крещение уже в те годы, когда разнесшийся по всему Союзу громовый удар стахановского отбойного молотка потряс все старые технические авторитеты.

Еще в 1931 году товарищ Сталин требовал от всякого хозяйственника, от директора завода — «вмешиваться во все дела, вникать во все, не упускать ничего, учиться и еще раз учиться». Восемь лет назад было немало директоров, для которых проект, смета, чертеж, химическая формула, сложный расчет, калькуляция, технология — были книгой за семью печатями.

Щеголев в совершенстве знает все большие и малые винтики управленческого аппарата. Для него нет ученой и производственной мистики. Ему ничто не надо принимать на веру, — если это требуется, он и сам может проверить любой расчет. Директор Щеголев не только специалист — он и большевик. Одно органически сливается с другим. Боевой темперамент политического деятеля, великая школа комсомола и партии, вся сумма технических знаний и богатейшего практического опыта — все это сочетается воедино, все это в м е с т е в з я т о е дает возможность крепко держать в руках руль фабричного корабля.

Впрочем, несмотря на это, многому еще приходится учиться. Директор кончил институт, стал инженером ситценабивного производства. Правда, на Трехгорке решает дело ситценабивная фабрика, правда, как и всякий текстильщик, Щеголев знает основы прядения и ткачества. Но он хочет знать его не просто, как текстильщик, он хочет знать прядение, как прядильщик, он хочет знать ткачество, как ткач. И он терпеливо осваивает теорию прядильного и ткацкого дела.

Директор фабрики не может быть только техником — все нити управления, все рычаги и пружины должны сходиться в его руках: план, финансы, баланс. И Щеголев в порядке индивидуального обучения проходит основы планирования, финансов, нормирования труда.

Некогда часто директор, мало смысливший в технике, благоговел перед своим главным инженером. И в то же время он ни в грош не ставил своего главного бухгалтера, своих плановиков, руководителя отделом труда. Такому директору казалось — план, и отчетность, нормирование труда — все это малостоящие пустяки, с которыми может справиться любой, директор-инженер знает цену и технике, и экономике производства.

Сталин советовал руководителям допол-

нять свой опыт опытом масс, опытом партийной массы, опытом рабочего класса. И Щеголев осуществляет этот совет. Он старается видеть фабрику, видеть жизнь цехов глазами тысяч работниц и рабочих. Двери его кабинета широко открыты для любого работника фабрики, желающего потолковать с ним по делам производства. Посещая цехи, он разговаривает в первую очередь с работницами и рабочими, с помощниками мастеров, с ремонтными рабочими. На собрании фабричного актива он внимательно слушает выступающих.

У рабочих и работниц, у техников и инженеров учится директор; их богатейший и разносторонний жизненный опыт воспринимает он.

Партия, Сталин позаботились о том, чтобы молодой директор мог на практике учиться у своих товарищей — директоров других предприятий, у талантливейших организаторов и руководителей целыми отраслями социалистического хозяйства. По мысли Сталина создана целая система коллегиальных органов, где хозяйственник имеет возможность держать совет с товарищами, учиться у них, взять их опыт.

Щеголев видит, как ставятся и разрешаются крупнейшие общегосударственные вопросы. Он учится перебрасывать мостик от своей фабрики к главку, ко всей текстильной промышленности, учится увязывать свои фабричные проблемы с проблемами общепромышленными и общегосударственными. Вместе с другими директорами-текстильщиками принимал он участие в заседании Совнаркома Союза. Он наблюдал, как ближайший соратник Сталина—Вячеслав Михайлович Молотов — внимательно выслушивал людей с фабрик, вникал во все детали работы отдельных фабрик, какие крупнейшие экономические и политические выводы делал глава советского правительства из сопоставления множества отдельных, сообщенных текстильщиками, фактов, штрихов, мелочей, — всего того, что и Щеголеву, и его товарищам казалось малозначащим и второстепенным. Щеголев наблюдал, как терпеливо нащупывает Молотов пульс промышленности, как из отдельных штришков, мелочей воссоздавалась общая широкая картина. Одно такое заседание Совнаркома стоит многих дней сидения на лекциях, за книгой!

Щеголев систематически участвует в заседаниях коллегии Наркомата текстильной промышленности, в собраниях актива наркомата. Частым участником этих заседаний бывает Анастас Иванович Микоян. И с этих заседаний Щеголев всякий раз уходит с новым зарядом мыслей, энергии.

Навсегда остались в его памяти те минуты, когда с трибуны Большого кремлевского дворца выступал он с приветствием XVIII съезду от имени советской молодежи.

Так, молодой инженер-большевик превращается в государственного деятеля, втягивается в обсуждение и разрешение крупнейших общегосударственных вопросов.

Так растят и воспитывают людей партия, Сталин.

Щеголев много работает. Поздней ночью горит еще лампочка в директорском кабинете. Но это не обедняет его жизнь, не замыкает его в узкий круг производственных забот.

Молодой человек знает советскую жизнь во всех ее проявлениях. Жадно пьет он из ее чаши. Собранный и организованный, знающий цену времени, он для всего умеет его выкроить. Страстный любитель живописи, он нет-нет да найдет часок для того, чтобы заняться ею; он любит сцену и смотрит все новые спектакли в московских театрах. На его столике рядом с «Большевиком», с последними номерами технических журналов лежат новинки художественной литературы.

И уж, конечно, как все молодые, веселые, жизнерадостные советские люди, он ярый спортсмен. В выходной день вы встретите Щеголева на стадионе. Летом 1939 года он во главе веселой ватаги трехгорцев исходил пешком весь Южный берег Крыма. Загоревший, вдоволь накупавшись, вернулся он в Москву свежий, радостный, отдохнувший, с новой жаждой работы, до краев преисполненный энергией и сразу с головой нырнул в столь заманчивую, полную такого захватывающего интереса заводскую жизнь.

Прямой, как стрела, яркий и красочный путь Щеголева — путь тысяч новых людей, пришедших на капитанские мостики народного хозяйства.

Нет ни одной страны в мире, которая могла бы сравняться с Советским Союзом по масштабам и размерам своих геологоразведочных работ. За полярным кругом— в Мурманской области и в песках Кара-Кума, на берегах Черного моря и в прибрежных тундрах Ледовитого океана, у западной границы и в Приморье, там, где советская земля граничит с Кореей, — всюду работают советские геологи. Всей этой огромной восьмидесятитысячной армией разведчиков недр руководит Комитет по делам геологии при Совнаркоме СССР. Во главе этого комитета находится кандидат геологических наук, бывший воспитанник Пермского детского приюта — Иван Иванович Малышев.

Родина Малышева — маленький металлургический заводик — Майкорский, находившийся в глухих лесах Пермщины. Где-то далеко-далеко в воспоминаниях дет-

ства — раннее сиротство, переезд шестилетним ребенком в Пермь, в безрадостные и холодные стены детского приюта. Медленно, тоскливо и голодно текли годы в «богоугодном» заведении.

Революция. Распахнулись двери приюта перед тринадцатилетним парнишкой. Он возвратился на родину — в тихий Майкор, за тот же столярный верстак, за которым некогда работал отец. Но юношу манило из маленького поселка в большие города, к книгам, к учебе.

Яркой, желанной целью впереди маячит рабфак. Долгие месяцы энергичной подготовительной работы. И вот, наконец, первый барьер взят: Малышев принят на Свердловский рабфак. Прошли годы студенческой жизни. Начинается прямая дорога советского человека: через годы упорной учебы на рабфаке, а потом во втузе, через годы упоительных поисков новых подземных богатств к научному творчеству под руководством крупнейших ученых страны. Сталинские слова о природных богатствах родины, об удивительной комбинации их на Урале зажгли сердце молодого геолога. Страстно и с увлечением работает он над разгадкой многих секретов недр седого Урала.

В 1937 году, на XVII международном конгрессе, где в числе докладчиков были крупнейшие геологи мира, со своими выводами и научными наблюдениями выступил и бывший воспитанник детского приюта. А теперь молодой ученый — автор ряда научных трудов, — руководитель Комитета по делам геологии при Совнаркоме СССР.

Шестилетним ребенком встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию Щеголев. Его миновали подневольный труд и рабская жизнь. Память почти не сохранила воспоминаний о старом. Тринадцать лет прожил при капитализме Малышев, успевший вдосталь хлебнуть сиротского горя. Зрелым человеком застал Октябрь нынешнего директора «Серпа и молота» — потомственного печника, депутата Верховного Совета РСФСР Григория Маркеловича Ильина.

Двадцать два года было Ильину в тысяча девятьсот семнадцатом — и чего-чего только не было за его плечами, чего только не отведал, по каким только чужим углам не мыкался, какие только пути и проселки в поисках куска хлеба не исходил.

С восьми лет он — старший из ребят в большой и несчастной семье — должен был нянчить маленьких своих братьев и сестер, кормить их, ходить за ними.

Вместе с отцом — печником — исходил он все города и веси. Считалось, что и Григорий к печному делу представлен, но в действительности он в артели больше занимался кухарством.

В памяти одно наслаивалось на другое: трагическая смерть упавшего в колодец отца, голодная, горемычная жизнь ученика, солдатчина, фронт мировой войны, Февральская революция, Великий Октябрь — страстная учеба в великом университете Красной армии, под огнем белогвардейских пушек. В зарядном ящике красного артиллериста Ильина всегда лежали очередные книжки из библиотеки. В свободные часы жадно глотал их молодой боец.

Тысяча девятьсот двадцать первый год. С путевкой в руках шагает демобилизованный красноармеец Ильин на завод «Серп и молот». Только-только кончилась война. Двор завода порос травой, замерзшие стояли мартены. Не сталь, — зажигалки и топоры делал парализованный гигант. Тысячи лучших, преданных революции рабочих оставили завод, чтобы защищать революцию на фронтах гражданской войны, чтобы добывать для нее хлеб. Наряду с честными рабочими, героически поддерживавшими еле тлеющую жизнь в организме родного завода, толпа шкурников, примазавшихся к цехам, старалась выколотить из них для себя все, что было можно. По кусочкам, по винтикам растаскивали они завод.

Малоквалифицированным, знавшим печное дело лишь по простым и несложным обычным печам, рядовым печником пришел Ильин на завод. Восемнадцать лет прошло с тех пор. «Серп и молот» — один из лучших заводов в Европе. Его высококачественную сталь высоко ценят машиностроители.

Прежний рядовой печник стал директором завода. Высшую награду получил от народа коллектив завода, орден Ленина сверкает и на груди директора — крупнейшего знатока мартеновских печей. Годами изучал Ильин на практике их структуру. Для Ильина печи — живой организм с ярко выраженным характером, своеобразным нравом. Силы, труд, любовь вложил он в познание печей, таинственного их хода. Все больше и глубже вникал в технику, в самые ее основы, все больше рос в нем вкус к технической книге, к чертежу.

Пробудилась свежая, живая мысль новатора, рационализатора. Научился до конца и последовательно продумывать новую мысль, закалился в боях за реализацию своих идей. Сталин говорил о том, что нет других путей отстоять независимость социалистической родины, как ликвидировать отсталость и развить большевистские темпы. И большевик Ильин — к тому времени уже член партии — старался на своем участке по-настоящему выполнить наказ вождя.

Много дала поездка за границу — пребывание на заводе Круппа в Эссене, у Рехлинга в Сааре. С новыми мыслями, конкретными техническими предложениями — смелыми и до конца продуманными — вернулся он: поднять своды печи, изменить подачу материалов, изолировать шиберы.

Люди, оставшиеся в плену старых привычек, рутинеры, враги, пользовавшиеся их слепотой, критиковали эти планы. Но Ильина не запугаешь — он постиг все тайны мартеновского дела, его голыми ссылками на «авторитеты» не возьмешь. Он последовательно и до конца реализует сталинский совет — ломает консерватизм, старые традиции.

Шел 1929 год. Страна готовилась к великой эпохе сталинских пятилеток. Уже во всех деталях разработана первая пятилетка, уже в целом ряде районов основные массы крестьянства повернули от старого, капиталистического пути на путь социалистический. Однако право-троцкистские предатели еще открыто выступали против социалистической индустриализации. В стране клокотала ожесточенная классовая борьба. Кулак в деревне, остатки нэпа в городе ожесточенно сопротивляются победоносному наступлению социализма.

Но уверенно ведет корабль страны Советов его гениальный капитан. Отбросив в корзину истории все, что тормозило, мешало стремительному движению вперед, советский народ принялся за осуществление величественного сталинского плана.

Новые гиганты металлургии — черной и цветной, химии, машиностроения, новые железные дороги, новые промышленные центры — все это неразрывные звенья единого сталинского плана.

Страна готовилась к стройке. Закипела работа в проектных бюро — составлялись проекты будущих гигантов. В поисках новых богатств пробирались экспедиции геологов в самые глухие углы. Одна за другой выезжали из Москвы комиссии — выбрать площадки для новых строек. Советские люди колесят по Америке — покупают оборудование, учатся у американцев. Развернулись бои на площадке первенца первой пятилетки — Сталинградского тракторного завода.

Но еще до того, как был заложен первый кирпич на первой стройке первой пятилетки, — еще в 1928 году сталинский ЦК партии со всей силой и во всем объеме ставит перед страной великую задачу создания новых хозяйственных кадров, кадров специалистов из рабочего класса.

Растет обширная сеть специализированных высших учебных заведений. Нарождаются и быстро расцветают промакадемии. Реорганизуются рабфаки. Железной рукой партия меняет социальное лицо советского студенчества. Глубоко продуманную систему мероприятий проводит она, чтобы обеспечить рабочим, батракам, деревенской бедноте преобладающее большинство в высшей школе, вопреки сопротивлению консервативных элементов профессуры, вопреки сопротивлению врага и обывателя с партийным билетом и без него. Вслед за вербовкой в вузы первой пролетарской «тысячи» из профсоюзного, партийного актива следует вербовка все новых и новых тысяч. Прежние кузнецы, строгальщики, фрезеровщики, пастухи, секретари заводских парткомов, председатели завкомов садятся на студенческие скамьи.

Все новых и новых людей требует развернувшаяся по всей великой стране гигантская стройка. Люди — самый дефицитный материал, и все же, вопреки всем трудностям, партия снимает порой работников с крупнейших постов и на несколько лет сажает их на студенческие скамьи. Зорко глядел вперед великий рулевой страны Советов. Уверенно готовил он нашей родине ее «завтра».

Подготовка, формирование новых кадров специалистов становятся неотъемлемым и неразрывным звеном общего плана индустриализации страны. Не только в вузах крупных городов формировалась новая советская техническая интеллигенция. На десятках строек, в пустынных степях и в таежных лесах вместе с фундаментом первых цехов закладывались и здания будущих втузов. Впоследствии здесь вырастут целые учебные городки, а пока занятия шли во временных помещениях. Машинисты и электросварщики, монтеры и операторы приходили сюда учиться после рабочего дня.

Упорно и настойчиво направляет Сталин внимание партии, всей страны к подготовке новых кадров.

1930 год. Заседает XVI съезд партии — съезд развернутого наступления социализма по всему фронту. С трибуны съезда Сталин дает историческую программу великих работ в городе и деревне. Сталин подчеркивает: «в связи с этим проблема кадров превратилась у нас в проблему поистине животрепещущую».

1931 год. Бурно растет социалистическое хозяйство страны. Первые цехи первых новых заводов начинают давать продукцию. Растут домны Магнитки и Кузнецка. Весь Союз в лесах новостроек. Сталин учит хозяйственников: «Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой».

Из высших учебных заведений уже вышли первые представители новой технической интеллигенции. Сталин вновь и вновь

учит партию, рабочий класс, страну: «рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию». Не только люди, прошедшие высшую школу, но и квалифицированные рабочие, культурные силы рабочего класса, инициаторы соревнования, вожаки ударных бригад — вот кто должен составить «ядро командного состава нашей промышленности», учит товарищ Сталин.

Проходят еще четыре года. Досрочно выполнена первая пятилетка. Засучив рукава, советский народ работает над вторым пятилетним планом. Превращение СССР в могучую индустриальную державу — свершившийся факт. Ликвидирован голод в области техники. ««К а д р ы р е ш а ю т в с е». В этом теперь главное», говорит товарищ Сталин.

Внимательно и любовно следит вождь революции за первым, порой еще неуверенным полетом первых сталинских птенцов. Но все увереннее и увереннее взмахи их крыльев. У домен и мартенов, у прессов и молотов, в лабораториях и конструкторских бюро, во главе предприятий и главков появляются новые люди — люди сталинского племени, овеянные бурями двух пятилеток, вдоволь нанюхавшиеся боевого пороха на промышленных фронтах, оседлавшие технику и проникшие в ее тайны, помножившие технику на опыт политических борцов. Рушится авторитет многих признанных жрецов науки и техники.

Бесчисленные, идущие со всех концов страны могучие токи аккумулируются в Кремле. На новые, великие дела направляет и вдохновляет бойцов Сталин. Среди огромных, поистине титанических дел Сталин конкретно учит металлургов и химиков, строителей и машиностроителей.

Смелее! Смелее деритесь, не бойтесь! Больше производственного риска! Дерзайте! отечески ободряет и воодушевляет он расправляющих свои крылья орлят.

И в то же время с непревзойденной силой и сарказмом Сталин изобличает «вельмож», «бар», болтунов. Незабываем образ болтуна, показанный в отчетном докладе вождя на XVII съезде.

Изо дня в день, на конкретных, повседневных примерах учит Сталин чуткости к людям, к их потребностям. Не ладится на Сталинградском тракторном. Завод построен, но нестерпимо скрипит заводской организм. Бьется мысль коллектива — как наладить дело, с какого конца лечить. Сталинская телеграмма предлагает в тридцать дней выстроить звуковое кино. По специальному сталинскому распоряжению из Саратова в Сталинград перебрасываются лодки для прогулок, чтобы молодежь тракторного завода могла весело и культурно отдыхать. Во главу борьбы за освоение надо поставить заботу о людях — требует Сталин.

Сталин учит командиров промышленности при всех и всяких условиях неразрывно связывать свою текущую работу с общими великими задачами, стоящими перед страной, перед партией. В тоннах металла и нефти, в колоннах машин Сталин учил видеть средство движения к этим великим целям.

1937 год. Прошли процессы троцкистско-правого центра, пятаковской банды, всех этих рыковых, бухариных, процессы, раскрывшие невиданную цепь предательства и подлости. Часть оторвавшихся от партийной жизни, разложившихся хозяйственников попалась в сети вредителей. И Сталин требует повернуть внимание командных кадров, «увязающих в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, — в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера». Сталин ставит со всей остротой задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров. Несколько лет назад был дан лозунг — об овладении кадров техникой. Теперь этот старый лозунг, соответствующий периоду шахтинских времен, дополняется лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом.

Еще десяток лет назад не только на заводах и фабриках, рудниках и шахтах, но и в штабах промышленности и планирования (в высшем совете народного хозяйства, в Госплане) тон задавали старые специалисты. Многие из них долгие годы были связаны с капитализмом. Они или сами были крупными финансовыми или промышленными тузами (бывший владелец Казанской железной дороги фон-Мекк, бывший председатель общества фабрикантов и заводчиков Петербургского района Бачманов, Морозов — представитель знаменитой династии текстильных королей), или их послушными слугами. Шахтинский процесс, последовавший за ним через несколько лет процесс Промпартии показали, что часть старых специалистов сохранила связи с прежними владельцами предприятий, что они были связаны с иностранными разведками. Они ставили целью сорвать рост социалистической промышленности и восстановить капитализм в СССР.

Историческое значение выступления товарища Сталина в феврале 1931 года «состояло в том, что оно положило конец пренебрежительному отношению к технике со стороны хозяйственников-коммунистов, повернуло хозяйственников - коммунистов лицом к технике, открыло новую полосу борьбы за овладение техникой силами самих большевиков», «отныне дело техники

монополии буржуазных «спецов» пре- щалось в кровное дело самих больше- эв-хозяйственников, а презрительная чка «специалист» — в почетное зва- большевика, овладевшего техникой» [1]. дновременно с созданием новых кадров эстраивается аппарат управления про- иленностью, разукрупняются наркоматы; специализируются; технические управ- ия становятся их сердцем. «Тон» в нар- атах теперь задают не экономисты, а енеры. Наркоматы превращаются в под- ные опорные пункты технической рево- ии, в штабы непосредственной техниче- й помощи и конкретного руководства. рху донизу от наркоматов до цехов — эводящие кадры комплектуются из ин- еров-большевиков, партийных и непар- ных. Новая техническая интеллигенция, этающая техническое образование с по- ической подготовкой, плоть от плоти, ть от кости рабочего класса, заняла ме- у штурвала. Молодежь, воспитанная и осшая в годы двух пятилеток, освоив- новую технику за годы учебы во е и на практике, пришла на важнейшие йственные посты. Свежая поросль та- гливых командиров пришла на место гих хозяйственников, кичившихся своим гим опытом, а на деле полностью пере- вшихся и запутавшихся во вреди- ьстве.

лелый новатор угольной промышленно- пионер новых методов производства енер К. Карташев — заместитель нар- а угольной промышленности. Бывший ризорный, а потом студент втуза, изо- атель и рационализатор, секретарь гинской партийной организации инженер ка — другой заместитель наркома уголь- промышленности.

нженер Павел Коробов, представитель ной династии Коробовых, прошедший от горнового до управления крупней- заводом Европы, — теперь первый за- итель наркома черной металлургии. За- ла стахановского движения в обувной ышленности Николай Сметанин — те- заместитель наркома легкой промыш- юсти СССР. Недавний сталевар метал- ического завода имени Фрунзе Куракин рь руководит этим заводом. Во главе крупнейшего и сложнейшего шарикопод- шипникового завода стоит молодой инже- нер — стахановец Юсим.

Новые руководители принесли с собой новые методы руководства, новый, больше- вистский стиль работы.

«М о й завод», «Я плачу сегодня зарпла- ту», «М н е брак стоит 5 миллионов руб- лей» — такова была манера разговаривать у обанкротившихся хозяйственников старой формации. Нестерпимое «ячество», само- влюбленность, переоценка своей личной ро- ли и значения за счет недооценки роли коллектива и партийной организации — характернейшие их черты. Такой хозяйст- венник только для проформы бывал на техническом совещании, мало вслушивался в голос инженерской массы, плохо знал рабочий коллектив и даже лучших ста- хановцев завода знал только постольку, поскольку это требовалось для того, чтобы помянуть их имена в очередном докладе.

«Н а ш завод», «М ы платим сегодня зарплату», «Н а м брак стоит...», «М ы уве- личили производство...» — так говорят ны- нешние руководители. И дело здесь не только в манере выражаться. Основное — в ином подходе к коллективу, в глубоком осознании его роли и значении. Новый ру- ководитель работает с коллективом, сове- туясь с ним, используя огромный и разно- сторонний его опыт. Старые руководители чуждались партийной и общественной ра- боты, считали, что это ниже их достоинст- ва. Новые руководители гармонически со- четают свою хозяйственную деятельность с большой партийной и общественной рабо- той.

Старые руководители, часто не зная тех- ники, не умея в наиболее острый момент жизни предприятия сказать решающее сло- во, по существу раболепствовали перед признанным техническим «авторитетом».

Новые руководители умеют внимательно выслушивать подчиненных, все их аргумен- ты; они охотно прибегают к совету техни- ческих авторитетов, но они не колеблются принять свое собственное решение.

Сталинскими командирами зовет их народ потому, что они выращены великим Сталиным, потому, что доблестно дерут- ся они за великие цели, поставленные Сталиным, потому, что пламенно и безгра- нично преданы они своей родине, своей стране, своему Сталину.

[1] Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 301.

М. Цейтлин

ЛЮДИ СОЦИАЛИЗМА[1]

1

Полки шкафа заставлены книгами. Они стоят тесно, блестя золотом и серебром корешков. Как выбрать место для новой книги? Какую заставить потесниться? Бегло взглянув на разноцветные переплеты аккуратных томов, не решишь этого вопроса. Все они кажутся одинаково дорогими, близкими, необходимыми. Решение подсказывает память: ее не интересуют краски форзаца и удачная композиция обложки, она перебирает страницы, задерживается вдруг на одной фразе и пропускает целые главы, вновь обращается к любимому образу и отворачивается от ремесленной скороспелки — и ничто не может нарушить беспристрастности ее суждения. Никогда не уйдет с полки книга, с которой связаны дорогие воспоминания, книга любимая, оставившая след в жизни! Наоборот, легко расстаешься с такой, которая, хоть и написана умелой рукой, но оставила равнодушной, мало чему научила, прошла мимо того главного, о чем думаешь, чем живешь. Легко расстаешься с книгой, обманувшей надежды, — за внешней сложностью обнаружившей внутреннюю пустоту. Она не только не сумела предвидеть развитие общественных процессов, но и отстала от них.

Всем нам сейчас необычайно нужны книги — возможно больше и возможно лучше! — о том, что происходит каждый день и совершается на глазах, — о величественных и грандиозных делах, которые сознание не всегда в состоянии полностью охватить и до конца оценить. Как уместна здесь помощь талантливой книги! Мы хотим больше и лучше знать о людях, чьи поступки возбуждают в нас гордость за свой народ, за родину, и кому мы хотим подражать. Хочется проникнуть в их внутренний мир, всюду за ними следовать, остаться с ними наедине в кабине самолета, за письменным столом, вместе с ними войти в Кремль и пережить их волнение, когда руководители страны, великий Сталин поздравляют героев с победой.

Речь идет здесь о чувстве нового, социалистического, что прочно вошло в наш быт и расширять которое является естественным стремлением каждого. В литературе это названо современной темой. Разработка ее как нельзя более своевременно выдвинута в качестве главной задачи советской литературы. Эта формулировка отражает заботу о миллионах читающих советских людей, жадно ищущих в книгах ответа на вопросы, поставленные жизнью сегодня. Они относятся к книге, как к учителю жизни, и литература не имеет права оставлять их разочарованными.

Произведения, взятые для данного обзора, все написаны на современную тему. Они и учат жизни, и сами являются ее продуктом. Ценность их определяется тем, что они расширяют представление об окружающем мире, показывают величие и красоту нашей родины, необычайно ясно и эмоционально рисуют движение жизни человека при социализме. И если бы вдруг оказалось, что эти книги не написаны, не существуют, на полках наших библиотек образовалась бы зияющая пустота, отражение современности в литературе стало бы значительно беднее, ибо рецензируемые произведения говорят о самом главном, дорогом и волнующем всех

---

[1] О книгах И. Д. Папанина—Жизнь на льдине, Г. Байдукова—О Чкалове, М. В. Водопьянова—Дважды на полюсе, И. Спирина—Записки военного летчика, М. Расковой—Записки штурмана, А. Стаханова—Рассказ о моей жизни, И. Гудова—Путь стахановца.

ас: они говорят о людях, страстях и онфликтах нашего времени. Говорят заинтересованно, активно. И авторы, и кни-и их — наши современники в лучшем мысле слова.

Имена Гудова и Стаханова, Папанина и Расковой или Водопьянова, Байдукова, Спирина не являются именами профессио-альных литераторов. Их профессии, как звестно, довольно далеки от литературы. I книги их не беллетристика в собствен-ом смысле слова.

Однако, несомненно, это — явления искусства, действующие его средствами.)ни заключают в себе и элементы драма-изма, и меткие наблюдения, и хороший иалог, и человеческие характеры, под-инные, живые образы людей нашего вре-ени. Они «есть плод возвышенного ума горячего чувства», который Белинский читал важнейшей чертой поэзии.

В сумме своей эти произведения твечают на главные вопросы коммунисти-еского воспитания: как формируется че-овек сталинской эпохи, как складывает-я его характер, в чем заключается то овое, что вносит социализм в отноше-ия между людьми, в их мысли и чув-тва, в их психологию. Смело, откровен-о и талантливо говорят все авторы об том — и вот за что они заслуживают лубокую благодарность миллионов чита-елей.

2

Иван Дмитриевич Папанин написал невник о жизни своей и своих товари-цей на льдине. Записи делались во вре-я самого дрейфа, день за днем.

Папанинцы, как известно, преодолели итанические трудности и вышли победи-елями из борьбы со всеми опасностями уровой Арктики. Разве не естественно ыло бы увидеть в дневнике руководите-я экспедиции некоторое количество риятных слов, адресованных самому се-е? Разве не могло за долгие месяцы рейфа родиться раздражение против ко-о-либо из своих сотрудников? Трудно рожить с другом год в одной комнате аже в культурном городе, что же ска-ать о палатке на полюсе? Наконец, ког-а остались позади месяцы дрейфа, зачем ставлять в дневнике следы своих сомне-ий, своих горечей и треволнений? Чего роще выбросить их при сдаче рукописи набор и войти в историю этаким сто-роцентным рыцарем без страха и упрека! Прочтите книги буржуазных исследовате-ей Арктики, чьи экспедиции даже и не авершились успехом, но хотя бы не за-кончились крахом, и вы догадаетесь, что все они подверглись такого рода «лите-ратурной обработке».

Дневники Папанина абсолютно лишены этих, с точки зрения буржуазной морали, абсолютно естественных качеств. Они кристально честны и благородны. Из бесхитростных записей «хозяина Северного полюса» встает прекрасный образ коллектива советских людей, спаянных братской дружбой и единством высокой цели, людей простых и мужественных.

Что сделало их героями? То, что они представляли не буржуазное общество, построенное на волчьих законах и веками вырабатывавшее в своих членах «нормальные» качества себялюбия и индивидуализма, а общество социалистическое, за недолгие годы своего существования сумевшее разбудить лучшие свойства людей: благородство и коллективность, братскую дружбу и взаимопомощь, преданность общему делу и самоотверженность, настойчивость и упорство в достижении поставленной цели.

Посланцы буржуазной науки чувствовали бы себя на льдине одинокими и брошенными на произвол судьбы. Папанинцы—посланцы Сталина — согревались заботой народа, заинтересованностью в их судьбе великой родины. Их ни на минуту не покидала уверенность, что страна сделает все, чтобы их экспедиция закончилась успешно. В самые тяжелые дни дрейфа И. Д. Папанин записывает в свой дневник:

«Мы не беспокоились ни о себе, ни о своих семьях. Вспомнил трагическую запись капитана Скотта, который, возвращаясь с Южного полюса, мучительно думал, кто обеспечит его семью, если он погибнет. У нас нет таких мыслей. За нами весь советский народ, наша партия, наше правительство» (стр. 198).

В героических условиях жизни на льдине с предельной ясностью и наглядностью выявлялись все свойства людей. Автор дневников, хотя обстановка меньше всего располагала к труду литературному, сумел ярко и конкретно обрисовать драгоценные черты нового, социалистического в своих товарищах. О себе он — из скромности — почти не говорит. Но и его образ, образ большевика-руководителя раскрывается в мыслях автора, в его замечательной братской заботе о друзьях, в его ощущениях и чувствах, описания которых скромный автор все же не может избежать.

Что же касается других участников дрейфа, то Папанин проявил настоящий талант в собирании по крупицам их характеров. В своем дневнике он показывает Ширшова, Кренкеля, Федорова с самых различных сторон, в разной обстановке: на научной работе, в борьбе со стихией, за дружеской беседой, бодрых и усталых, в разном настроении. Короткой

записи, одного штриха бывает достаточно, чтобы представить себе кого-либо из зимовщиков. Папанин хочет, например, подчеркнуть выдающуюся выносливость и трудолюбие П. П. Ширшова. Он заносит в дневник:

«...Я зажег примус, обогрел палатку и одновременно приготовил чаю. Так мы сидели за чаем и слушали московские новости. Проснулся даже Петр Петрович, который после 2-суточной вахты лег спать только 2 часа назад. К нашему удивлению, Петр Петрович ушел к лебедке заканчивать глубоководную станцию».

Хорошая книга — всегда смелая книга. Именно такова «Жизнь на льдине». Проникнутая оптимизмом, она однако не скрывает трудностей дрейфа станции «Северный полюс», честно и прямо рассказывает о них, о волнениях и сомнениях участников экспедиции. Папанин и папанинцы задумывались о своем будущем, беспокоились: как кончится дрейф. Но сама природа этих сомнений содержала в себе новые, социалистические качества: волновались и о себе, но еще больше о результатах своей работы; было очень трудно и в то же время радостно, что двигается вперед любимое дело; в самые тяжелые минуты люди побеждали страх бесстрашием.

Не раз И. Д. Папанин возвращается к вопросу: что же будет, если трагическая случайность не позволит довести дрейф до благополучного конца:

«Сегодня мороз доходит до 31 градуса. Дует северный ветер. Он вызывает много тревоги, потому что нас гонит к берегам Гренландии — на Северо-восточный мыс. При ветре такого направления можно ждать столкновения со скалами. Но мы настолько привыкли к ледовой обстановке, что уверены в благополучном исходе нашей экспедиции. Впрочем, если останется хотя бы один из нас, то он сумеет доставить на материк результаты наших трудов. Об этом я думал, но с товарищами не делился. Подобная беседа в тревожные часы не приносит пользы».

Сомнения не переходили в отчаяние, не создавали постоянно гнетущей, мрачной атмосферы. Их сменяла уверенность в победе, они не нарушали нормальной жизни. Люди продолжали работать, думать о будущем: в самые тяжелые дни Папанин мечтает о новых экспедициях, Ширшов составляет план будущей книги. Социалистический коллектив остается столь же крепким и тогда, когда зимовщики — на обломке льдины — оказались фактически замурованными в своем снежном домике. Каждый заботится о товарищах. Находятся развлечения. Все вместе думают о родине, читают и занимаются.

Эти опасные дни дрейфа с эпическим спокойствием описаны Папаниным. Но между строк сдержанных, коротких записей, регистрирующих сжатие льдов, можно прочесть очень много. Чувствуется, что здесь написано не все, из умного желания не волновать зря себя и не заразить своим волнением друзей. И лишь в ночь, когда опасность миновала, когда рядом находился «Таймыр», в последнюю ночь на льдине, в дневнике появляется такая запись:

«Веселый» вел себя ночью плохо. Как только в нашу сторону проникал серебристый луч прожектора, пес начинал неистово лаять. Мои нервы были так возбуждены, что я не мог вынести этого яростного лая. Поймав «Веселого», я зажал его между коленями, и он молчал» (стр. 220).

И дальше:

«В 2 часа дня корабли достигли кромки льда, пришвартовались к ней. В бинокль было видно, как люди спешат спуститься на лед. Не могу сдержаться, отворачиваюсь, текут слезы радости. Вижу: Петя усиленно моргает глазами и тоже отворачивается.

И радостно и в то же время немного грустно было расставаться со льдиной, обжитой нами...» (Стр. 221).

Эти строки больше говорят уму и сердцу читателя, чем многостраничные рассуждения иных профессиональных литераторов.

Редакция «Правды» нисколько не преувеличивает, когда пишет в предисловии к дневнику героя Арктики:

«В веках останется эта книга замечательным памятником нашей прекрасной, героической сталинской эпохи».

3

Книги писателей-летчиков — «Записки» Спирина и Расковой, «Дважды на полюсе» Водопьянова, «О Чкалове» Байдукова — близко примыкают к дневнику Папанина по материалу. Есть между ними и связь более важная, чем фактическая, — связь идей, направления, подхода к материалу.

Во всех этих книгах описаны героические дела советской авиации, но описаны как повседневность, с простотой и скромностью, присущими людям социалистического коллектива. Сообщаемые авторами факты интересны сами по себе: они дополняют наши знания о героических перелетах и прославленных летчиках, мы находим в книгах новые детали, наблюдения, характеристики. Можно было бы подойти ко всей группе произведений и с такой точки зрения: все они показывают типичный путь человека при социализме. Биографии Чкалова и Водопьянова, Раско-

вой и Спирина, различные в деталях, сходятся в общем. Талант этих людей был бы погребен при капитализме, при социализме же он быстро расцвел. Их ничто не останавливало, и все им помогало, все содействовало развитию их индивидуальности и творческих возможностей. То, что пишет Байдуков о Чкалове, можно отнести и ко всем остальным:

«Вместе со страной, поднимающейся в гору, расцветала и жизнь Валерия Павловича. Он стал разговорчив, и его суровые черты терялись в частой улыбке — будь это в семейном кругу или среди товарищей, на работе. Он стал внимательнее приглядываться к политической жизни страны, часто зачитываясь беллетристикой, газетами и брошюрами. Пытливый ум анализировал события сложной жизни, и Чкалов с каждым днем обогащался теплым чувством любви к своему народу, верой в будущее, ради которого стоит честно поработать до конца жизни» (Г. Байдуков, О Чкалове, стр. 67).

Стержнем книг летчиков является та же тема, которая особенно привлекает и в дневнике Папанина, — тема развития новых, социалистических свойств человека. По страницам этих книг разбросаны многочисленные факты и примеры этого. Правда, подчас авторы, быть может, излишне лаконичны. Хотелось бы задержаться на некоторых эпизодах, шире, подробнее узнать о событиях и поведении людей. Но и то, что сделано, дает богатый материал для размышлений, рельефно фиксирует важнейшую проблему коммунистического воспитания — формирование коммунистического сознания и психики.

Наши летчики, о которых идет речь в названных произведениях, обуреваемы теми же чувствами, что и папанинцы. При установлении новых рекордов, при открытиях и завоеваниях ими движет совершенно неизвестное герою буржуазного общества стремление к общему благу. Они мечтают не о личной только славе, но о славе родины. Ими руководят не соображения личной корысти, а сознание общественной пользы. Наши авторы эти общие понятия раскрывают конкретно и образно.

21 мая первый советский самолет достиг Северного полюса. Автор книги «Дважды на полюсе» Герой Советского Союза М. В. Водопьянов вел самолет... О чем же думал прославленный летчик в этот момент?

«— Под нами полюс!

Полюс! Запеть бы сейчас во весь голос, да так запеть, чтобы услышала вся родная страна!

Полюс! Счастье, радость — какие это жалкие понятия по сравнению с теми чувствами, что захлестнули сейчас все мое существо!

Полюс! Веками стремились сюда люди. Путь к вершине мира устлан человеческими жертвами.

И вот я — в прошлом забитый деревенский парень, а сейчас советский летчик, взращенный большевистской партией, родиной, — лечу над полюсом.

Еще несколько минут, и я должен посадить наш самолет там, где никто никогда еще не садился. С быстротой молнии разнеслась по самолету весть, что мы над полюсом. Обернувшись назад, я увидел ликующие лица своих товарищей, таких же детей простых рабочих и крестьян.

...То, что было не по силам старому миру, сделала наша молодая страна» (М. В. Водопьянов, Дважды на полюсе, стр. 156—157).

Чувство социалистической гордости присуще всем участникам героических перелетов. Наряду с сознанием неразрывной связи со страной, оно помогает преодолевать любые трудности и побеждать. Оно, это чувство, не возникло неожиданно, а подготавливалось всей революционной историей нашего народа, многолетней борьбой большевистской партии и рабочего класса.

Коммунистическое сознание проявляется не только в часы великих событий, а повседневно, всегда. Примеры его можно найти в той же книге Водопьянова, когда он рассказывает об Алексееве и Мазуруке. У этих летчиков нехватало горючего. Кто-то предложил слить горючее из двух машин в одну и на ней обоим летчикам лететь до острова Рудольфа, а вторую машину оставить на льдине. Летчики пренебрегли удобством этого предложения и ни за что не согласились оставить в опасности машину, доверенную им страной. Но один из тех же летчиков, после долгих усилий выйдя из облаков и увидев, что другой погружается в них, рискуя жизнью, бросился на помощь товарищу. Не менее характерен рассказ Спирина: когда флагманский самолет летел на полюс, внезапно отказал один мотор. И вот участники полета скрывают друг от друга этот тревожный факт, чтобы не волновать остальных. Социалистическое чувство товарищества подсказывает им такое решение.

Даже в час смерти человек социализма проверяет себя этими новыми нормами общественного поведения. В книге Г. Байдукова о великом летчике нашего времени — Чкалове, — воображением автора воссоздана незабываемая, правдивая картина трагической, случайной гибели Валерия Павловича:

«...Вот он отвернулся от сарая, чтобы не

ударить его крылом. И вдруг в трепетных мыслях пилота мелькнуло имя Сталина, его недавние слова — «береги себя» — и его постоянная забота о Чкалове, которая не раз уберегала бесстрашного пилота от смерти.

Самолет с большой скоростью приближался к земле. Многие строения уже были выше линии полета. Нужно было уклоняться от прямых ударов. И Чкалов, прилагая все искусство, до последней минуты отворачивал голову от меча смерти, занесенного над его головой. Перед глазами неожиданно показались вновь жилые дома. Валерий видел, как в паническом беге разбегалось все живое, прячась в закоулки.

«Нет, в дома невозможно», твердо решил Валерий, и благородная рука советского пилота спокойно начала класть самолет в последний разворот, отводивший удар по жилью.

Через секунду Чкалов навсегда распрощался с жизнью» (Г. Байдуков, О Чкалове, стр. 194—195).

Чкалов вел себя в последние мгновения своей жизни так потому, что был гражданином нового мира — мира мужественного и благородного.

Достаточно вспомнить аналогичное описание гибели американского летчика в книге Джимми Коллинза, чтобы почувствовать непроходимую пропасть, разделяющую не только жизнь, но и смерть двух пилотов.

4

Профессии Стаханова и Гудова бесконечно далеки от профессий Папанина, Водопьянова, Байдукова и других. Они, казалось бы, не имеют точек для соприкосновения. Значительно легче представить героизм летчика, чем героизм шахтера или фрезеровщика, занимающихся обыденной прозой жизни. Однако социалистическая действительность опрокидывает и это условное разделение людей труда, созданное классовым обществом. Она приближает их друг к другу, роднит их, сообщает им общие качества, и тех и других превращает в народных героев. При этом не только не происходит выдуманной буржуазными клеветниками нивелировки человеческой индивидуальности, а, наоборот, только теперь во всем многообразии проявляются различия и сложность человеческих характеров. У людей общая судьба, общие благородные стремления, общие великие идеи, — но каждый идет своим путем, по-своему осуществляет свои мечты и чаяния.

Стаханов и Гудов. Эти имена известны всей стране наравне с именами других прославленных героев. Великий народ знает этих людей так же, как знает он Чкалова и Водопьянова. Между тем еще несколько лет назад они были не только безвестными, но и малокультурными деревенскими парнями. В книгах А. Стаханова «Рассказ о моей жизни» и И. Гудова «Путь стахановца» рассказано о том, как страна обрела Стаханова и Гудова. В 1934 году Иван Гудов впервые приехал в Москву и попал на завод. Вот как он описывает свои первые впечатления:

«...Долго размышлять мне не пришлось. Шум станков нарушил ход моих мыслей. Мне казалось, что вот-вот какой-нибудь станок сорвется с места, наскочит на меня, ударит в грудь, а если я захочу защититься, другой станок хватит меня по спине — и конец мечтам о новой жизни, профессии. С плохо скрытой опаской, нерасторопный и, вероятно, смешной от растерянности, я пробирался в третий пролет» (И. Гудов, Путь стахановца, стр. 22).

На несколько лет раньше приехал из деревни в Донбасс Алексей Стаханов. Когда он в первый раз спускался в шахту, то испытывал, примерно, то же, что и Гудов:

«...Сел в клеть. Раздались сигналы рукоятчика, и клеть опустилась. В животе почувствовался холодок. Я пригнул голову, весь съежился и жду чего-то страшного. Слышу, как по стволу льется вода. Шорох клети, скользящей по проводникам, страшит меня. Казалось, что канат перегреется, а клеть вместе со мной разобьется где-то внизу. Прижался к стенке. Мне показалось, что мы проваливаемся. Потом забило дыхание и почудилось, что я лечу вверх. Но вот мелькнул свет, послышались голоса...» (А. Стаханов, Рассказ о моей жизни, стр. 11).

Превращения, происшедшие с этими людьми за столь короткий срок, могут показаться фантастическими. Но эти герои социалистического труда — самые нормальные советские люди. Все дело в том, что другой стала норма. Стаханов и Гудов, как всем нам хорошо известно, прошли свой путь вместе со страной. Их подняла жизнь, партия, Сталин. Они научили Стаханова и стахановцев новому отношению к труду и к самим себе. В этих людях труда, так же как и в героях-летчиках, как и в миллионах советских людей всех профессий, развились социалистические качества.

Книги Стаханова и Гудова — ценные книги именно потому, что они подробно и убедительно показывают путь этого развития. Показывают без прикрас, смело и честно. То и дело на страницах книги Гудова встречаются слова: «мне было очень трудно...» Так же трудно было и Стаханову: нехватало культуры, знаний, умения. Не заботясь о том, чтобы произвести внешний эффект, оба автора рассказывают, как поднимались они со ступеньки на ступеньку

социалистического сознания, как постепенно у них вырабатывался новый взгляд на жизнь и события, новое отношение к труду.

Гудов пишет:

«Учеба давалась мне с трудом. Я должен был поспевать за ребятами, которые окончили семилетку. Отсутствие достаточной подготовки сильно сказывалось. Но я упорно усваивал страницу за страницей. Ни разу я не опоздал на занятия. Я не упускал ни одного дополнительного занятия. Целые ночи просиживал, чтобы понять, добраться до смысла различных алгебраических и тригонометрических формул. Я не боялся прослыть надоедливым или тугодумом. Если что-нибудь не понимал, я просил, чтобы мне объяснили второй и третий раз. В зимние вечера, возвращаясь домой, в Семеновское, я мысленно решал задачи и в десятый раз проверял себя: все ли я понял (И. Гудов, Путь стахановца, стр. 24).

Так рядовой рабочий становился лучшим знатоком фрезеровки, простой коногон приближался к международному рекорду добычи угля, так уходил в прошлое труд механический, и нарождался труд социалистический. Стаханов и стахановцы стали «новаторами в науке, людьми нашей передовой науки» в результате того, что они проходили школу коммунистического воспитания, формировались в сталинскую эпоху.

5

Все книги, о которых говорилось выше, — произведения биографические. Авторы их рассказывают о своей жизни, о ее наиболее значительных событиях, о собственных встречах и наблюдениях. Но есть один образ, который проходит через все эти книги и все время незримо присутствует на их страницах—это образ великого Сталина.

С именем товарища Сталина люди нашей родины творят свои замечательные дела. Он вдохновляет их на все победы. Естественно, что, описывая свои рекорды, экспедиции, достижения, каждый советский человек с благодарностью и любовью произносит имя товарища Сталина.

Товарищ Сталин снаряжал экспедицию на Северный полюс, он лично руководил работами по спасению папанинцев, он дал маршрут перелета Чкалова, Байдукова и Белякова. Все они, так же как и героическая тройка советских женщин-летчиц, возвращаясь в Москву с победами, встречались с товарищем Сталиным и руководителями партии и правительства в Кремле. С подлинной сыновней любовью, с теплотой и нежностью лучшие страницы своих книг посвящают герои-летчики и стахановцы этим встречам. Перед читателем встает родной и близкий, простой и мудрый облик вождя.

Со Сталиным связаны все значительные события в жизни героев. Они проверяют себя его оценками. Его гений освещает им путь. Исторические речи Сталина, являющиеся величественной программой для всего народа, вместе с тем каждому советскому человеку кажутся задушевной беседой вождя лично с ним. Замечательно пишет Гудов: «... я примеряю слова Сталина к себе», «много раз мне казалось, что это товарищ Сталин говорит обо мне, что он следил за моей жизнью, и вот он анализирует ее».

Всенародное чувство к великому вождю выразил Чкалов:

«В горячих речах, в песнях и стихах народы Советского Союза называют Сталина путеводной звездой и солнцем. Но чаще всего вырывается одно слово, самое нежное человеческое слово:

— Отец!».

Уполн. Главлита А-24166. Сдано в набор 11/XI—23|XIII 1939 г. Подп. к печати 27|I 1940 г. Бумага 70×101 см. 1/16 доля. 12 п. л. по 59 т. зн. М. Г. 169. Нар 1428. Фабрика юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», ул. Фридриха Энгельса, 46. Тираж 35 000 экз. **Технический редактор И. И. Соленов. Корректоры И. Кудашев и М. Соколова.**

Цена 2 р. 50 к.

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, д. 6.
Телефон К-1-11-33.